

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Институт социально-политических исследований
ОБЩЕСТВЕННАЯ РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Москва
2025

Главный редактор научного журнала

Левашов Виктор Константинович, доктор социологических наук, директор Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН).

Заместители главного редактора

Великая Наталия Михайловна, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, ФНИСЦ РАН.

Иванов Вилен Николаевич, чл.-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Ответственный секретарь

Гребняк Оксана Валерьевна, научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Члены редколлегии

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, Ереванский государственный университет (Армения).

Большаков Владимир Ильич, доктор философских наук, профессор РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина.

Буланова Марина Борисовна, доктор социологических наук, профессор, ИС ФНИСЦ РАН; РГГУ.

Вакарелу Мариус, доктор философии, Национальный университет политических наук и госуправления (Румыния).

Вдовиченко Лариса Николаевна, доктор социологических наук, профессор, РГГУ.

Гуселетов Борис Павлович, доктор политических наук, ИСПИ ФНИСЦ РАН; Институт Европы РАН.

Денисова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет

Дудина Виктория Ивановна, доктор социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет

Евтич Миролjub, доктор политических наук, профессор, Белградский университет (Сербия).

Журавлев Анатолий Лактионович, академик РАН, доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН; Московский Гуманитарный Университет.

Забирова Айгуль Тлеубаевна, доктор социологических наук, профессор, Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (Казахстан).

Иванов Дмитрий Владиславович, доктор социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет.

Ильичева Людмила Ефимовна, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН; РАНХиГС.

Константинова Лариса Владимировна, доктор социологических наук, профессор РЭУ им. Г.В. Плеханова.

Мартыненко Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, ИС ФНИСЦ РАН.

Назарова Елена Александровна, доктор социологических наук, профессор, МГИМО; РАНХиГС.

Овчарова Ольга Геннадиевна, доктор политических наук, доцент, РГСАИ.

Орлова Ирина Викторовна, доктор философских наук, профессор, РАНХиГС.

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор, ИС ФНИСЦ РАН; Высшая школа современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова.

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, ИСД ФНИСЦ РАН; РЭУ им. Г.В. Плеханова.

Рогачев Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Романович Нелли Александровна, доктор социологических наук, доцент, Воронежский филиал РАНХиГС.

Сакка Фламиния, доктор политических наук, профессор, Университет Тушии (Италия).

Селезнёв Игорь Александрович, кандидат социологических наук, доцент, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, ИС ФНИСЦ РАН.

Сингх Вирендра, доктор философии, профессор, Аллахабадский университет (Индия).

Топилин Анатолий Васильевич, доктор экономических наук, профессор, ИСД ФНИСЦ РАН.

Тощенко Жан Терентьевич, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, Институт социологии ФНИСЦ РАН; РГГУ.

Шереги Франц Эдмундович, кандидат философских наук, директор Центра социального прогнозирования и маркетинга.

Editor in Chief

Victor K. Levashov, Doctor of Sociology, Director, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS (ISPR FCTAS RAS).

Deputy Chief Editors

Nataliya M. Velikaya, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Yuliya A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor, FCTAS RAS.

Vilen N. Ivanov, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Executive Secretary

Oksana V. Grebnyak, Researcher, ISPR FCTAS RAS.

Members of the editorial Board

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Science, Professor, Yerevan State University (Armenia).

Vladimir I. Bolshakov, Doctor of Philosophy, National University of Oil and Gas "Gubkin University".

Marina B. Bulanova, Doctor of Sociology, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; RSUH.

Marius Vacarelu, Ph.D. in administrative sciences, National University of Political Studies and Public Administration (Romania).

Larissa N. Vdovichenko, Doctor of Sociology, Professor, Russian State University for the Humanities.

Boris P. Guseletov, Doctor of Political Science, ISPR FCTAS RAS; Institute of Europe RAS.

Galina S. Denisova, Doctor of Sociology, Professor, Southern Federal University

Victoria I. Dudina, Doctor of Sociology, St Petersburg University.

Mirosljub Jevtic, Ph.D. in Political Science, Full Professor, University of Belgrade (Serbia).

Anatoly L. Zhuravlev, Academician, Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology RAS; Moscow University for the Humanities.

Aigul T. Zabirowa, Doctor of Sociology, Professor, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan (Kazakhstan).

Dmitrii V. Ivanov, Doctor of Sociology, St Petersburg University.

Ludmila E. Ilyicheva, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS; RANEPa.

Larisa V. Konstantinova, Doctor of Sociology, Professor, Plekhanov Russian University of Economics.

Vladimir V. Martynenko, Doctor of Political Science, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS.

Elena A. Nazarova, Doctor of Sociology, Professor, MGIMO University; RANEPa.

Olga G. Ovcharova, Doctor of Political Science, RSSAA.

Irina V. Orlova, Doctor of Philosophy, Professor, RANEPa.

Gennadii V. Osipov, Academician, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Higher School of Contemporary Social Sciences, MSU.

Elena E. Pismennaya, Doctor of Sociology, Professor, Institute of Social Demography of FCTAS RAS; Plekhanov Russian University of Economics.

Sergey V. Rogachev, Doctor of Economics, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Nelly A. Romanovich, Doctor of Sociology, Professor, RANEPa Voronezh branch.

Flaminia Saccà, Full Professor of Political Sociology, Tuscia University (Italy).

Igor A. Seleznev, Candidate of Sociology, ISPR FCTAS RAS.

Nina A. Seliverstova, Doctor of Sociology, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS.

Virendra P. Singh, Ph.D. in Sociology, Professor, University of Allahabad (India).

Anatoly V. Topilin, Doctor of Economics, Institute of Social Demography of FCTAS RAS.

Zhan T. Toshchenko, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; RSUH.

Franc E. Sheregi, Candidate of Philosophy, Director of the Center for Social Forecast and Marketing.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Лебедев М. П.

Стратегия межрегионального научного сотрудничества федеральных исследовательских центров как основа устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации 8

Зубарев С. М., Иванов А. В.

Публично-правовое обеспечение государственного суверенитета Российской Федерации в условиях новых вызовов и угроз: социологическое измерение 25

Селезнев И. А.

Россия и институты межгосударственной интеграции: потенциал, риски, перспективы 44

УПРАВЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Серавин А. И.

Взаимосвязь цифровизации и демократизации: факторы, проблемы, ценности в условиях делиберативной демократии . . . 60

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Сащенко Н. П., Гребняк О. В.

Национально-государственная идентичность как объект политики: аналитический обзор. 72

Лиханова Т. Ю.

Динамика традиционных ценностей и типология патриотизма в современной России (по данным социологического исследования) 85

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Гуселетов Б. П.

Итоги внеочередных парламентских выборов в Германии 2025: победители и проигравшие 105

Ткачев А. О.

Сирийские беженцы в Германии: политический анализ современной ситуации 119

Рахмонов А. Х.

Миграционные процессы между Россией и странами АТР: санкционный контекст и последствия для положения россиян 133

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

Царьков П. Е.

Социально-деструктивный потенциал харизматических религиозных движений: постановка проблемы 148

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Горохов В. А., Нарышкин К. А.
Трансформация социальных ролей клубного футбола в Европе и России
в условиях нарастающего экономического неравенства 162

IN MEMORIAM

Памяти С. Г. Кара-Мурзы (1939–2025) 176
Памяти М. К. Горшкова (1950–2025) 178

THEORY AND PRACTICE OF STATE GOVERNANCE

Lebedev, M. P.

Strategy of interregional scientific cooperation among
Federal Research Centers as a basis for the sustainable development
of the Arctic Zone of the Russian Federation 8

Zubarev, S. M., Ivanov, A. V.

Public-law enforcement of the state sovereignty
of the Russian Federation under new challenges and threats:
sociological dimension. 25

Seleznev, I. A.

Russia and the institutions of interstate integration: potential,
risks, prospects 44

MANAGEMENT IN A DIGITAL TRANSFORMATION

Seravin, A. I.

Interplay between digitalization and democratization: factors,
challenges, and values in the context of deliberative democracy. 60

POLITICAL SOCIOLOGY

Sashchenko, N. P., Grebnyak, O. V.

National-state identity as an object of politics: an analytical review 72

Likhanova, T. Yu.

Dynamics of traditional values and the typology of patriotism
in modern Russia 85

SOCIO-POLITICAL PROCESSES IN RUSSIA AND ABROAD

Guseletov, B. P.

Results of the 2025 snap parliamentary elections in Germany:
winners and losers 105

Tkachev, A. O.

Syrian refugees in Germany: political analysis of the current situation 119

Rakhmonov, A. Kh.

Migration processes between Russia and the Asia-Pacific countries:
the sanctions context and implications for the situation of Russians 133

SOCIOLOGY OF RELIGION

Tsarkov, P. E.

Socially destructive potential of charismatic religious movements:
problem statement 148

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Gorokhov, V. A., Naryshkin, K. A.
Transformation of the social roles of club football in Europe and Russia
amid growing economic inequality 162

IN MEMORIAM

Kara-Murza, S. G. (1939–2025). 176
Gorshkov, M. K. (1950–2025). 178

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.4.1](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.1)
EDN [UVFIMG](https://edn.uvfimg.ru)
УДК 316.422(98)

М. П. Лебедев¹

¹ Якутский научный центр СО РАН. Якутск, Россия

СТРАТЕГИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ФЕДЕРАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЦЕНТРОВ КАК ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу институциональной модели межрегионального научного сотрудничества федеральных исследовательских центров (ФИЦ), реализующих государственную научную политику в Арктической зоне Российской Федерации. На основе кластеризации компетенций восьми ключевых ФИЦ выделено 12 приоритетных направлений исследований. Показано, что действующие механизмы взаимодействия ограничены недостаточной координацией, фрагментацией данных и низким уровнем трансфера технологий. Обоснована необходимость перехода к миссионно-ориентированной модели науки как инструмента государственного управления, включающей формирование межрегиональных консорциумов, цифровые платформы открытых данных, биобанки, совместные полигоны в криолитозоне и механизмы сотрудничества с коренными малочисленными народами Севера (КМНС). Предложенная архитектура соотнесена со Стратегией научно-технологического развития РФ, Стратегией развития АЗРФ до 2035 года и национальным проектом «Наука и университеты». Особое внимание уделено проекту федеральной программы «Научно-технологическое обеспечение стратегического развития АЗРФ», подготовленному ФИЦ Арктики в рамках Соглашения о научном сотрудничестве (2021) под координацией ФИЦ «Якутский научный центр СО РАН». Программа включает 115 междисциплинарных проектов, направленных на устойчивое освоение Арктики. Ключевым инструментом её реализации выступает дорожная карта интеграционных мер с целевыми индикаторами (KPI) до 2030–2035 гг., обеспечивающая консолидацию ресурсов, ускорение трансфера технологий и согласованность федеральной и региональной научной политики. Принятие федеральной программы станет фактором интеграции ресурсов ФИЦ и будет способствовать как научному, так и экономическому развитию Арктики, обеспечивая её устойчивое освоение в рамках государственной политики.

Ключевые слова: Арктическая зона Российской Федерации, федеральный исследовательский центр, межрегиональное научное сотрудничество, научная политика, миссионно-ориентированная наука, институциональная координация, технологический суверенитет, устойчивое развитие

Для цитирования: Лебедев М. П. Стратегия межрегионального научного сотрудничества федеральных исследовательских центров как основа устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 4. С. 8–24. DOI [10.19181/nko.2025.31.4.1](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.1). EDN [UVFIMG](https://edn.uvfimg.ru).

Введение. Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ) – одно из ключевых геополитических и научно-технологических пространств страны. Здесь сосредоточены критически важные природные ресурсы, проходит Север-

ный морской путь, формируется каркас международных транспортных и энергетических коммуникаций, а также пересекаются интересы ведущих арктических и неарктических государств. Темпы климатических изменений в регионе опережают среднемировые в 3–4 раза (по совокупности наблюдений за 1971–2019 гг.), что усиливает глобальное внимание к Арктике как к пространству стратегической конкуренции и международного сотрудничества. В этих условиях наука становится инструментом государственной политики и социального управления, формирующим основу устойчивого развития и укрепления суверенитета в регионе.

Климатическое потепление, деградация криолитозоны, рост частоты природных рисков и инфраструктурные уязвимости формируют комплекс взаимосвязанных вызовов, требующих координированного научного ответа и трансфера технологий в практику управления территориями [1]¹. Эффективность такого ответа зависит не столько от объёма исследований, сколько от организационных и институциональных механизмов кооперации между научными организациями и органами власти [2]. Соответственно, ключевой задачей государственной политики становится развитие межрегиональных научных консорциумов, создание исследовательских инфраструктур и платформ открытых данных, ориентированных на миссионно-ориентированную науку, что закреплено в «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» (Стратегия НТР)², «Стратегии развития АЗРФ до 2035 года»³ и нацпроекте «Наука и университеты»⁴.

В этом контексте федеральные исследовательские центры (ФИЦ) Арктики являются интеграционными структурами РАН и отраслевых НИИ и выступают каркасом национальной арктической исследовательской экосистемы. Уточним, под «ФИЦ Арктики» понимаются центры, официально включённые в арктическую повестку Минобрнауки РФ и осуществляющие исследования, непосредственно связанные с АЗРФ, независимо от их географического расположения. Их миссия двояка: 1) производить новые знания о климате, криосфере, экосистемах и социальных процессах в Арктике; 2) обеспечивать внедрение решений для устойчивого природопользования, инженерной адаптации инфраструктуры, продовольственной и санитарно-эпидемиологической безопасности. Вместе с тем, по ряду параметров сохраняются узкие места: фрагментация данных и методик мониторинга, неоднородность инфраструктурного обеспечения и неравномерный трансфер технологий в регионы Севера⁵. Международная повестка (AMAP, IPCC, SAON) акцентирует важность сопоставимости данных и ком-

¹ AMAP. Arctic Climate Change Update 2021: Key Trends and Impacts. Oslo: Arctic Monitoring and Assessment Programme, 2021. URL: <https://www.amap.no> (accessed: 20.08.2025); WMO. State of the Global Climate 2023. Geneva: World Meteorological Organization, 2024. WMO-No. 1365. URL: <https://public.wmo.int> (accessed: 20.08.2025).

² Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 01.12.2016 № 642. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207967/ (дата обращения: 20.08.2025).

³ Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности до 2035 года: утв. Указом Президента РФ от 26.10.2020 № 645. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366065/ (дата обращения: 20.08.2025).

⁴ Паспорт национального проекта «Наука и университеты»: утв. Минобрнауки, апрель 2023. URL: <https://government.ru/rugovclassifier/864/events/> (дата обращения: 20.08.2025).

⁵ AMAP. Arctic Climate Change Update 2021...; SAON. Strategy for the Sustaining Arctic Observing Networks 2021–2030. Tromsø: SAON. 2021. URL: <https://www.arcticobserving.org> (accessed: 20.08.2025); Обзор деятельности научных организаций РФ за 2023 год. М.: Минобрнауки России, 2024. URL: <https://minobrnauki.gov.ru> (дата обращения: 20.08.2025).

плексных наблюдательных сетей – это задаёт стандарты, к которым следует интегрировать российские ФИЦ [1]⁶.

Проблема исследования. При наличии значительного научного потенциала ФИЦ Арктики отсутствует устойчивая институциональная архитектура межрегионального взаимодействия, обеспечивающая сопоставимость данных, согласование методик и устойчивый технологический трансфер в практику. Это снижает кумулятивный эффект от инвестиций [3] и замедляет достижение целевых ориентиров Стратегий НТР и АЗРФ.

Исследовательский вопрос. Как организовать межрегиональное научное сотрудничество ФИЦ так, чтобы объединить фундаментальные и прикладные направления, стандартизировать данные и ускорить внедрение технологий для устойчивого развития АЗРФ?

Цель статьи. На основе институционального и содержательного анализа восьми ФИЦ Арктики предложить научно-обоснованную архитектуру межрегиональной кооперации, включающую кластеризацию компетенций, механизмы управления данными, полигонные сети в криолитозоне и контуры технологического трансфера, согласованные с федеральными стратегиями.

Научная новизна. В работе систематизированы компетенции ФИЦ по 12 тематическим кластерам (от геоэкологии и криосферы до медицины, гуманитарных исследований и цифрового моделирования); предложена модель миссионно-ориентированного взаимодействия с единым контуром открытых данных и КРІ; показана связь архитектуры сотрудничества со Стратегиями НТР и АЗРФ, а также нацпроектом «Наука и университеты».

Задачи исследования:

Провести институциональный и содержательный анализ восьми ФИЦ Арктики и выполнить кластеризацию компетенций по 12 приоритетным направлениям.

Осуществить критический анализ существующих механизмов взаимодействия (координация, стандартизация данных, трансфер технологий), выявить ограничения и «узкие места».

Сформировать целевую архитектуру межрегионального взаимодействия (миссионные консорциумы, полигонные сети, биобанки, цифровые платформы открытых данных, этические протоколы работы с КМНС).

Предложить дорожную карту интеграционных мер с КРІ до 2030–2035 гг., согласованную со Стратегиями НТР и АЗРФ, а также нацпроектом «Наука и университеты».

Таким образом, исследование направлено на разработку целостной концепции межрегионального научного сотрудничества ФИЦ Арктики, которая позволит преодолеть существующие институциональные и инфраструктурные ограничения, интегрировать результаты фундаментальных и прикладных исследований в единую экосистему и обеспечить научно-технологическую основу устойчивого развития АЗРФ.

Методологические основы исследования. Целью методологического блока является формирование воспроизводимой рамки анализа межрегионального научного сотрудничества ФИЦ Арктики. Она позволяет: 1) сопоставить

⁶ AMAP. Arctic Climate Change Update 2021...; WMO. State of the Global Climate 2023...; SAON. Strategy for the Sustaining Arctic Observing Networks 2021–2030.

институциональные профили центров; 2) выделить и верифицировать кластеры компетенций; 3) оценить конфигурацию сетевого взаимодействия и баланс фундаментальных и прикладных исследований; 4) увязать результаты с целями государственных стратегий.

Методология опирается на концепцию миссионно-ориентированной науки, принципы региональных инновационных систем и сетевого управления, что согласуется с ключевыми стратегическими документами РФ: «Стратегией научно-технологического развития РФ», «Стратегией развития Арктической зоны РФ до 2035 года», нацпроектом «Наука и университеты» и проектом федеральной междисциплинарной программы «Научно-технологическое обеспечение стратегического развития АЗРФ». Эти документы задают нормативные и институциональные условия функционирования сети ФИЦ, определяют приоритеты, целевые индикаторы (KPI) на горизонты 2030–2035 гг. и обеспечивают координацию межрегиональных исследований в рамках единой научной политики. Методологический подход также согласован с международными стандартами – руководствами Frascati Manual и Oslo Manual [4; 5].

Использованы следующие источники: публичные отчёты восьми ФИЦ (2023–2024), сведения о подразделениях и инфраструктуре на официальных сайтах; данные ГИС «Наука и университеты» и паспорта нацпроекта «Наука и университеты»; нормативные акты (Указы Президента № 642/2016, № 645/2020); публикации в рецензируемых журналах по арктической проблематике.

Операционализация понятий базировалась на рубрикаторе из 12 кластеров, подробно рассмотренных далее. Для каждой организации формировался профиль компетенций по трём признакам: наличие профильных институтов и лабораторий, документированные НИОКР и проекты (2020–2024), публикационный след (ключевые слова и рубрики).

Методы анализа включали: 1) кластеризацию и семантическое картирование (иерархическая кластеризация по коэффициенту Жаккара, контент-анализ с экспертной верификацией); 2) сетевой анализ кооперации (граф «ФИЦ–ФИЦ», расчёт центральностей, плотности и модульности) [6; 7]; 3) оценку баланса исследований (декомпозиция портфелей по шкале TRL, метод АНР, проверка согласованности CR) [4; 8]; 4) библиометрическую поддержку (метаданные публикаций) [4; 5].

Для обеспечения воспроизводимости применялась триангуляция источников, экспертная проверка спорных случаев («правило двух рецензентов»), фиксация даты выгрузки и версий документов. Библиографические описания источников приведены в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.100–2018⁷.

Этические аспекты учтены: использовались только открытые данные, персональная информация не обрабатывалась. В интерпретации учитывались интересы КМНС, зафиксированные в Стратегии АЗРФ.

Выстроенная методология сочетает нормативную сопоставимость (Frascati/Oslo, национальные стратегии), строгие процедуры кодирования и сетевой/кластерный инструментальный анализа, что позволяет последовательно перейти от теоретической и нормативной постановки проблемы к эмпирической реконструкции и интерпретации реальных практик межрегионального сотрудниче-

⁷ ГОСТ Р 7.0.100–2018. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления. М.: Стандартинформ, 2019. 43 с.

ства, а также проводить последующие обновления картины с учётом динамики сети ФИЦ. В результате она формирует воспроизводимую аналитическую основу, обеспечивающую как научную валидность полученных выводов, так и их практическую применимость для стратегического планирования и корректировки политики научно-технологического развития АЗРФ.

Систематизация научных компетенций восьми ФИЦ Арктики и выполнение их кластеризации по приоритетным направлениям. Систематизация научных компетенций ФИЦ Арктики является необходимым условием для формирования целостной картины распределения ресурсов и специализаций в макро-регионе. Анализ институциональных структур и исследовательских программ восьми ключевых ФИЦ показал, что их деятельность охватывает 12 приоритетных направлений (тематических кластеров): Геоэкология и климатические изменения (ГЭКИ); Кriosферные процессы и мерзлотные исследования (КПМИ); Геология, минералогия и минерально-сырьевые ресурсы (ГММС); Экология и сохранение биоразнообразия (ЭСБ); Агробиотехнологии и продовольственная безопасность (АПБ); Медико-биологические исследования и здоровье населения (МБЗ); Социально-экономические и демографические исследования (СЭД); Гуманитарные исследования и культурное наследие (ГИКН); Инженерно-технические решения для Арктики (ИТРА); Энергетика и ресурсосберегающие технологии (ЭРТ); Информационные технологии, моделирование и цифровая трансформация (ИТМЦ); Морские, прибрежные и гидрологические исследования (МПИГ).

Распределение компетенций показало, что ФИЦ «Якутский НЦ СО РАН» охватывает все 12 направлений и выступает системным интегратором сети. Красноярский НЦ СО РАН (9 кластеров) и Кольский НЦ РАН (8 кластеров) формируют ядро междисциплинарной интеграции, соединяя фундаментальные и прикладные исследования в области климатологии, геоэкологии и промышленной экологии. Коми НЦ УрО РАН и ФИЦ КИА УрО РАН (по 7 кластеров) демонстрируют сбалансированные профили с акцентом на биологические, агробиотехнологические и инженерно-геоэкологические исследования. Карельский НЦ РАН, Тюменский НЦ СО РАН и Хабаровский ФИЦ ДВО РАН формируют региональные узлы компетенций с выраженной специализацией: гуманитарные и цифровые исследования, инженерные технологии мерзлотного строительства и промышленная адаптация Дальнего Востока соответственно.

Представленная кластеризация позволяет выделить три уровня научной специализации: интеграторы (Якутский, Красноярский, Кольский НЦ), обеспечивающие системное соединение фундаментальных и прикладных направлений; центры региональной специализации (Коми НЦ, КИА УрО РАН), формирующие ядро биолого-экологических и инженерных исследований; локальные узлы компетенций (Карельский, Тюменский, Хабаровский ФИЦ), ориентированные на решение специфических задач своих макрорегионов (см. табл. 1).

Таблица демонстрирует, что сеть ФИЦ Арктики имеет иерархическую конфигурацию: от универсального интегратора (Якутский НЦ СО РАН), через мультидисциплинарные центры регионального масштаба (Красноярский и Кольский НЦ), к специализированным узлам (Коми, КИА УрО, Карельский, Тюменский и Хабаровский центры). Такая структура формирует устойчивую основу для миссионных консорциумов, снижает дублирование исследований и обеспечивает баланс между фундаментальными и прикладными направлениями.

Таблица 1

Систематизация научных компетенций восьми ФИЦ Арктики по приоритетным тематическим кластерам

ФИЦ / FRC	Кол-во кластеров	Приоритетные кластеры (коды)	Научный профиль
Якутский НЦ СО РАН	12	ГЭКИ, КПМИ, ГММС, ЭСБ, АПБ, МБЗ, СЭД, ГИКН, ИТРА, ЭРТ, ИТМЦ, МПГИ	Системный интегратор, охватывающий весь спектр исследований (от космофизики и мерзлотных процессов до гуманитарных наук и нутригеномики)
Красноярский НЦ СО РАН	9	ГЭКИ, КПМИ, ГММС, ЭСБ, АПБ, МБЗ, ИТРА, ЭРТ, ИТМЦ	Мультидисциплинарный центр с акцентом на климатическое моделирование, лесные экосистемы, биофизику и цифровые технологии
Кольский НЦ РАН	8	ГЭКИ, КПМИ, ГММС, ЭСБ, МБЗ, ИТРА, ЭРТ, ИТМЦ	Лидер в области геологии и промышленной экологии, обеспечивающий научную основу рационального освоения минерально-сырьевой базы Арктики
Коми НЦ УрО РАН	7	ГЭКИ, КПМИ, ЭСБ, АПБ, СЭД, ГИКН, ИТМЦ	Центр биологических и агробиотехнологических компетенций с сильным гуманитарным и социальным блоком
ФИЦ КИА УрО РАН	7	ГЭКИ, КПМИ, ГММС, ЭСБ, СЭД, ИТРА, ЭРТ	Инженерно-геоэкологический профиль, разработки в области освоения ресурсов и устойчивости инфраструктуры
Карельский НЦ РАН	6	ГЭКИ, ЭСБ, АПБ, СЭД, ГИКН, ИТМЦ	Междисциплинарный узел гуманитарных, экологических и цифровых исследований северо-западного сектора Арктики
Тюменский НЦ СО РАН	5	ГЭКИ, КПМИ, АПБ, ИТРА, ЭРТ	Специализация на мерзлотной инженерии, агробиотехнологиях и инфраструктурных решениях для Западной Сибири и ЯНАО
Хабаровский ФИЦ ДВО РАН	4	ГЭКИ, ГММС, ИТРА, ЭРТ	Региональный центр технологической адаптации Дальнего Востока: горно-металлургический комплекс, энергетика, инженерные решения

Источник: по данным отчётов ФИЦ Арктики за 2023–2024 гг., данных Минобрнауки РФ и ГИС «Наука и университеты» (2025).

Таким образом, кластеризация научных компетенций ФИЦ Арктики обеспечивает выявление зон концентрации усилий, нишевых направлений и пробелов в исследовательской сети. Она выступает аналитическим инструментом для планирования интеграционных мер, приоритизации инвестиций в инфраструктуру и развития межрегиональных консорциумов, что соответствует задачам Стратегий НТР и АЗРФ, а также нацпроекта «Наука и университеты».

При этом, таблица 1 демонстрирует количественное распределение федеральных исследовательских центров по 12 тематическим кластерам, позволяя

сравнить широту охвата научных направлений и выявить центры с наибольшим уровнем междисциплинарности. Однако табличный формат фиксирует лишь количественные различия и не отражает степень концентрации компетенций или их пересечения между центрами. Для более наглядного анализа используется тепловая карта (см. рис. 1), которая визуализирует профиль специализации каждого ФИЦ, выявляет ключевые зоны совпадения интересов и позволяет оценить уровень диверсификации научного потенциала в сети.

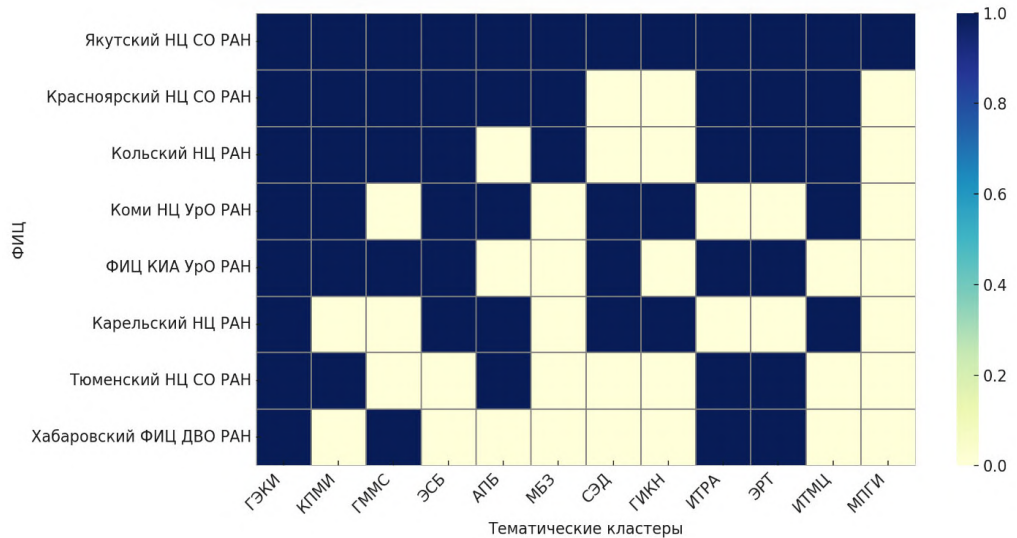
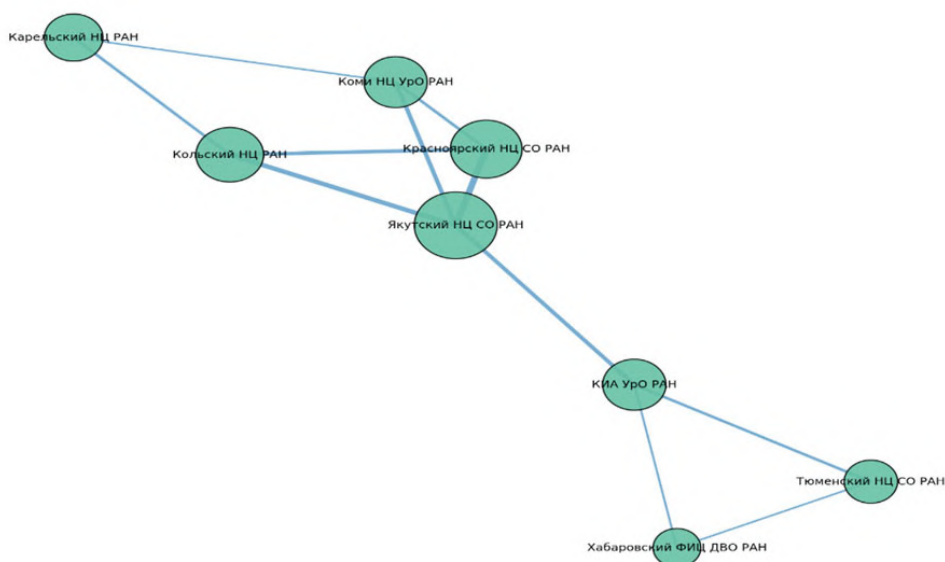

Рисунок 1. Тепловая карта распределения компетенций восьми ФИЦ Арктики в 12 приоритетных кластерах

Источник: по данным отчётов ФИЦ Арктики за 2023–2024 гг., данных Минобрнауки РФ и государственной информационной системы «Наука и университеты» (2025).

Представленная тепловая карта отражает распределение компетенций восьми ФИЦ Арктики по 12 приоритетным тематическим кластерам. Интенсивность окраски указывает на уровень вовлечённости центров в конкретные направления, что позволяет выделить центры с универсальным охватом (например, ФИЦ «Якутский НЦ СО РАН»), интеграторов междисциплинарных исследований (Красноярский НЦ СО РАН, Кольский НЦ РАН) и региональные узлы специализированных компетенций (Карельский НЦ РАН, Тюменский НЦ СО РАН, Хабаровский ФИЦ ДВО РАН). Карта демонстрирует как зоны концентрации усилий (климатические и геоэкологические исследования, инженерные технологии), так и нишевые направления (космофизика, нутригеномика, гуманитарные исследования), формируют потенциал для научного роста и консорциумного сотрудничества.

Сетевая карта кооперации ФИЦ Арктики. Построенная сетевая карта межрегионального взаимодействия восьми ФИЦ Арктики (см. рис. 2) отражает их связи на основе совместного участия в тематических кластерах и позволяет выделить три уровня.

**Рисунок 2. Сетевая карта кооперации ФИЦ Арктики
(по числу общих тематических кластеров)**

Источник: по данным отчётов ФИЦ Арктики за 2023–2024 гг., данных Минобрнауки РФ и государственной информационной системы «Наука и университеты» (2025).

Во-первых, центры-лидеры – прежде всего ФИЦ «Якутский НЦ СО РАН», охватывающий все 12 кластеров и обеспечивающий наибольшую междисциплинарную связность сети. Во-вторых, крупные интеграторы – ФИЦ «Красноярский НЦ СО РАН» и ФИЦ «Кольский НЦ РАН», соединяющие восточные и западные регионы Арктики за счёт исследований климата, мерзлоты, промышленной экологии и минерально-сырьевой базы. В-третьих, региональные узлы – Коми НЦ УрО РАН, КИА УрО РАН, Карельский НЦ РАН, Тюменский НЦ СО РАН и Хабаровский ФИЦ ДВО РАН, формирующие специализированные компетенции в агробиотехнологиях, инженерии и гуманитарных исследованиях.

Кластер климатических и экологических исследований объединяет практически все ФИЦ, тогда как направления цифрового моделирования, технологий промышленной безопасности, нутригеномики и генетических исследований нутритивного статуса и продовольственной безопасности сосредоточены в ограниченном числе центров, что придаёт им значение «точек научного роста».

Топология взаимодействий свидетельствует о наличии иерархической структуры с признаками кластеризации: центры-лидеры выступают хабами консолидации ресурсов и трансфера технологий, тогда как региональные узлы обеспечивают уникальные компетенции и локальную специфику. Такая модель сопоставима с международными практиками (ArcticNet, EU-PolarNet, INTERACT), но отличается более высокой территориальной детализацией и интеграцией в национальную стратегию развития Арктики.

Баланс фундаментальных и прикладных исследований ФИЦ Арктики. Одной из ключевых особенностей сети ФИЦ Арктики является структурный баланс между фундаментальными исследованиями и прикладными разработками.

В отличие от зарубежных научных консорциумов (ArcticNet, EU-PolarNet⁸), российская модель сочетает академическую фундаментальность и технологическую ориентированность в рамках единой институциональной структуры [9; 10].

Анализ показывает, что данное равновесие обеспечивает: замкнутый цикл исследований от теоретических моделей до внедрённых решений; ускоренный трансфер технологий в промышленность и социальную сферу; гибкость институциональной системы в ответ на климатические и социально-экономические вызовы региона.

Диаграмма (см. рис. 3) демонстрирует институциональный баланс восьми ФИЦ. Наибольшая сбалансированность наблюдается у ФИЦ «Якутский НЦ СО РАН», сочетающего широкий спектр академических и прикладных исследований. ФИЦ «Кольский НЦ РАН» и «Коми НЦ УрО РАН» выделяются сильной академической базой, тогда как «Красноярский НЦ СО РАН», ФИЦ КИА УрО РАН и Тюменский НЦ СО РАН лидируют в инженерных и технологических проектах. Региональные центры (Карельский НЦ РАН и Хабаровский ФИЦ ДВО РАН) фокусируются на цифровизации, гуманитарных исследованиях и промышленных решениях для локальных условий.

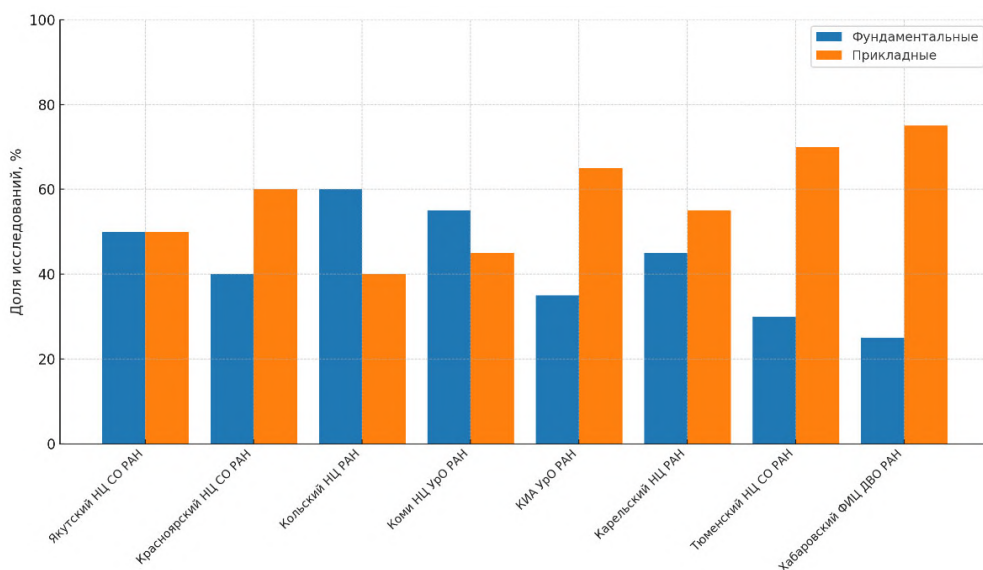

Рисунок 3. Баланс фундаментальных и прикладных исследований в сети ФИЦ Арктики

Источник: по данным отчётов ФИЦ Арктики за 2023–2024 гг., данных Минобрнауки РФ и государственной информационной системы «Наука и университеты» (2025).

Таким образом, сеть ФИЦ Арктики демонстрирует способность обеспечивать полный цикл исследований – от фундаментальной теории до прикладного внедрения – и выступает ключевым инструментом реализации государственной стратегии устойчивого развития АЗРФ.

⁸ EU-PolarNet 2: Co-Designing the European Polar Research Programme. Brussels: European Commission. 2022. URL: <https://eu-polarnet.eu> (accessed: 21.08.2025).

Институциональная динамика ФИЦ Арктики. Формирование сети ФИЦ Арктики в 2016–2020 гг. стало ключевым этапом институциональной реформы академической науки. Российская модель отличается от зарубежных аналогов (ArcticNet, Канада; ARCUS, США) высокой степенью территориальной детализации и региональной привязки, что позволяет учитывать разнообразие природных условий и этнокультурных особенностей Арктики.

ФИЦ выступают многоуровневыми центрами компетенций, объединяющими академические институты, отраслевые НИИ, междисциплинарные лаборатории и филиалы. Такая архитектура обеспечивает баланс фундаментальных исследований и прикладных разработок, а также согласование приоритетов с государственными стратегическими документами и нацпроектом «Наука и университеты».

Переход от фрагментарных исследований к межрегиональным инициативам воплощается в проекте федеральной программы «Научно-технологическое обеспечение стратегического развития Арктической зоны РФ». Он включает 115 междисциплинарных проектов по климатическому мониторингу, криолитологии, охране биоразнообразия, продовольственной безопасности, медицине и гуманитарным исследованиям. Программа предусматривает 12 мер с КРП на горизонты 2030–2035 гг., что обеспечивает долгосрочную институциональную координацию.

Вокруг крупнейших центров, таких как Якутский НЦ СО РАН, Красноярский НЦ СО РАН и Кольский НЦ РАН, формируются консорциумы, выступающие интеграторами межрегиональных проектов. Региональные ФИЦ (Коми НЦ УрО РАН, КИА УрО РАН, Карельский НЦ РАН, Тюменский НЦ СО РАН, Хабаровский ФИЦ ДВО РАН) усиливают сеть за счёт специализированных компетенций: агробиотехнологий, этнокультурных исследований, мерзлотной инженерии и промышленных технологий.

Перспективы институциональной динамики ФИЦ Арктики связаны с созданием единого цифрового контура научных данных, развитием механизмов трансфера технологий, укреплением консорциумной кооперации и расширением международного участия (CAFE, IASC, SAON, EU-PolarNet). Сеть формирует гибридную модель, объединяющую академическую фундаментальность, прикладную ориентированность и региональную специфику. Такая архитектура обеспечивает научно-технологический задел, способствует укреплению технологического суверенитета России и создаёт условия для устойчивого развития АЗРФ.

Критический анализ механизмов взаимодействия ФИЦ Арктики. Институциональный и сетевой анализ деятельности ФИЦ Арктики за 2023–2024 гг. выявил сочетание значительного научного потенциала и уникальной инфраструктуры с системными ограничениями, снижающими эффективность кооперации. Проблему подтверждает и независимый обзор исследований социально-экономического развития Арктики, в котором отмечается, что современные работы страдают от фрагментации и недостатка междисциплинарного синтеза [11], что подчёркивает необходимость единой платформы межрегионального научного сотрудничества.

Существующие механизмы взаимодействия включают участие в грантовых программах (РНФ, РФФИ, Минобрнауки РФ), создание межведомственных консорциумов и сетевых лабораторий по мерзлотоведению, арктическому сельскому хозяйству и промышленной экологии, реализацию федеральных проектов по климатическому мониторингу и освоению криолитозоны, а также развитие центров коллективного пользования и цифровых платформ для анализа

экологических, социальных и инженерных данных. Эти инструменты обеспечивают координацию отдельных направлений, но пока не формируют единую интеграционную экосистему.

Ключевыми барьерами остаются: отсутствие унифицированных стандартов мониторинга и обработки данных, что ограничивает сопоставимость результатов; фрагментарность управленческих механизмов при отсутствии единого проектного офиса; низкая скорость трансфера технологий, сохраняющая разрыв между научными результатами и практикой; неравномерность распределения инфраструктуры и кадров; слабая интеграция в международные альянсы (SAON, INTERACT, ArcticNet), снижающая видимость российской науки на глобальном уровне.

В то же время наблюдаются успешные примеры консорциумного взаимодействия. Проект Permafrost Digital Twin⁹ объединил Якутский, Красноярский и Тюменский ФИЦ в создании цифрового двойника криолитозоны. Программа «Арктическое здоровье»¹⁰, реализуемая Красноярским, Кольским и Карельским центрами, направлена на мониторинг здоровья населения и разработку адаптивных практик. Инженерно-экологические инициативы Кольского НЦ РАН и ФИЦ комплексного изучения Арктики УрО РАН демонстрируют возможности комплексной реабилитации нарушенных территорий.

Визуализация (см. рис. 4) отражает баланс проблемных зон и успешных кейсов: слева – наиболее критичные ограничения (дефицит стандартов данных, фрагментарность координации), справа – примеры эффективной интеграции, иллюстрирующие потенциал межрегиональной кооперации.

Рисунок 4. Успешные кейсы интеграции ФИЦ Арктики

Источник: по данным отчётов ФИЦ Арктики за 2023–2024 гг., данных Минобрнауки РФ и государственной информационной системы «Наука и университеты» (2025).

⁹ Permafrost Digital Twin: проектный консорциум по созданию цифрового двойника криолитозоны. 2024. URL: <https://permafrost.digital> (accessed: 21.08.2025).

¹⁰ Программа «Арктическое здоровье»: междисциплинарный проект федеральных исследовательских центров Арктики. 2024. URL: <https://arctic-health.ru> (дата обращения: 21.08.2025).

Такой контраст подчёркивает необходимость перехода от локальных инициатив к системной архитектуре взаимодействия. Современная модель сотрудничества ФИЦ Арктики сочетает высокий исследовательский потенциал с ограниченной результативностью действующих механизмов. Главным вызовом остаётся переход к миссионно-ориентированной модели межрегионального научного взаимодействия, основанной на цифровых платформах, унифицированных протоколах мониторинга и специализированных центрах трансфера технологий. Такая трансформация позволит сократить дублирование исследований, повысить воспроизводимость результатов и укрепить роль науки в обеспечении устойчивого развития АЗРФ.

Разработка архитектуры межрегионального взаимодействия ФИЦ Арктики. Исследования подтверждают, что переход к новым технологическим укладам в Арктике возможен только при условии реализации гринфилд-проектов (т.е. ресурсных проектов, развёртываемых с нуля) и формирования межрегиональных консорциумов [12]. Это напрямую подтверждает необходимость предлагаемой архитектуры взаимодействия, которая включает пять ключевых элементов (см. рис. 5):

Во-первых, формируются миссионные консорциумы по климатическому моделированию, инженерии криолитозоны, биоразнообразию, медико-биологической адаптации и цифровой трансформации науки. Они объединяют центры-лидеры и региональные узлы в единую платформу междисциплинарных проектов с согласованными дорожными картами.

Во-вторых, создаётся единая система открытых данных и биобанков, интегрирующая климатические, инженерные, медицинские и гуманитарные данные в соответствии с принципами FAIR, что обеспечит воспроизводимость исследований и ускорит внедрение результатов.

В-третьих, формируется сеть совместных полигонов в криолитозоне для апробации инженерных и экологических технологий в условиях деградации мерзлоты.

В-четвёртых, развиваются технологические треки внедрения НИОКР через центры трансфера технологий и индустриальные кластеры, что позволит сократить путь от фундаментальных исследований до практического применения.

В-пятых, предусматриваются механизмы этического взаимодействия с КМНС: протоколы доступа к данным, участие в планировании исследований и развитие гуманитарных программ, учитывающих культурную специфику. Исследователи подчёркивают, что эффективность взаимодействия с коренными малочисленными народами Севера должна опираться не только на формальные протоколы, но и на признание их знаний как части научной экосистемы, ведь традиционные «правила исследований арктической среды не потеряли своей актуальности и в эпоху беспилотников» [13, с. 43].

Как отмечают исследователи, даже в условиях геополитической нестабильности сохраняется потенциал для международного арктического сотрудничества в сферах устойчивого транспорта, «зелёной» энергетики и цифровых технологий, что подтверждает целесообразность включения международных партнёров в консорциумы ФИЦ как одного из элементов предложенной архитектуры [14].

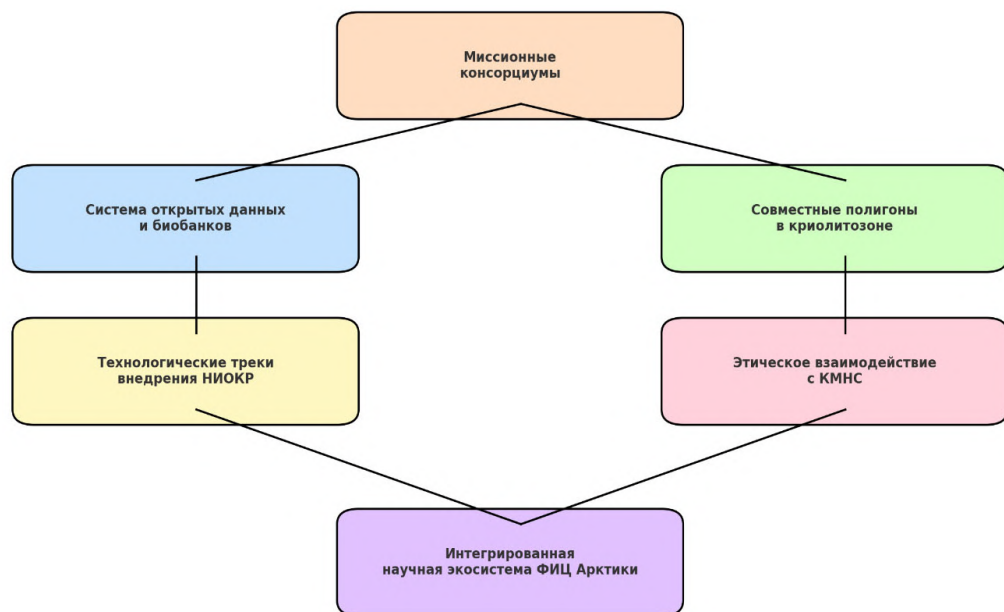

Рисунок 5. Схема архитектуры межрегионального взаимодействия ФИЦ Арктики

Источник: по данным результатов анализа проектных консорциумов, материалов ГИС «Наука и университеты» и программы «Наука и университеты» (2025).

Таким образом, проектируемая архитектура формирует платформенную модель межрегионального сотрудничества ФИЦ, объединяющую ресурсы, усиливающую трансфер технологий и интегрирующую российскую науку в международные проекты. Она обеспечивает переход от фрагментарности к миссионно-ориентированной экосистеме, способной генерировать стратегические знания и поддерживать инновационное развитие Арктики.

Дорожная карта интеграционных мер и КРІ. Разработка дорожной карты интеграционных мер ФИЦ Арктики является ключевым инструментом консолидации научного потенциала и согласования приоритетов с основными государственными стратегиями и нацпроектом «Наука и университеты».

Предлагаемая дорожная карта определяет институциональные и технологические ориентиры развития сети ФИЦ, включая цифровизацию научных данных, развитие климатического мониторинга, инженерные решения для криолитозоны, биомедицинские технологии адаптации населения, обеспечение продовольственной безопасности, рациональное освоение минерально-сырьевых ресурсов, охрану биоразнообразия, гуманитарные исследования, трансфер технологий, интеграцию в международные консорциумы и совершенствование нормативно-правовой базы.

Для каждого направления установлены целевые индикаторы (КРІ) на период до 2030–2035 гг., отражающие уровень научной продуктивности (публикации, цитируемость, патенты, внедрённые технологии), инфраструктурную интеграцию (создание биобанков, цифровых платформ и полигонов в криолитозоне), степень трансфера технологий в промышленность, энергетику, сельское хозяйство и социальную сферу, а также международное участие в проектах ArcticNet, EU-PolarNet, SAON, INTERACT и других альянсах.

Реализация дорожной карты предусматривает три этапа. На первом (2025–2027 гг.) планируется интеграция научных подразделений, запуск пилотных консорциумов и формирование системы оценки деятельности. На втором (2028–2030 гг.) – масштабирование проектов, развитие сети цифровых полигонов и внедрение инженерных и биомедицинских технологий. На третьем (2031–2035 гг.) – выход на международный уровень кооперации, интеграция в глобальные исследовательские сети и закрепление лидерских позиций России в арктической науке.

В совокупности дорожная карта и система КРІ формируют институциональную основу долгосрочного развития ФИЦ Арктики как единой научно-технологической экосистемы. Их выполнение обеспечит согласованность федеральной и региональной научной политики, повысит эффективность использования ресурсов и создаст условия для технологического суверенитета и устойчивого развития АЗРФ.

Заключение. Проведённое исследование подтвердило, что федеральные исследовательские центры Арктики представляют собой не только научную, но и институциональную основу государственной политики в регионе, обеспечивающую комплексное сопровождение задач устойчивого освоения макрорегиона. Систематизация компетенций восьми ФИЦ позволила выделить 12 приоритетных кластеров, охватывающих широкий спектр фундаментальных и прикладных направлений: от климатического мониторинга и криолитологии до агробиотехнологий, медицины, инженерии и гуманитарных исследований.

Сетевой и кластерный анализ показал, что ФИЦ «Якутский научный центр СО РАН» демонстрирует максимальную тематическую широту (все 12 кластеров) и играет ключевую роль в межцентровой координации. Красноярский НЦ СО РАН и Кольский НЦ РАН занимают позиции ведущих межрегиональных интеграторов, а региональные узлы (Коми НЦ УрО РАН, КИА УрО РАН, Карельский НЦ РАН, Тюменский НЦ СО РАН, Хабаровский ФИЦ ДВО РАН) обеспечивают уникальные компетенции и привязку исследований к локальной специфике.

Критический анализ существующих механизмов взаимодействия выявил системные ограничения: недостаточную унификацию стандартов наблюдательных данных, фрагментарность институциональной координации, ограниченный трансфер технологий и неравномерность распределения инфраструктуры. Вместе с тем отмечены позитивные примеры интеграции, такие как консорциум Permafrost Digital Twin, программа «Арктическое здоровье», инженерно-экологические проекты ФИЦ КНЦ РАН и КИА УрО РАН. Эти примеры демонстрируют потенциал перехода от локальных инициатив к миссионно-ориентированной модели науки как инструмента государственного управления.

Особое значение имеет совместная инициатива всех ФИЦ Арктики по разработке проекта федеральной программы «Научно-технологическое обеспечение стратегического развития Арктической зоны Российской Федерации», подготовленного в рамках подписанного в 2021 году Соглашения о научном сотрудничестве. Координатором выступает ФИЦ «Якутский научный центр СО РАН». Программа включает 115 междисциплинарных проектов, ориентированных на климатические и криосферные исследования, охрану биоразнообразия, продовольственную безопасность, медицину, гуманитарные исследования и инженерные технологии для устойчивого освоения Арктики.

Дорожная карта интеграционных мер с КРІ до 2030–2035 гг. согласована со Стратегией НТР и АЗРФ, а также на проектом «Наука и университеты». Её реа-

лизация обеспечит согласованность федеральной и региональной научной политики, воспроизводимость научных результатов, ускорение трансфера технологий и укрепление международных позиций России в арктической повестке.

Таким образом, институциональная модель межрегионального сотрудничества ФИЦ Арктики демонстрирует эффективность как инструмент консолидации научного потенциала, развития инновационных решений и формирования единой исследовательской экосистемы. Её дальнейшее развитие должно быть связано с цифровизацией научных данных, созданием межрегиональных консорциумов и интеграцией в глобальные исследовательские альянсы. Принятие федеральной программы станет системным шагом к обеспечению технологического суверенитета как компонента национальной безопасности и устойчивого развития АЗРФ.

Библиографический список

1. Climate Change 2021 – The Physical Science Basis. Cambridge : Cambridge University Press, 2023. 3949 p. DOI [10.1017/9781009157896](https://doi.org/10.1017/9781009157896).
2. Казакова С. М., Климанов В. В. Трансформация целей развития Арктической зоны Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 96–110. DOI [10.22394/2079-1690-2022-1-1-96-110](https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-96-110). EDN [FIRNPA](https://www.edn.ru/FIRNPA).
3. Жильцов С. С., Зонн И. С. Политика России в Арктике: современный этап // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2015. № 2. С. 7–22. EDN [TPTCZJ](https://www.edn.ru/TPTCZJ).
4. Frascati Manual 2015: Guidelines for Collecting and Reporting Data on Research and Experimental Development. Paris : OECD Publishing, 2015. 401 p. DOI [10.1787/9789264239012-en](https://doi.org/10.1787/9789264239012-en).
5. Oslo Manual 2018: Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation. 4th ed. Paris : OECD Publishing, 2018. 258 p. DOI [10.1787/9789264304604-en](https://doi.org/10.1787/9789264304604-en).
6. Wasserman S., Faust K. Social Network Analysis: Methods and Applications. Cambridge : Cambridge University Press, 1994. 825 p.
7. Newman M. E. Networks: An Introduction. Oxford : Oxford University Press, 2010. 784 p.
8. Saaty T. L. The Analytic Hierarchy Process. New York : McGraw-Hill, 1980. 287 p.
9. Арктические стратегии России 2014 и 2021: возможна ли преемственность при смещении приоритетов? Часть 1 / А. Д. Волков, Н. А. Рослякова, Е. А. Каневский [и др.] // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2025. Т. 28, № 1(87). С. 7–25. DOI [10.37614/2220-802X.1.2025.87.001](https://doi.org/10.37614/2220-802X.1.2025.87.001). EDN [RZZCGC](https://www.edn.ru/RZZCGC).
10. Лебедев М. П., Томский В. С., Баттахов П. П. Арктическая проблематика России // Россия: общество, политика, история. 2022. № 4(4). С. 34–45. DOI [10.56654/ROPI-2022-4\(4\)-34-45](https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-4(4)-34-45). EDN [GBEBLR](https://www.edn.ru/GBEBLR).
11. Максимов А. М., Якушева У. Е. Исследования социально-экономического развития АЗРФ на региональном и локальном уровне: обзор некоторых актуальных работ российских авторов // Арктика и Север. 2024. № 55. С. 227–242. DOI [10.37482/issn2221-2698.2024.55.227](https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.55.227). EDN [ADSIUA](https://www.edn.ru/ADSIUA).
12. Пилясов А. Н., Котов А. В. Российская Арктика-2035: полимасштабный прогноз // Экономика региона. 2024. Т. 20, № 2. С. 369–394. DOI [10.17059/ekon.reg.2024-2-3](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-2-3). EDN [XEPSNM](https://www.edn.ru/XEPSNM).
13. Каримова А. Б. Стратегия Ломоносова: Арктика в движении к глобальной арене // Наука. Культура. Общество. 2019. № 2. С. 39–51. EDN [KUHIBG](https://www.edn.ru/KUHIBG).
14. Зворыкина Ю. В., Тетерятников К. С., Павловский Д. А. Устойчивое развитие Арктики в ходе председательства Российской Федерации в Арктическом совете // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 228, № 2. С. 196–235. DOI [10.38197/2072-2060-2021-228-2-196-235](https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-228-2-196-235). EDN [GKBMZD](https://www.edn.ru/GKBMZD).

Поступила: 08.09.2025. Принята: 22.09.2025.

Сведения об авторе:

Лебедев Михаил Петрович, доктор технических наук, академик РАН, генеральный директор, Федеральный исследовательский центр «Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук», Якутск, Россия.

m.p.lebedev@mail.ru

Author ID РИНЦ: 144628; ORCID: 0000-0003-0086-9921

M. P. Lebedev¹

¹ The Yakut Scientific Centre of SB RAS. Yakutsk, Russia

STRATEGY OF INTERREGIONAL SCIENTIFIC COOPERATION AMONG FEDERAL RESEARCH CENTERS AS A BASIS FOR THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. This article analyzes the institutional model of interregional scientific cooperation among federal research centers (FRCs) implementing state science policy in the Arctic Zone of the Russian Federation. Competence clustering of eight key FRCs has identified twelve priority research areas. The analysis shows that existing cooperation mechanisms are constrained by insufficient coordination, data fragmentation, and a low level of technology transfer. The paper substantiates the need to transition to a mission-oriented model of science as an instrument of state governance, which includes the formation of interregional consortia, digital open-data platforms, biobanks, joint test sites in the permafrost zone, and mechanisms for collaboration with indigenous small-numbered peoples of the North (ISNPs). The proposed architecture is aligned with the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation, the Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation until 2035, and the national project “Science and Universities”. Particular attention is given to the draft federal program “Scientific and Technological Support for the Strategic Development of the Arctic Zone of the Russian Federation”, prepared by Arctic FRCs under the 2021 Agreement on Scientific Cooperation and coordinated by the Yakut Scientific Center SB RAS. The program includes 115 interdisciplinary projects aimed at the sustainable development of the Arctic. Its key implementation instrument is a roadmap of integration measures with key performance indicators (KPIs) for 2030–2035, ensuring resource consolidation, accelerated technology transfer, and coherence between federal and regional science policies. The adoption of the federal program will serve as a driver for integrating FRC resources and will contribute to both scientific and economic development of the Arctic, ensuring its sustainable development within the framework of state policy.

Keywords: Arctic Zone of the Russian Federation, federal research centers, interregional scientific cooperation, science policy, mission-oriented science, institutional coordination, technological sovereignty, sustainable development

For citation: Lebedev M. P. Strategy of interregional scientific cooperation among federal research centers as a basis for the sustainable development of the Arctic Zone of the Russian Federation. *Science. Culture. Society*. 2025;31(4):8–24. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.1>

References

1. Climate Change 2021 – The Physical Science Basis. Cambridge: Cambridge University Press; 2023. DOI [10.1017/9781009157896](https://doi.org/10.1017/9781009157896).
2. Kazakova S. M., Klimanov V. V. Transformation of the development goals of the Russian Arctic. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(1):96–110. (In Russ.). DOI [10.22394/2079-1690-2022-1-1-96-110](https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-96-110).
3. Zhiltsov S. S., Zonn I. S. Russia's policy in the arctic continent: contemporary challenges. *RUDN Journal of Political Science*. 2015;(2):7–22. (In Russ.).
4. Frascati Manual 2015: Guidelines for Collecting and Reporting Data on Research and Experimental Development. Paris: OECD Publishing; 2015. DOI [10.1787/9789264239012-en](https://doi.org/10.1787/9789264239012-en).
5. Oslo Manual 2018: Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation. 4th ed. Paris: OECD Publishing; 2018. DOI [10.1787/9789264304604-en](https://doi.org/10.1787/9789264304604-en).
6. Wasserman S., Faust K. Social Network Analysis: Methods and Applications. Cambridge: Cambridge University Press; 1994.
7. Newman M. E. Networks: An Introduction. Oxford: Oxford University Press; 2010.
8. Saaty T. L. The Analytic Hierarchy Process. New York: McGraw-Hill; 1980.

9. Volkov A. D., Roslyakova N. A., Kanevsky E. A. [et al.] Russia's arctic strategies of 2014 and 2021: is continuity possible amid shifting priorities? (Part 1). *The North and the Market: Forming the Economic Order*. 2025;28(1):7–25. (In Russ.). DOI [10.37614/2220-802X.1.2025.87.001](https://doi.org/10.37614/2220-802X.1.2025.87.001).
10. Lebedev M. P., Tomsy V. S., Battakhov P. P. Arctic Problems of Russia. *Russia: Society, Politics, History*. 2022;(4):34–45. (In Russ.). DOI [10.56654/ROPI-2022-4\(4\)-34-45](https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-4(4)-34-45).
11. Maksimov A. M., Yakusheva U. E. Studies of social and economic development of the Russian Arctic at the regional and local levels: review of some relevant works by Russian researchers. *Arctic and North*. 2024;(55):227–242. (In Russ.). DOI [10.37482/issn2221-2698.2024.55.227](https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.55.227).
12. Pilyasov A. N., Kotov A. V. Russian Arctic-2035: Multi-Scale Forecast. *Economy of regions*. 2024;20(2):369–394. (In Russ.). DOI [10.17059/ekon.reg.2024-2-3](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-2-3).
13. Karimova A. B. Stratagem of Lomonosov: the Arctic moving towards the global arena. *Science. Culture. Society*. 2019;25(2):39–51. (In Russ.).
14. Zvorykina Ju. V., Teteryatnikov K. S., Pavlovsky D. A. Arctic sustainable development during Russian chairmanship at the arctic council. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2021;228(2):196–235. (In Russ.). DOI [10.38197/2072-2060-2021-228-2-196-235](https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-228-2-196-235).

Received: 08.09.2025. Accepted: 22.09.2025.

Author information:

Mikhail P. Lebedev, Doctor of Technical Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director General, Federal Research Center “Yakutsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”. Yakutsk, Russia.

m.p.lebedev@mail.ru

ORCID: [0000-0003-0086-9921](https://orcid.org/0000-0003-0086-9921)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.4.2](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.2)
EDN [WHVOAE](https://www.edn.ru/WHVOAE)
УДК 342.5:323.2

С. М. Зубарев¹, А. В. Иванов²

¹ Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Москва, Россия

² Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу профессионального восприятия государственного суверенитета представителями органов публичной власти в условиях новых политико-правовых вызовов. Исследование имеет региональный охват, но обладает типологической репрезентативностью: данные получены в ходе экспертного опроса (N=281), проведённого в Тульской области – регионе, сочетающем черты промышленного, административного и аграрного центра, что позволяет зафиксировать управленческие установки, характерные для «средней России». Проанализированы интерпретации суверенитета, приоритеты его укрепления, оценка эффективности правовых мер и ожидания относительно будущего развития страны после завершения специальной военной операции. Установлено, что в экспертной среде доминирует понимание суверенитета как внутреннего качества государства, основанного на устойчивости институтов власти, балансе публичных и частных интересов и реализации конституционных прав граждан. Наибольшую поддержку получили меры в сфере экономической автономии, миграционного регулирования и противодействия иностранному влиянию. При этом эксперты последовательно отвергают любые формы произвольного ограничения прав и правового произвола, подчёркивая приоритет конституционных гарантий даже в условиях кризиса. Выявлены межуровневые различия: представители муниципалитетов чаще указывают на недостаточную нормативную и ресурсную поддержку, что свидетельствует о слабой интеграции местного самоуправления в единую систему публично-правового обеспечения. Особое внимание уделено роли правовой культуры населения и доверия к власти как факторов устойчивости суверенитета. Полученные данные подчёркивают необходимость унификации правовой политики на всех уровнях и формирования согласованной модели управления, ориентированной на повседневную эффективность институтов, а не на декларативные решения.

Ключевые слова: государственный суверенитет, публичная власть, публично-правовое обеспечение, правовое регулирование, региональная политика, правоприменение, экспертный опрос, доверие власти

Для цитирования: Зубарев С. М., Иванов А. В. Публично-правовое обеспечение государственного суверенитета Российской Федерации в условиях новых вызовов и угроз: социологическое измерение // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 4. С. 25–43. DOI [10.19181/nko.2025.31.4.2](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.2). EDN [WHVOAE](https://www.edn.ru/WHVOAE).

Благодарность: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-18-00764, <https://rscf.ru/project/24-18-00764>

Введение. Термин «суверенитет» восходит к латинскому *superamus* – превосходство, верховенство, причём в превосходной степени, что означает «выше этого нет». Впервые понятие суверенитета как юридической категории было зафиксировано в Средние века в правовых традициях стран Западной Европы. Уже в XII–XIII веках оно приобрело публично-правовое значение: барон выступал как суверен в пределах своего феода. В ходе дальнейшего развития концепция государственного суверенитета постепенно отделялась от личности монарха, становясь важнейшим правовым принципом, закреплённым в международных договорах, среди которых ключевое место занимает Вестфальский мир 1648 года.

В современной политико-правовой среде суверенитет рассматривается в нескольких аспектах. Во-первых, это верховенство государственной власти внутри страны и её независимость во внешних делах [1; 2]. Во-вторых, обоснованная Ж.-Ж. Руссо идея народного суверенитета, противопоставленная суверенитету монарха и государства [3; 4]. В-третьих, разработанная российскими социал-демократами в XX веке концепция национального суверенитета, связанная с правом наций (народов, этносов) на самоопределение вплоть до возможности отделения от государства [5; 6].

В правовой системе Российской Федерации государственный суверенитет закреплён в Конституции. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 г. № 10-П¹ подчёркивает, что исходя из ст. 3, 4, 5, 67 и 79 Конституции РФ, суверенитет предполагает верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории и независимость в международном общении, и представляет собой необходимый качественный признак Российской Федерации как государства, характеризующий её конституционно-правовой статус. Единственным носителем суверенитета Российской Федерации является многонациональный народ России.

В таком контексте государственный суверенитет трактуется и в юридической литературе. Так, Ю. А. Тихомиров отмечает, что сейчас – как и раньше – «суверенитет государства означает его полновластие, независимость от какой-либо другой власти, самостоятельность в решении внутренних и внешних дел» [7, с. 395].

Вместе с тем в научном и нормативном дискурсе наблюдается неоднозначность в терминологии и подходах [8]. Так, суверенитет может именоваться как качество, свойство, характеристика или даже элемент правового статуса государства. Понятие «суверенитет» продолжают дробить на внутренний (верховенство государственной власти, её легитимность, самостоятельность решений) и внешний (автономия в международных отношениях). Кроме того, в последние годы в научном дискурсе всё чаще упоминаются такие виды суверенитета, как финансовый, технологический, культурный, информационный, цифровой, правовой и др.

Однако суверенитет не может быть ограничен отдельными сферами: государство не может быть суверенным только во внутренней или только во внешней политике, равно как и в какой-либо одной области общественной жизни. В этой связи стоит исходить из постулата о единстве государственного суве-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации"» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-07062000-n/> (дата обращения: 20.06.2025).

ренитета, не исключаяющего, впрочем, выделения и самостоятельного изучения его отдельных аспектов для углубления научного понимания. Термины «внутренний суверенитет» и «внешний суверенитет», используемые в тексте, следует понимать именно как условные аналитические категории, а не как фрагментацию единого феномена.

Публично-правовая характеристика государственного суверенитета должна включать не только описание его структурных компонентов и механизмов реализации, но и анализ его социально-политической функции. В этой связи ключевым назначением государственного суверенитета как политико-правовой категории выступает обеспечение устойчивости политической системы посредством гармонизации интересов государства и общества, что предполагает приоритетное обеспечение прав и свобод человека и гражданина.

Некоторые исследователи [9; 10] указывают на кажущееся противоречие между концепцией государственного суверенитета и концепцией прав человека, полагая, что первая отражает идею абсолютной и неограниченной власти государства, которое создаёт законы и обеспечивает их исполнение, но само находится за их рамками и не ограничено правом. Вместе с тем современная публично-правовая действительность демонстрирует обратное. Права и свободы человека и гражданина, согласно статье 18 Конституции РФ, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Данное конституционное положение является нормой прямого действия независимо от складывающейся обстановки в условиях новых вызовов, с которыми государство столкнулось в последние годы.

Актуальность темы исследования усиливается в связи с новыми вызовами и угрозами, с которыми сталкивается Российская Федерация. На фоне существующих внутренних социально-политических вызовов [11] и усилившегося внешнего давления, направленного на ослабление суверенитета и дестабилизацию внутривластной обстановки, возрастает потребность в комплексном анализе механизмов публичного управления. В первую очередь речь идёт о публично-правовых механизмах, которые способствуют обеспечению устойчивости политической системы, формированию консенсуса между властью и гражданами, укреплению легитимности и доверия к институтам власти. Особое значение приобретают правовые меры, способствующие согласованию интересов различных групп населения и повышению ответственности органов публичной власти за принимаемые решения в политической и социально-экономической сферах. Поэтому, «публично-правовое обеспечение государственного суверенитета Российской Федерации в современных условиях выступает одним из главных факторов повышения уровня защищённости граждан, укрепления безопасности общества и государства» [12, с. 318].

Важно подчеркнуть, что внутренние пределы государственного суверенитета неразрывно связаны со степенью реализации прав и свобод человека и гражданина. Государственный суверенитет может быть устойчивым лишь при условии, что он опирается на легитимность власти, социальное согласие и баланс между интересами государства и личности. Неправомерное ограничение базовых прав в условиях кризиса, напротив, создаёт риск эрозии доверия к государственным институтам и снижает их способность эффективно реагировать на вызовы времени [13].

В этой связи актуальным становится выявление ключевых социальных индикаторов, позволяющих прогнозировать динамику общественного мнения,

оценивать уровень политической лояльности и своевременно реагировать на потенциальные угрозы стабильности. Соответствующие мониторинги регулярно реализуются в научной среде (например, [14]). Однако параллельно остаётся недостаточно изученным профессиональное восприятие суверенитета самими субъектами публичной власти, теми, кто непосредственно реализует правотворческие и правоприменительные функции и, тем самым, формирует реальное содержание государственной политики в этой сфере. Настоящее исследование направлено на восполнение этого пробела. На основе экспертного опроса представителей органов публичной власти Тулы и Тульской области проанализированы интерпретация государственного суверенитета в профессиональной среде; экспертные оценки приоритетов его обеспечения; восприятие связи между правовой культурой, доверием к власти и устойчивостью суверенитета; оценка эффективности деятельности органов власти и законодательства в новых условиях. Полученные данные позволяют сформулировать рекомендации по совершенствованию публично-правового обеспечения суверенитета с учётом реальных запросов управленческой практики.

Методология. Исследование выполнено с использованием методов качественного и количественного анализа в рамках социологической и политологической парадигмы. В целях выявления профессионального восприятия государственного суверенитета и механизмов его обеспечения был проведён экспертный опрос представителей органов публичной власти различного уровня. Экспертный опрос проведён в г. Тула и Тульской области в период с 25.07.2024 по 30.08.2024. Методом анкетирования опрошен 281 эксперт (171 – в г. Тула, 110 – в Тульской области).

Выбор Тульской области в качестве локуса исследования обусловлен её типологической репрезентативностью для центрального региона России: область сочетает черты индустриального, аграрного и административного центра с развитой сетью органов публичной власти всех уровней, от муниципальных до региональных. При этом она не является мегаполисом, что позволяет избежать искажений, связанных с московско-петербургской спецификой, и получить более сбалансированную картину профессионального восприятия суверенитета в «средней полосе» российской государственности. Региональные исследования подобного рода особенно важны для понимания того, как глобальные вызовы и федеральные решения транслируются на уровень повседневного управления и правоприменения.

В качестве экспертов привлекались специалисты, чья профессиональная деятельность напрямую связана с функционированием институтов публичной власти: представители органов исполнительной, законодательной и судебной власти, органов местного самоуправления. Требования к отбору экспертов включали в себя уровень образования, место службы (работы) эксперта, стаж (опыт) работы эксперта. Такой подход к отбору обеспечил профессиональную репрезентативность выборки и повысил достоверность полученных данных. Целью экспертного опроса стало выявление профессионального понимания сущности государственного суверенитета, приоритетов его достижения, а также оценка эффективности принимаемых правовых мер по его укреплению. Дополнительно эксперты дали оценку состоянию и перспектив развития институтов публичной власти и законодательства с точки зрения их соответствия задачам обеспечения суверенитета Российской Федерации в новых ус-

ловиях. Полученные данные подверглись комплексному анализу, включающему категоризацию типов восприятия суверенитета, ранжирование приоритетов в обеспечении суверенитета, выявление межуровневых различий в оценках представителей органов публичной власти федерального, регионального и муниципального уровней.

В процессе исследования применялись методы сравнительного анализа и контент-анализа нормативной правовой базы, что позволило сопоставить экспертные оценки с действующими положениями Конституции РФ, решениями Конституционного Суда РФ.

Интерпретации государственного суверенитета в экспертной среде. Одним из основных направлений проведённого экспертного опроса стало исследование того, как представители органов публичной власти понимают сущность государственного суверенитета. В ходе анализа были выявлены ключевые интерпретации этой категории, распространённые в профессиональной среде.

Таблица 1
Оценка экспертами степени соответствия общественным ожиданиям различных трактовок государственного суверенитета (в % от числа опрошенных экспертов)

Россия сегодня защищает свой суверенитет. В какой мере, на Ваш взгляд, соответствует ожиданиям общества необходимость укрепления каждого из суверенитетов, перечисленных ниже в таблице?	%
Независимость государства от решений мировых лидеров и международных организаций	28,0
Свобода действий государства на мировой арене, обеспеченная экономическими, социальными и иными ресурсами	16,5
Совокупность исключительных прав, принадлежащих только государству и (или) лицам, действующим от его имени	6,1
Независимое, стабильное и устойчивое функционирование публичной власти и осуществление публичного управления в стране, обеспечивающее баланс публичных и частных интересов, права и свободы граждан	49,5

Наиболее распространённым среди экспертов (49,5%) является понимание государственного суверенитета как внутреннего качества государства – его способности к самостоятельному, устойчивому функционированию системы публичной власти и управления. Такая трактовка предполагает наличие публично-правовых механизмов, обеспечивающих баланс публичных и частных интересов, реализацию прав и свобод граждан, а также стабильность политической системы в целом. Таким образом значительная часть экспертов рассматривает внутренний суверенитет как основу устойчивости государства, особенно в условиях внешних вызовов.

Второй по численности (28,0%) стала группа экспертов, видящих суть государственного суверенитета в независимости от решений международных структур и глобальных центров силы. Позиция отражает внешнеполитическое измерение суверенитета, однако в меньшей степени связана с механизмами его

обеспечения на внутригосударственном уровне. В массовом опросе подобная трактовка могла бы указывать на недостаточно системное понимание категории, при котором внешние проявления суверенитета противопоставляются его внутренней основе. Однако, в случае заведомо профессиональной выборки она, скорее, отражает представление о внешней независимости как прямом результате внутренней устойчивости государства.

Третья группа экспертов (16,5%) акцентирует внимание на международной автономии государства, связывая государственный суверенитет с возможностью свободного выбора действий на мировой арене, обусловленного наличием экономических и социальных ресурсов. Эта точка зрения не всегда учитывает необходимость соответствия такой свободы действия принципам международного права и национальным интересам в более широком смысле, таким как защита территориальной целостности, культурной идентичности, прав и интересов граждан.

Наименьшую поддержку (6,1%) получила формально-юридическая трактовка суверенитета как совокупности исключительных полномочий, принадлежащих государству. Несмотря на её корректность с правовой точки зрения, она не отражает социально-политической функции суверенитета как инструмента обеспечения устойчивости государства и общества.

Выявленные расхождения в интерпретациях могут повлиять на согласованность стратегий обеспечения суверенитета на разных уровнях публичной власти, что подчёркивает необходимость унификации понятийного аппарата в управленческой практике.

Ещё один важный аспект, выявленный в ходе экспертного опроса, – восприятие связи между уровнем (степенью) доверия населения к органам публичной власти, общественным и религиозным организациям и полнотой обеспечения государственного суверенитета. 60,1% экспертов отметили наличие прямой зависимости между этими факторами, что соответствует современным представлениям о легитимности власти. Однако около трети (36,2%) участников опроса не усмотрели значимой связи, а 3,6% отрицали её вовсе, что может свидетельствовать о недооценке роли гражданского доверия в обеспечении социально-политической устойчивости.

По вопросу уровня доверия населения к власти в условиях специальной военной операции и экономических санкций мнения экспертов распределились следующим образом:

53,2% – считают его высоким;

31,3% – средним;

15,5% – ниже среднего или низким.

Эти данные позволяют констатировать, что большинство экспертов отмечают высокую степень консолидации общества вокруг государства в условиях внешнего давления. Это может быть объяснено как эффектом сплочения в кризис, так и изменением роли государства в жизни общества в новых условиях.

Экспертная оценка приоритетов укрепления государственного суверенитета. Одной из задач исследования стало выявление экспертного мнения относительно приоритетных направлений укрепления государственного суверенитета. В рамках опроса представителям органов публичной власти было предложено оценить, насколько, по их мнению, общественные ожидания соответствуют необходимости укрепления различных содержательных аспектов суверенитета.

Экспертам был задан следующий вопрос: «Россия сегодня защищает свой суверенитет. В какой мере, на Ваш взгляд, соответствует ожиданиям общества необходимость укрепления каждого из суверенитетов, перечисленных ниже?». Полученные ответы представлены в таблице 2.

Таблица 2

Оценка экспертами степени соответствия общественным ожиданиям необходимости укрепления различных характеристик суверенитета (в %, ранжировано по столбцу «в наивысшей мере»)

Содержательные характеристики государственного суверенитета	В наименьшей мере	В невысокой мере	В средней мере	В высокой мере	В наивысшей мере
Технологический суверенитет (обеспечение технологической независимости страны, возможность быть в числе мировых лидеров в сфере технологий)	3,2	7,5	28,2	33,2	27,9
Экономический суверенитет (самостоятельность в выборе и реализации экономической политики, стратегии экономического развития)	3,3	4,4	25,5	39,6	27,3
Государственно-политический суверенитет (стабильное и устойчивое функционирование публичной власти, обеспечение баланса публичных и частных интересов, прав и свобод граждан)	2,8	5,0	28,1	38,1	26,0
Культурный суверенитет (независимость в формировании и функционировании сферы культуры)	3,9	5,0	29,6	36,1	25,4
Духовный суверенитет (независимость духовной, нравственной основы общества, самоидентичности)	4,6	5,3	27,0	39,5	23,5
Мировоззренческий суверенитет (независимость идейной, идеологической основы общества)	3,2	6,8	28,1	42,0	19,9
Информационный суверенитет (самостоятельность в формировании и распоряжении информационными потоками, защита информационного поля страны)	5,0	6,4	30,6	38,4	19,6

На основе агрегированных данных по категориям «в высокой мере» и «в наивысшей мере» можно выстроить иерархию приоритетов в восприятии экспертов.

Лидирующую позицию занял экономический суверенитет (66,9% экспертов отметили высокую или наивысшую степень соответствия общественным ожиданиям), что подчёркивает ключевую роль экономической автономии в условиях санкционного давления и необходимости обеспечения стратегической устойчивости. Второе место занял государственно-политический или внутренний

суверенитет (64,1%), связанный со стабильностью функционирования системы власти и балансом интересов государства и граждан. Это подтверждает тезис о том, что внутренняя экономическая и политическая устойчивость на сегодня являются приоритетными для опрашиваемых лиц и в целом отражает общественные настроения.

Показательно, что духовный суверенитет получил третью позицию (63,0%), опередив технологический и информационный. Это отражает смещение акцентов в экспертном сообществе в сторону ценностных и идентификационных основ государственности. Высокие оценки также получили: мировоззренческий суверенитет (61,9%) и культурный суверенитет (61,5%), что также указывает на растущее осознание роли идеологической и культурной автономии в обеспечении долгосрочной устойчивости.

Незначительно уступают им по уровню приоритетности технологический суверенитет (61,1%) и информационный суверенитет (58,0%). Эти показатели можно объяснить тем, что технологическая и информационная независимость воспринимаются экспертами как важные, но на сегодняшний день вторичные по отношению к экономическим, политическим и идеологическим основам. Вероятно, эксперты рассматривают их скорее как инструменты, чем как самостоятельные цели.

Таким образом, представители органов публичной власти демонстрируют целостное и многомерное понимание суверенитета, в котором доминируют внутригосударственные аспекты, а приоритеты выстраиваются не только вокруг безопасности и управления, но и вокруг культурной, духовной и мировоззренческой самоопределённости. Это свидетельствует о переходе от узко-юридического к социально-политическому пониманию суверенитета в профессиональной среде.

Социально-правовые аспекты укрепления государственного суверенитета в оценках экспертов. Одной из фундаментальных основ устойчивости государственного суверенитета является наличие эффективной правовой системы, способной не только регулировать общественные отношения, но и адаптироваться к новым вызовам. Центральное место в ней отводится публично-правовому обеспечению государственного суверенитета, представляющему собой «основанное на достаточном уровне правовой культуры оптимальное сочетание правотворчества и правоприменения, позволяющее стабильно и устойчиво осуществлять функционирование публичной власти и публичное управление в стране, обеспечивать баланс публичных и частных интересов, права и свободы граждан в условиях новых вызовов и угроз» [15, с. 590].

В ходе опроса экспертам был задан вопрос: «В какой мере, на Ваш взгляд, на обеспечение суверенитета Российской Федерации в условиях новых вызовов и угроз положительно влияют меры, перечисленные ниже?». Результаты представлены в таблице 3.

На основе агрегированных данных по категориям «в высокой мере» и «в наивысшей мере» выделим в краткой форме иерархию приоритетов в восприятии экспертов. Наибольшую поддержку эксперты оказали мерам по защите прав и интересов граждан: 74% оценили их влияние как высокое или наивысшее. То есть легитимность власти в профессиональном сознании напрямую связана с её способностью отвечать запросам общества.

Таблица 3

Экспертная оценка степени влияния различных мер публично-правового обеспечения государственного суверенитета (в % от числа опрошенных экспертов)

Меры по обеспечению суверенитета Российской Федерации	В наименьшей мере	В невысокой мере	В средней мере	В высокой мере	В наивысшей мере
Принятие органами публичной власти мер по обеспечению прав, свобод и законных интересов граждан и организаций	1,8	4,3	20,0	35,4	38,6
Правовое воспитание как целенаправленная деятельность по формированию у граждан правовой культуры, позволяющей адекватно воспринимать и сознательно соблюдать или исполнять новые правовые нормы в сфере обеспечения суверенитета Российской Федерации	0,4	9,4	24,1	33,8	32,4
Взаимодействие органов публичной власти с институтами гражданского общества и бизнесом в целях обеспечения суверенитета Российской Федерации	1,8	3,6	23,1	40,2	31,3
Правоприменение, представляющее собой процесс создания, реализации и охраны правовых норм, обеспечивающих стабильность государственного суверенитета Российской Федерации	0,7	6,1	23,6	39,3	30,4
Правотворчество, т.е. создание и совершенствование единой, внутренне согласованной и непротиворечивой системы правовых норм, отвечающей потребностям обеспечения государственного суверенитета	1,8	7,5	28,2	33,2	29,3
Контрольная деятельность субъектов права, направленная на проверку, изучение и анализ осуществления публично-правового обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации и выработку мер по устранению имеющихся трудностей и недостатков	0,4	7,5	29,5	35,2	27,4

Близко к этому по значимости стоит взаимодействие с институтами гражданского общества и бизнесом – 71,5%, показывая, что представители власти всё чаще рассматривают горизонтальные формы взаимодействия как инструмент усиления суверенитета. Такой подход свидетельствует о росте осознания важности социального консенсуса и партнёрских связей между государством, бизнесом и обществом, особенно в контексте поддержки армии и мобилизации ресурсов в условиях СВО.

Третье место занимает правоприменение как основа реализации правовых норм – 69,7%. Оценка подчёркивает, что для обеспечения юридической и политической устойчивости важна не столько генерация новых норм, сколько эф-

фективная реализация уже действующих. Далее следует правовое воспитание и формирование правовой культуры населения – 66,7%. Поддержка более двух третей экспертов указывает на осознание роли правовой культуры населения как одного из факторов легитимности и основы социальной устойчивости.

Меньшее значение было присвоено таким элементам публично-правового обеспечения как контрольная деятельность в сфере обеспечения суверенитета (63,1%) и правотворчество (62,5%). Это может говорить о существующем у части экспертов убеждении в достаточной эффективности текущего законодательства и его соответствии современным вызовам. Однако подобный вывод требует дополнительного изучения и обоснования, так как недостаточная адаптация законодательства к быстро меняющимся условиям может стать барьером для обеспечения государственного суверенитета.

Итак, представители органов публичной власти демонстрируют целостное понимание публично-правового обеспечения, воспринимая его не как техническую функцию, а как социально ориентированный процесс, в котором защита прав граждан, взаимодействие с обществом и качество правоприменения играют ключевую роль. Это открывает возможности для совершенствования различных аспектов публично-правового обеспечения в целях достижения высокого уровня суверенитета государства.

Эффективность деятельности органов публичной власти в оценках экспертов. Одним из важнейших результатов качественного публично-правового обеспечения государственного суверенитета является эффективность функционирования системы публичной власти на всех уровнях. Для объективной и комплексной оценки этой эффективности в ходе экспертного опроса были заданы вопросы, направленные на выявление мнений экспертов о том как организована защита прав и интересов граждан; насколько правовое обеспечение соответствует задачам реализации полномочий органов власти; как изменилась эффективность работы органов власти в условиях СВО и экономических санкций.

Поскольку респондентами выступали сами представители органов публичной власти, их оценки отражают внутреннюю рефлексию профессионального сообщества.

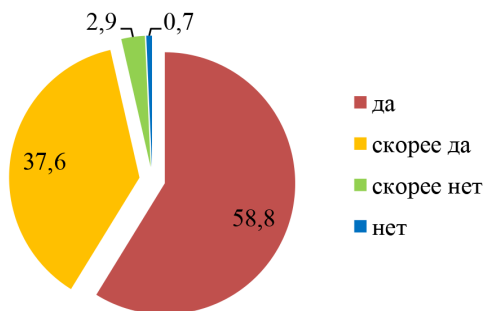

Рисунок 1. Можете ли Вы сказать, что деятельность органа публичной власти, в котором Вы работаете, направлена на защиту прав и интересов граждан, удовлетворение их запросов, оказание помощи в решении их проблем? (в %)

Подавляющая часть экспертов положительно (58,8% – «да», 37,6% – «скорее да») оценивают деятельность органа публичной власти, в котором они работают, и считают, что она направлена на защиту прав и интересов граждан, удовлетворение их запросов и решение проблем. Лишь 3,6% экспертов дали отрицательную оценку. Таким образом, более 96% участников опроса отметили, что их организация ориентирована на выполнение социально значимых функций.

Однако значительная часть респондентов воздержалась от однозначно утвердительной оценки, что может указывать на объективные трудности в реализации декларируемых целей. Эти трудности становятся особенно заметны при оценке соответствия правовой базы практическим задачам.

Так, в ходе анализа экспертных оценок, полученных по вопросу «Считаете ли Вы, что действующая законодательная база обеспечивает полномочия региональных и муниципальных органов власти по защите гарантированных Конституцией РФ прав и свобод граждан и в какой мере?» выявлена неоднородность экспертного сообщества в плане оценки уровня соответствия правовой базы наиболее полной защите конституционных прав и свобод граждан.

Рисунок 2. Считаете ли Вы, что действующая правовая база обеспечивает полномочия региональных и муниципальных органов власти по защите гарантированных Конституцией РФ прав и свобод граждан и в какой мере? (в %)

Согласно анализу восприятия экспертами адекватности действующего законодательства, для реализации полномочий региональных и муниципальных органов власти в сфере защиты конституционных прав и свобод граждан (рис. 2), более трети экспертов указали на недостаточную (средний уровень и хуже) согласованность нормативной базы с практическими потребностями реализации прав и свобод граждан на местах. Схожая картина наблюдается и в оценке правового обеспечения суверенитета в целом (см. рис. 3).

Распределение мнений практически полностью совпадает с предыдущей оценкой, что говорит о тесной взаимосвязи между обеспечением прав граждан и реализацией основных функций органов публичной власти. Это позволяет сделать вывод о наличии системных дефицитов в правовом обеспечении полномочий органов власти различного уровня, которые могут препятствовать реализации как внутрисполитических, так и внешнеполитических целей государства.

Более детально эффективность деятельности органов публичной власти была проанализирована через призму изменений, произошедших после начала СВО и введения в отношении России экономических санкций. Экспертам предлагалось оценить изменения по 12 направлениям.

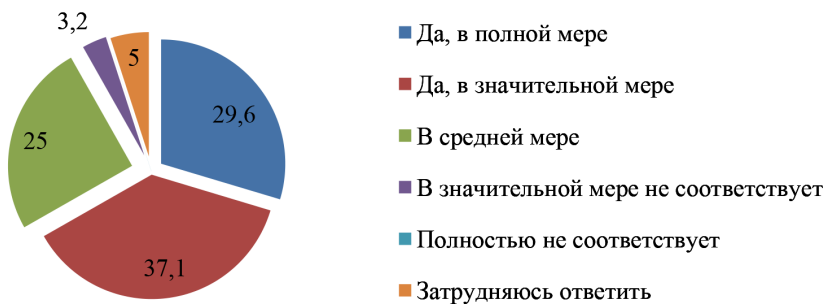

Рисунок 3. Считаете ли Вы, что действующая правовая база обеспечивает полномочия федеральных, региональных и муниципальных органов власти по обеспечению суверенитета Российской Федерации и в какой мере? (в %)

Оцените, пожалуйста, как изменилась эффективность деятельности органа публичной власти, в котором Вы работаете, в условиях СВО и экономических санкций (в %) Таблица 4

Направления деятельности	Улучшилась	Осталась на том же уровне	Снизилась	Не знаю
Деятельность по обеспечению мер социальной и материальной поддержки военнослужащих участников СВО и членов их семей	62,9	21,1	5,4	10,7
Оказание помощи гражданам в защите их прав и свобод	45,3	39,6	5,4	9,7
Обеспечение правопорядка, личной и коллективной безопасности населения региона (муниципального образования)	42,1	42,9	5,7	9,3
Работа с обращениями граждан, принятие действенных мер по результатам их рассмотрения	38,6	50,4	3,9	7,1
Информационная открытость органа публичной власти, участие граждан в обсуждении планов регионального (муниципального) развития	32,0	50,9	9,3	7,9
Реализация проектов социального развития в регионе (муниципальном образовании)	31,7	50,5	5,7	12,1
Создание условий для развития транспортной инфраструктуры, строительство и реконструкция дорожной сети, развитие телекоммуникационных сетей	28,8	48,4	10,0	12,8
Реализация проектов экономического и инновационного развития региона (муниципального образования)	23,5	53,4	9,6	13,5

Окончание таблицы 4

Направления деятельности	Улучшилась	Осталась на том же уровне	Снизилась	Не знаю
Создание возможностей для получения качественного общего и высшего образования, повышения квалификации и переподготовки для граждан в регионе (муниципальном образовании)	20,3	63,0	7,1	9,6
Создание условий для развития малого и среднего предпринимательства, рынка труда для населения региона (муниципального образования)	18,2	47,9	18,2	15,7
Обеспечение достойного уровня медицинского обслуживания, доступности высокотехнологичных методов диагностики и лечения для граждан	16,8	58,8	14,0	10,4
Обеспечение высокого качества услуг ЖКХ, своевременного ремонта коммунальных сетей, жилого фонда, недопущение резкого роста тарифов и т.п.	13,9	56,4	15,4	14,3

Из данных таблицы 4 видно, что наибольший положительный сдвиг отмечен по направлениям «обеспечение мер социальной и материальной поддержки военнослужащих участников СВО и членов их семей» (62,9% экспертов отметили улучшение); «оказание помощи гражданам в защите их прав и свобод» (45,3%); «обеспечение правопорядка, личной и коллективной безопасности населения региона» (42,1%). Тройка лидеров свидетельствует о перераспределении акцентов в деятельности органов публичной власти в условиях геополитического кризиса в сторону задач, непосредственно связанных с национальной безопасностью и социальной солидарностью.

По остальным направлениям в оценках экспертов преобладает либо отсутствие улучшений, либо даже снижение эффективности. В отдельных сферах зафиксировано почти равное число оценок «улучшилась» и «снизилась», что указывает на нестабильность или противоречивость изменений. В том числе:

«Создание условий для развития малого и среднего предпринимательства...» – 18,2% отметили улучшение, 18,2% – снижение.

«Обеспечение высокого качества услуг ЖКХ...» – 13,9% улучшение, 15,4% – снижение.

«Обеспечение достойного уровня медицинского обслуживания...» – 16,8% улучшение, 14,0% – снижение.

Более половины экспертов отметили, что по таким важным направлениям, как образование (63,0%), здравоохранение (58,8%), жилищно-коммунальное хозяйство (56,4%) эффективность деятельности органов власти осталась на прежнем уровне, без заметных позитивных изменений. Это может быть связано как с ограниченностью материальных ресурсов, так и с низкой адаптивностью правовой базы к новым условиям.

Особую тревогу вызывает ситуация на муниципальном уровне: представители местного самоуправления в 1,5–2 раза чаще коллег, представляющих региональный или федеральный уровни публичной власти, отмечают отсутствие позитивных сдвигов. Это может быть связано с ограниченной ресурсной и нормативной автономией муниципалитетов, а также их слабой интеграцией в единую систему публичной власти.

В целом, большинство респондентов положительно оценивают работу органов публичной власти, в которых они работают (служат), по обеспечению государственного суверенитета и обеспечению конституционных прав и свобод граждан. Однако эксперты консолидированно заявляют об имеющихся значительных резервах по разработке и совершенствованию нормативной базы муниципального управления, её согласованию и унификации с федеральным и региональным законодательством.

Приоритеты законотворческой деятельности в оценках экспертов. В условиях внешнего давления, связанного с политикой коллективного Запада, а также реализации специальной военной операции, направленной на защиту территориальной целостности и суверенитета Российской Федерации, возрастает значение законодательных мер, обеспечивающих устойчивость государства и общества. В этой связи особую ценность представляет обратная связь от представителей органов публичной власти относительно необходимости, достаточности и своевременности принятия законодательных мер.

Экспертам был предложен ряд вопросов, касающихся оценки действующего законодательства и перспектив его совершенствования в целях обеспечения государственного суверенитета (табл. 5).

Таблица 5

**Оценка экспертами необходимости и целесообразности
ключевых законодательных инициатив в условиях новых вызовов (в %)**

Как Вы считаете, в современных условиях...	Да, в высокой мере	Да, в средней мере	Нет
Достаточны ли правовые меры, принимаемые с целью ограничения иностранного влияния на внутривнутриполитическую обстановку в стране?	34,8	53,0	12,2
Обеспечивает ли антикоррупционное законодательство надлежащий уровень противодействия коррупции в России?	32,0	44,1	23,8
Есть ли необходимость в ужесточении миграционного законодательства и юридической ответственности за его нарушение?	50,4	34,3	15,4
Соответствуют ли современной реальности введение прогрессивной шкалы налогов для физических лиц?	24,5	43,7	31,8
Требуется ли ужесточение ответственности за посягательства на государственный суверенитет России вплоть до введения смертной казни за отдельные преступления и её реального применения?	30,0	40,4	29,6
Возможна ли деятельность органов публичной власти, исходя из принципа целесообразности, даже если это противоречит закону	20,2	35,4	44,4
Необходимо дополнительное законодательное ограничение прав и свобод граждан для обеспечения государственного суверенитета страны	12,0	46,2	41,8

Наиболее востребованными, с точки зрения экспертов, являются меры по ужесточению миграционного законодательства и ответственности за его нарушение (50,4%). Умеренную поддержку получили меры по ограничению иностранного влияния на внутреннюю политическую среду (34,8%); меры по борьбе с коррупцией (32,0%). Значительная доля экспертов (30%) также положительно оценила возможность ужесточения уголовной ответственности за посягательства на государственный суверенитет, включая возможное введение смертной казни за отдельные преступления.

В то же время по ряду вопросов экспертное сообщество демонстрирует раскол или сдержанность. Так 44,4% экспертов не допускают возможности деятельности органов публичной власти исходя из принципа целесообразности в ущерб закону, что свидетельствует о безусловном приоритете «буквы закона» над обстоятельствами в сознании государственных служащих и работников органов публичной власти. Более 41,8% выступили против дополнительных ограничений прав и свобод граждан, тогда как только 12,0% полностью поддерживают такие меры, что позволяет сделать вывод о сохранении в профессиональном сознании экспертов приверженности конституционным гарантиям. Неоднородность мнений экспертов отмечается и в отношении ввода прогрессивного налогообложения для физических лиц, где однозначно поддерживает эту меру лишь четверть экспертов (24,5%), а более трети (31,8%) не считают её необходимой.

Полученные данные позволяют сделать вывод, что служащие (работники) органов публичной власти в целом ориентированы на дальнейшее усиление (и даже ужесточение) законодательного регулирования в целях укрепления государственного суверенитета по направлениям, связанным с обеспечением национальной безопасности, прежде всего контроля миграции и противодействия внешним угрозам. Вместе с тем они проявляют сдержанность в вопросах, затрагивающих основы правового государства, включая ограничение прав граждан и возможность действий вне правового поля.

Образ будущего России в оценках экспертов. В рамках экспертного опроса одной из задач стало выявление представлений экспертов о наиболее вероятных и желательных сценариях социально-экономического и политического развития Российской Федерации после завершения специальной военной операции. Респондентам был задан вопрос: «Высказываются разные суждения о возможных путях развития России и укрепления её государственного суверенитета после завершения специальной военной операции на Украине. Какой путь развития, по Вашей оценке, соответствует ожиданиям большинства граждан российского общества?». Результаты представлены в таблице 6.

Наиболее популярным среди экспертов стал сценарий, предполагающий сохранение курса на обеспечение государственного суверенитета при соблюдении баланса между публичными и частными интересами (39,8%). Такая позиция может рассматриваться как эмпирическое отражение процессов социальной консолидации, происходящих в российском обществе под влиянием внешних вызовов.

Немногой меньшей доля экспертов (30,8%) высказывается за укрепление роли государства в экономике, сохраняя при этом рыночные механизмы регулирования. Это указывает на стремление к синтезу: сочетание государственного стратегического планирования и рыночной гибкости, характерное для современных моделей смешанной экономики.

Таблица 6

Мнения экспертов относительно возможных сценариев социально-экономического и политического развития Российской Федерации после завершения СВО (в %)

Возможные сценарии развития России	%
Сохранение курса на обеспечение суверенитета Российской Федерации, основанного на балансе публичных и частных интересов	39,8
Переход к стратегическому планированию, укреплению роли государства в экономике, сочетание рыночных отношений и планового хозяйства	30,8
Сохранение курса на углубление либеральной модели российской экономики, расширение свободного, конкурентного рынка	16,8
Мобилизационная экономика с национализацией стратегически важных отраслей и переходом на плановое хозяйство	11,1
Иное	1,4

Оставшаяся треть экспертов поддерживает более полярные сценарии развития России после завершения СВО: либеральная модель с расширением рыночных отношений – 16,8%; мобилизационная модель с национализацией и переходом к плановой экономике – 11,1%.

Таким образом, большая часть экспертов не поддерживает радикальные изменения в ту или иную сторону, предпочитая синтетические модели развития, сочетающие разные подходы. При этом их позиции вполне могут дополнять друг друга. Более двух третей экспертов (70,6%) видят будущее России в устойчивом сочетании государственного управления и рыночных механизмов, ориентированном на баланс интересов общества и государства. Можно говорить о формировании у значительной части экспертного сообщества устойчивого образа будущего России, основанного на сильном государстве, развитых институтах публичного управления и социально ответственной экономике.

Закключение. Исследование, проведённое на основе экспертного опроса представителей органов публичной власти Тульской области, позволило выявить ключевые особенности профессионального восприятия государственного суверенитета в условиях новых вызовов. Выбор региона не случаен: Тульская область, сочетающая черты промышленного, административного и сельскохозяйственного центра, позволяет зафиксировать управленческие установки, характерные для «средней России», вне влияния столичных элит или приграничной специфики. Именно здесь особенно отчётливо проявляется разрыв между декларируемыми целями и нормативно-ресурсной поддержкой на местах, особенно на муниципальном уровне.

Результаты показывают, что опрошенные представители власти обладают целостным, многомерным пониманием суверенитета, выходящим за рамки формально-правовой трактовки. Наиболее значимыми аспектами признаны внутренний (государственно-политический) и экономический суверенитет, а также духовно-культурные и мировоззренческие основы государственности. Это свидетельствует о смещении акцента с внешнеполитической независимости на устойчивость внутренних институтов.

Вместе с тем выявлены существенные расхождения в интерпретациях, особенно между уровнями власти: муниципальные служащие чаще отмечают недостаточную нормативную и ресурсную поддержку, что указывает на слабую интеграцию местного самоуправления в единую систему публично-правового обеспечения суверенитета.

Наиболее перспективным в глазах респондентов видится развитие, сочетающее стратегическое государственное руководство с рыночной гибкостью и социальной ответственностью. Такая модель не предполагает радикальных сдвигов, но требует согласованности между уровнями власти, чего сегодня, судя по оценкам, не хватает.

Эксперты демонстрируют готовность к усилению регулирования в сферах, связанных с национальной безопасностью (миграция, иностранное влияние, коррупция), но при этом последовательно отвергают любые формы правового произвола и избыточного вмешательства в права граждан. Это свидетельствует не о консерватизме, а о зрелом понимании того, что легитимность власти в кризисных условиях опирается на её соответствие конституционным принципам.

Таким образом, в профессиональной среде формируется новая модель суверенитета, основанная на балансе государственного управления и общественного участия, легитимности власти и адаптивности правовой системы. Региональные исследования подобного рода необходимы для выявления «точек напряжения» в системе публичного управления и разработки мер, способных укрепить суверенитет не декларативно, а через повседневную эффективность институтов.

Библиографический список

1. Тихомиров Ю. А. Правовой суверенитет: сферы и гарантии // Журнал российского права. 2013. № 3(195). С. 5–20. EDN [PYOJTD](#).
2. Красинский В. В. Государственный суверенитет: гносеологический аспект проблемы // Современное право. 2015. № 7. С. 5–10. EDN [UBSHCB](#).
3. Бернадинер Б. М. Социально-политическая философия Жан-Жака Руссо. Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 1940. 160 с.
4. Кученкова А. В. Народный суверенитет и право на восстание в концепции общественного договора Ж.-Ж. Руссо // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2023. № 4. С. 79–88. DOI [10.28995/2073-6401-2023-4-79-88](#). EDN [CODTKI](#).
5. Биюшкина Н. И. Право наций на самоопределение как основное начало советского федерализма // Право и политика. 2021. № 10. С. 43–57. DOI [10.7256/2454-0706.2021.10.36767](#). EDN [HOUXOY](#).
6. Хасанов А. А. Соотношение и взаимодействие принципов самоопределения народов и территориальной целостности государств // Журнал российского права. 2017. № 10(250). С. 133–142. DOI [10.12737/article_59c4d7604b9364.15443514](#). EDN [ZIGCIZ](#).
7. Тихомиров Ю. А. Суверенитет государств: гарантии стабильности и динамизма // Право и политика. 2012. № 3. С. 394–401. EDN [PZNL0L](#).
8. Мусихин Г. И. Классификация теорий суверенитета как попытка преодоления «концептуального эгоизма» // Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 64–78. EDN [LKQCUP](#).
9. Леонов А. С. Государственный суверенитет и права человека: проблема совместимости и взаимного влияния (теоретико-прикладной аспект) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 21. С. 216–219. EDN [QZBUXT](#).
10. Степанов М. А. Соотношение государственного суверенитета и прав человека: международно-правовой аспект // Vox Juris. Глас права : сб. ст. Вып. 2. СПб : Лема, 2020. С. 152–160. EDN [UWEJFN](#).
11. Российское общество и государство: основания устойчивости и тенденции изменений: социальная и социально-политическая ситуация / В. К. Левашов, Н. В. Березина, Н. М. Великая [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2024. 432 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-428-4.2024](#). EDN [LKXTNH](#).
12. Зубарев С. М. О содержании понятия «публично-правовое обеспечение» // Российская правовая система: в поисках национальной идентичности : Сб. докладов XIV Московской юридической недели: в 6-ти частях. Ч. 2. М. : Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2025. С. 318–325. EDN [TQEMPA](#).
13. Лазукина А. О. Социологический анализ уровня доверия граждан: глобальный и региональный аспект // Наука. Культура. Общество. 2020. Т. 26, № 3. С. 19–28. DOI [10.19181/2308829X-2020-3.2](#). EDN [JUSZCS](#).

14. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 55 этап всероссийского социологического мониторинга, май 2025 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шущпанова [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2025. 106 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025). EDN [ERLAQU](https://www.edn.ru/ERLAQU).
15. Zubarev S. M., Troshev D. B. The concept and essence of public law enforcement of state sovereignty // Kutafin Law Review. 2024. Vol. 11, No. 3. P. 569–594. DOI [10.17803/2713-0533.2024.3.29.569-594](https://doi.org/10.17803/2713-0533.2024.3.29.569-594). EDN [CHKGPG](https://www.edn.ru/CHKGPG).

Поступила: 23.04.2025. Доработана: 04.09.2025. Принята: 20.10.2025.

Сведения об авторах:

Зубарев Сергей Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного права и процесса, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Москва, Россия.
zubarevsm@yandex.ru

Author ID РИНЦ: [642722](https://elibrary.ru/642722); ORCID: [0000-0003-4322-3602](https://orcid.org/0000-0003-4322-3602)

Иванов Артур Валентинович, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования социально-политических процессов, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.
artur-i@list.ru

Author ID РИНЦ: [238512](https://elibrary.ru/238512)

S. M. Zubarev¹, A. V. Ivanov²

¹ Kutafin Moscow State Law University. Moscow, Russia

² Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia

PUBLIC-LAW ENFORCEMENT OF THE STATE SOVEREIGNTY OF THE RUSSIAN FEDERATION UNDER NEW CHALLENGES AND THREATS: SOCIOLOGICAL DIMENSION

Abstract. The article examines the professional perception of state sovereignty among representatives of public authorities under new politico-legal challenges. The study has a regional scope but possesses typological representativeness: data were obtained through an expert survey (N=281) conducted in the Tula Region – a territory combining features of an industrial, administrative, and agrarian center, which allows capturing managerial attitudes characteristic of representative regions of central Russia. The analysis covers interpretations of sovereignty, priorities for its reinforcement, assessments of the effectiveness of legal measures, and expectations regarding the country's future development after the completion of the special military operation. The findings indicate that experts predominantly understand sovereignty as an internal quality of the state, grounded in the stability of governing institutions, the balance between public and private interests, and the realization of citizens' constitutional rights. Measures related to economic autonomy, migration regulation, and countering foreign influence received the strongest support. At the same time, experts consistently reject any forms of arbitrary restriction of rights or legal arbitrariness, emphasizing the priority of constitutional guarantees even in times of crisis. Inter-level differences were identified: municipal representatives more frequently point to insufficient normative and resource support, indicating weak integration of local self-government into the unified system of public-law enforcement. Particular attention is paid to the role of citizens' legal culture and trust in public authorities as factors of sovereignty stability. The results underscore the need for unifying legal policy across all levels of government and developing a coherent governance model focused on the everyday effectiveness of institutions rather than declarative decisions.

Keywords: state sovereignty, public authority, public-law enforcement, legal regulation, regional policy, law enforcement, expert survey, trust in authority

For citation: Zubarev S. M., Ivanov A. V. Public-law enforcement of the state sovereignty of the Russian Federation under new challenges and threats: sociological dimension. *Science. Culture. Society*. 2025;31(4):25–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.2>

Acknowledgements: This work is supported by the Russian Science Foundation, project 23-18-00093, <https://rscf.ru/en/project/24-18-00764/>

References

1. Tikhomirov Yu. A. Legal sovereignty: spheres and guarantees. *Journal of Russian Law*. 2013;(3):5–20. (In Russ.).
2. Krasinski V.V. State sovereignty: epistemological dimension of problem. *Sovremennoe pravo*. 2015;(7):5–10. (In Russ.).
3. Bernadiner B. M. The socio-political philosophy of Jean-Jacques Rousseau. Voronezh: Voronezh State University; 1940. (In Russ.).
4. Kuchenkova A. V. Popular sovereignty and the right to revolt in the conception of the social contract by J. J. Rousseau. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*. 2023;(4):79–88. (In Russ.). DOI [10.28995/2073-6401-2023-4-79-88](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2023-4-79-88).
5. Biyushkina N. I. The right of nations to self-determination as the fundamental principle of Soviet federalism. *Law and Politics*. 2021;(10):43–57. (In Russ.). DOI [10.7256/2454-0706.2021.10.36767](https://doi.org/10.7256/2454-0706.2021.10.36767).
6. Khasanov A. A. Correlation and interaction between the principle of national self-determination and the principle of territorial integrity of the state. *Journal of Russian Law*. 2017;(10):133–142. (In Russ.). DOI [10.12737/article_59c4d7604b9364.15443514](https://doi.org/10.12737/article_59c4d7604b9364.15443514).
7. Tikhomirov Yu. A. Sovereignty of states: guarantees of stability and dynamism. *Journal of Russian Law*. 2012;(3):394–401. (In Russ.).
8. Musikhin G. I. Classification of theories of sovereignty. *Social Sciences and Contemporary World*. 2010;(1):64–78. (In Russ.).
9. Leonov A. S. State sovereignty and human rights: the problem of compatibility and mutual influence (theoretical and applied aspect). *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2013;(21):216–219. (In Russ.).
10. Stepanov M. A. Correlation of state sovereignty and human rights: an international legal aspect. In: *Vox Juris. Glas prava: coll. of art. Vol. 2*. St. Petersburg: Lema; 2020. P. 152–160. (In Russ.).
11. Levashov V. K., Berezina N. V., Velikaya N. M. [et al.] Russian society and state: foundations of sustainability and trends of change. Social and socio-political situation. Moscow: FCTAS RAS; 2024. . (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-428-4.2024](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-428-4.2024).
12. Zubarev S. M. On the content of the concept of “public law provision”. In: *The Russian legal system: in search of national identity. Coll. of reports of the XIV Moscow Law Week: in 6 parts. Part 2*. Moscow: Kutafin Moscow State Law University; 2025. P. 318–325. (In Russ.).
13. Lazukina A. O. Sociological analysis of the level of citizens’ trust: global and regional aspects. *Science. Culture. Society*. 2020;26(3):19–28. (In Russ.). DOI [10.19181/2308829X-2020-3.2](https://doi.org/10.19181/2308829X-2020-3.2).
14. Levashov V. K., Velikaya N. M., Shushpanova I. S. [et al.]. How are you, Russia? Express information. 55th stage of the All-Russian sociological monitoring, May 2025. Moscow: FCTAS RAS; 2025. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025).
15. Zubarev S. M., Troshev D. B. The concept and essence of public law enforcement of state sovereignty. *Kutafin Law Review*. 2024;11(3):569–594. DOI [10.17803/2713-0533.2024.3.29.569-594](https://doi.org/10.17803/2713-0533.2024.3.29.569-594).

Received: 23.04.2025. Corrected: 04.09.2025. Accepted: 20.10.2025.

Author information:

Sergey M. Zubarev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative Law and Process, Kutafin Moscow State Law University. Moscow, Russia.

zubarevsm@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4322-3602

Artur V. Ivanov, Candidate of Sociology, Leading Researcher at the Center for the Study of Socio-Political Processes, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

artur-i@list.ru

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.4.3](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.3)
EDN [XXEDRC](#)
УДК 327(470)

И. А. Селезнев¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

РОССИЯ И ИНСТИТУТЫ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ПОТЕНЦИАЛ, РИСКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Цель работы состоит в анализе участия России в структурах и инициативах межгосударственной евразийской и трансконтинентальной интеграции в 2024–2025 гг. Методологической основой исследования выступает институциональный подход: интеграционные инициативы рассматриваются как политические институты, отвечающие коллективным потребностям государств в условиях санкционного давления и геополитической нестабильности. На основе фактологии событий за указанный период проанализированы роль, функции, потенциал, риски и перспективы таких объединений, как ЕАЭС, ОДКБ, ШОС и БРИКС. Особое внимание уделено институциональной эволюции БРИКС от номинальной группы к ассоциации и потенциально полноценной организации, а также его аксиологической основе как проекции модели «солидарности цивилизаций». В исследовании использованы данные зарубежных экспертных рейтингов и вторичный анализ социологических опросов общественного мнения. В результате показано, что участие России в интеграционных инициативах формирует дополнительные резервы её политической устойчивости и способствует укреплению евразийской и международной безопасности. Эти объединения утверждают на глобальной повестке принципы альтернативной глобализации, многополярности, равноправия, справедливости, а также неукоснительного уважения государственного суверенитета и культурно-цивилизационной идентичности.

Ключевые слова: межгосударственная интеграция, институционализация, многополярный мир, солидарность цивилизаций, альтернативная глобализация, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, БРИКС, политические институты

Для цитирования: Селезнев И. А. Россия и институты межгосударственной интеграции: потенциал, риски, перспективы // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 4. С. 44–59. DOI [10.19181/nko.2025.31.4.3](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.3). EDN [XXEDRC](#).

Введение. На внешнеполитическом направлении 2024 год был отмечен для России рядом международных контактов, визитов и встреч на высшем уровне, свидетельствующих о провале политики изоляции нашей страны. И здесь важную роль сыграли как двусторонние отношения России со странами Азии, Африки, Латинской Америки, так и интеграционные межгосударственные инициативы. Интеграционные процессы обеспечивают существенный ресурс взаимного политического доверия и потенциал взаимодействия стран-участниц. Поэтому продуктивность функционирования международных институтов, созданных при участии, а зачастую и по инициативе России, может выступать в качестве показателя политической устойчивости государства на международной арене.

Научная проблема, рассматриваемая в настоящей статье, заключается в том, насколько интеграционные объединения способны выполнять функции устойчивых социальных институтов в условиях геополитической нестабильности, санкционного давления и суверенных интересов стран-участниц. Целью исследования является анализ институциональной эволюции и практической эф-

фективности ключевых интеграционных инициатив с участием России в 2024–2025 гг. с точки зрения их способности обеспечивать политическую устойчивость, экономическую кооперацию и коллективную безопасность. Научная новизна состоит в применении теории институционализма (Т. Веблен, Ю. Левада) к интерпретации этих процессов, а также в сопоставлении декларируемых стратегических целей с реальной динамикой взаимодействия участников.

Соответствие интересам России процессов региональной и межрегиональной интеграции нашло отражение в Концепции внешней политики РФ (2023 г.). В частности, речь идёт о расширении сотрудничества в таких форматах, как Союзное государство, ЕАЭС, ОДКБ, СНГ, ШОС, БРИКС, РИК (Россия–Индия–Китай). Ставится цель формирования Большого Евразийского партнёрства как широкого интеграционного контура посредством объединения потенциалов всех государств, региональных организаций и объединений Евразии с опорой на ЕАЭС, ШОС, АСЕАН. Предполагается сопряжение планов развития ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс – один путь» при сохранении возможности участия в этом партнёрстве всех заинтересованных государств и многосторонних объединений Евразийского континента и, как следствие, формирование сети партнёрских организаций в Евразии. Превращение Евразии в единое общекионтинентальное пространство мира, стабильности, взаимного доверия, развития, процветания провозглашается флагманским проектом России на XXI в.¹

Методология. Участие в таких инициативах позволяет России избегать изоляции и противостоять санкциям со стороны Запада. Поэтому стоит подробнее рассмотреть функционирование за прошедший год интеграционных объединений евразийского и трансконтинентального характера с участием России. Методологически мы опираемся на положения институционализма, сформулированные Т. Вебленом. Социальный институт понимается как совокупность общественных обычаев, норм, устоявшихся привычек поведения, образ мысли и образ жизни, передаваемые из поколения в поколение. Если основные понятия в социальных теориях меняются, наполняются иным содержанием, то через социальные институты они изменяют картину мира человека [1, с. 65].

Возникает социальный институт из необходимости удовлетворения коллективных социальных потребностей общества и на пути своего развития претерпевает несколько стадий эволюции. Динамика социальных институтов включает взаимосвязь следующих процессов: жизненный цикл института от момента его зарождения и становления (институционализации) до исчезновения/трансформации; функционирование зрелого института, выполнение всех его социально значимых функций, появление и преодоление дисфункций; эволюция института, изменение вида, свойств, формы и содержания на историческом отрезке времени, возникновение новых и отмирание старых функций, как явных, так и латентных. Преобладание дисфункций над функциями свидетельствует о кризисе и дезорганизации социального института [2, с. 200–201].

Итак, интеграция государств будет рассматриваться в качестве социального института, отвечающего коллективным потребностям государств в современную эпоху и находящего различные организационные формы воплощения. Создание межстранового интеграционного объединения представляется в качестве институ-

¹ Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации // Официальный сайт Президента России. 31.03.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/70811> (дата обращения: 15.03.2025).

ционализации формы организации совместной жизнедеятельности людей, существование которой диктуется необходимостью удовлетворения социальных, экономических, политических, культурных или иных потребностей обществ-участников интеграционных процессов и отвечает коллективным потребностям государств в современную эпоху, в частности потребности России и других государств отстаивать свой суверенитет, проводить независимую политику на принципах справедливости и невмешательства во внутренние дела друг друга [3, с. 140–141].

Россия и евразийские интеграционные инициативы постсоветского пространства. Евразийский экономический союз (ЕАЭС), которому в 2025 г. исполняется 10 лет, включает на сегодня Россию, Белоруссию, Армению, Казахстан, Киргизию. Государствами-наблюдателями являются Узбекистан, Куба, Иран (с 2024 г.)² и (де-юре) Молдавия. В зону свободной торговли с ЕАЭС входят Вьетнам, Сербия, Сингапур; действует соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве с КНР. На заседании Высшего экономического совета 25 декабря 2023 г. главы государств ЕАЭС подписали Декларацию развития ЕАЭС до 2030 г. и на период до 2045 г. «Евразийский экономический путь»³. Коллегия Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) в декабре 2023 г. утвердила комплексный план развития евразийских транспортных коридоров⁴. Это направление представляет особый интерес для России в условиях санкционного давления со стороны Запада и, зачастую, необходимости обеспечения импорта значимой продукции. Тем не менее можно отметить, что на протяжении полутора лет после введения Казахстаном в 2023 г. системы онлайн-отслеживания движения товаров⁵ стали возникать сложности транзитного характера.

Говоря о внешнеполитическом контуре проблем, нельзя не отметить коллизию для стран-членов ЕАЭС и ОДКБ в случае международных конфликтов, в которые вовлечены другие его участники. Несмотря на наличие союзнических деклараций, между государствами-партнёрами по ЕАЭС и ОДКБ может наблюдаться серьёзное несовпадение точек зрения на ряд существенных международных проблем. В частности, как представляется, все эти годы Россия ожидала от союзников более выраженной поддержки по кардинальным вопросам.

Так, с 2023 г. Армения не принимает участие в заседаниях Советов коллективной безопасности ОДКБ, а в феврале 2024 г. премьер-министр Армении Н. Пашинян заявил о замораживании членства страны в ОДКБ, поскольку «ОДКБ создаёт угрозы безопасности, существованию и суверенитету Армении»⁶. Собственно, этот курс обозначился уже к осени 2023 г., когда, отказавшись от участия в военных

² Что известно о саммитах ЕАЭС // ТАСС. 26.06.2025. URL: <https://tass.ru/info/24360321> (дата обращения: 27.06.2025).

³ Главы государств ЕАЭС подписали Декларацию о дальнейшем развитии экономических процессов «Евразийский экономический путь» // ЕЭК. 25.12.2023. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/glavy-gosudarstv-eaes-podpisali-deklaratsiyu-o-dalneyshem-razviti-ekonomicheskikh-protsessov-evrazi/> (дата обращения: 15.03.2025).

⁴ Утвержден план развития евразийских транспортных коридоров // ЕЭК. 06.12.2023. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/utverzhen-plan-razvitiya-evraziyskikh-transportnykh-koridorov/> (дата обращения: 15.03.2025).

⁵ Потаева К., Лакстыгал И. Казахстан получил механизм для ограничения транзита грузов в Россию // Ведомости. 24.03.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/03/24/968111-kazakhstan-poluchil-mehanizm-ogranicheniya> (дата обращения: 15.03.2025).

⁶ ОДКБ создает угрозы безопасности, существованию и суверенитету Армении – Пашинян // АМИ. Новости-Армения. 18.09.2024. URL: <https://newsarmenia.am/news/politics/odkb-sozdaet-ugrozy-bezopasnosti-sushchestvovaniyu-i-suverenitetu-armenii-pashinyan/> (дата обращения: 15.03.2025).

учениях ОДКБ, Армения предпочла совместные учения с США⁷. Также по предложению Армении (председатель ЕАЭС в 2024 г.) место проведения Высшего Евразийского экономического совета на декабрь 2024 г. было перенесено из Еревана в Ленинградскую область⁸. Если на том саммите ЕАЭС премьер-министр Армении выступал онлайн, то на заседании в Минске в 2025 г. он отсутствовал. А уж принятый в марте 2025 г. закон «О начале процесса вступления Республики Армения в Европейский союз» вообще вызывает недоумение, поскольку находится в юридическом противоречии с членством Армении в ЕАЭС⁹.

Но и от самой повестки Совета коллективной безопасности ОДКБ в Астане 2024 г. стоило бы ожидать большего в поддержке России в ситуации проникновения украинских вооружённых формирований на территорию Курской области, чем заявления декларативного характера («мы нацелены на ведение имиджевой работы посредством продвижения позитивного образа организации в медиапространстве»), высказанные С. Н. Жапаровым, президентом Киргизии, к которой перешло председательство в ОДКБ в 2025 г.¹⁰ И даже заверения президента Казахстана К.-Ж. Токаева, что ОДКБ подтвердила «твёрдую готовность сообща действовать для предупреждения вызовов и угроз коллективной безопасности»¹¹, выглядят расплывчатыми. Ведь статья 4 Договора о коллективной безопасности гласит, что агрессия против одного участника рассматривается как агрессия против всех, а остальные государства обязаны оказать пострадавшей стороне необходимую помощь – включая военную – всеми имеющимися средствами в рамках права на коллективную оборону (согласно ст. 51 Устава ООН)¹². То, что актуальная тема СВО оказывается вытесненной на периферию фокуса данной военно-политической организации, свидетельствует о серьёзных проблемах в ОДКБ по обеспечению исполнения государствами-участниками союзнических обязательств в сфере обороны.

Впрочем, нам уже приходилось писать о возникающих на пути евразийской интеграции рисках роста (экономических, социальных, в сфере безопасности) и имманентных рисках, порождаемых самим суверенным государственным статусом стран-участниц ЕАЭС и ОДКБ, для которых существует определённая «красная черта» ограничений, дойдя до которой дальнейшие интеграционные продвижения воспринимаются в качестве угрозы суверенитету [4; 5, с. 492–493; 6, с. 115–116].

Показательно, что страны СНГ, в том числе государства-члены ЕАЭС и ОДКБ, стали (наряду с недружественными по отношению к России государствами Европы) территорией притяжения «шестой волны» российской эмиграции – «релокантов» от СВО, зачастую разворачивающих там антироссийскую политическую активность. Здесь надёжным союзником, не допускающим таких

⁷ В Ереване стартовали армяно-американские военные учения // РИА Новости. 15.07.2024. URL: <https://ria.ru/20240715/armeniya-1959774581.html> (дата обращения: 06.04.2025).

⁸ Михайлов В. Стоп-кран и «точка невозврата»: Армения пропустила саммит ОДКБ в Астане // EurAsia Daily. 01.12.2024. URL: <https://easaily.com/ru/news/2024/12/01/stop-kran-i-tochka-nevozvrata-armeniya-propustila-sammit-odkb-v-astane> (дата обращения: 15.03.2025).

⁹ Президент Армении подписал закон о вступлении страны в ЕС // РБК. 04.04.2025. URL: <https://www.rbc.ru/politics/04/04/2025/67efe5309a7947ccfa896e59> (дата обращения: 6.04.2025).

¹⁰ Ракович И. Председательство в ОДКБ перешло к Кыргызстану. Садыр Жапаров рассказал о приоритетах работы организации // Телеканал МИР-24. 28.11.2024. URL: <https://kg.mir24.tv/news/16618150/> (дата обращения: 15.03.2025).

¹¹ «Орешник» – лишь начало. Путин представил ракетное «меню» для Киева // РИА Новости. 28.11.2024. URL: <https://ria.ru/20241128/putin-1986220862.html> (дата обращения: 15.03.2025).

¹² Договор о коллективной безопасности // ОДКБ: [официальный сайт]. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti (дата обращения: 29.11.2025).

проявлений на своей территории, показала себя только Республика Беларусь [7; 8, с. 73; 9, с. 130].

Белоруссия в 2025 г. председательствовала в ЕАЭС, поэтому заседание Высшего экономического совета проходило в Минске, где лидеры обсудили контуры новой версии своего объединения, которую А. Лукашенко, назвал ЕАЭС 2.0¹³. Ежегодный саммит ОДКБ за 2025 г., с участием лидеров Белоруссии, Казахстана, Киргизстана, России, Таджикистана, состоялся в Бишкеке. Главным документом встречи стала Декларация Совета коллективной безопасности: обозначена оценка обстановки в мире и в зоне ответственности ОДКБ, зафиксированы договорённости по укреплению мира и стабильности. В составе Секретариата ОДКБ было учреждено Информационно-аналитическое управление¹⁴.

Россия и «Большая Евразия». Не удивительно, что активность России на интеграционном направлении не сводится лишь к замыканию на постсоветском пространстве. Собственно, ещё в мае 2017 г. в Пекине Президентом России был заявлен проект «Большой Евразии», было выдвинуто и предложение о сопряжении ЕАЭС, АСЕАН и ШОС («интеграция интеграций») [10]. Поэтому Россия принимает участие в таких интеграционных объединениях, как ШОС и БРИКС, выходящих за границы постсоветского пространства. Собственно, участие в ШОС и БРИКС позволило РФ перенаправить потоки энергоносителей с Запада на Восток, в условиях экономических санкций после начала СВО.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) включает Россию, КНР, Индию, Иран, Пакистан, Белоруссию (с 2024 г.)¹⁵, Казахстан, Киргизию, Таджикистан и Узбекистан. В статусе государства-наблюдателя ШОС находятся Афганистан (де-юре) и Монголия [11, с. 4218; 12, с. 2887, 13, с. 83]. Партнёры по диалогу ШОС: Азербайджан, Армения, Бахрейн, Египет, Камбоджа, Катар, Кувейт, Лаос (с 2025 г.), Мальдивы, Мьянма, Непал, ОАЭ, Саудовская Аравия, Турция, Шри-Ланка. Что характерно, официальными языками ШОС являются русский и китайский¹⁶. На очередном саммите ШОС 2025 г. (Тяньцзинь, КНР) были приняты Тяньцзиньская декларация Совета глав государств-членов ШОС, стратегия развития ШОС до 2035 г., соглашения об Антинаркотическом центре, Универсальном центре по противодействию вызовам и угрозам безопасности и др. В итоговом заявлении лидеры государств-членов ШОС осудили любые действия по искажению значения Великой Победы и роли народов государств-членов ШОС в разгроме фашизма и милитаризма, а также попытки реабилитировать идеи нацизма и расового превосходства, оправдать геноцид и другие преступления против мирного населения, продвигать радикальные экстремистские идеологии¹⁷.

¹³ В Минске стартовал саммит ЕАЭС. Почему этот год особенный для союза // Белта. 27.06.2025. URL: <https://belta.by/president/view/v-minske-startoval-sammit-eaes-pochemu-etot-god-osobennyj-dlja-sojuza-723343-2025/> (дата обращения: 29.06.2025).

¹⁴ В Бишкеке состоялась сессия Совета коллективной безопасности ОДКБ // ОДКБ: [официальный сайт]. 27.11.2025. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/v-bishkeke-sostoyalas-sessiya-soveta-kollektivnoy-bezopasnosti-odkb/ (дата обращения: 29.11.2025).

¹⁵ Белоруссия стала членом ШОС // РИА Новости. 04.07.2024. URL: <https://ria.ru/20240704/belorussiya-1957261425.html> (дата обращения: 15.03.2025).

¹⁶ О ШОС // ШОС: [официальный сайт]. URL: <https://rus.sectesco.org/20151208/16789.html> (дата обращения: 15.03.2025).

¹⁷ Документы, подписанные и принятые по итогам заседания Совета глав государств-членов ШОС // Президент России: [официальный сайт]. 1.09.2025. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6374> (дата обращения: 29.11.2025).

Итак, взаимодействие в ШОС включает в себя сотрудничество как в области экономики, так и в сфере безопасности. ШОС выступает существенным рамочным пространством для сотрудничества Москвы и Пекина, Москвы и Дели. В ШОС входят как крупные экспортёры топливно-энергетических ресурсов (Россия, Иран, Казахстан), так и крупнейшие их импортёры (КНР, Индия) [3, с. 143–144].

В рамках объединения выдвигаются проекты по развитию евразийской транспортной инфраструктуры и промышленности, по созданию благоприятных условий межгосударственной торговли. В КНР рассматривается создание производственного пояса для активизации сотрудничества с Россией и странами Северо-Восточной Азии в качестве важного элемента обеспечения собственной экономической безопасности. Это во многом связано с тем, что Запад целенаправленно ставит препятствия развитию маршрутов в рамках «Нового шёлкового пути», что повышает значимость и перспективы Северного морского пути (СМП) в проекте «Морского шёлкового пути» [14, с. 167; 15, с. 193]. Так, отмечается рост использования труднопроходимого восточного сектора СМП, в том числе за счёт экспорта в КНР, которая давно проявляет интерес к освоению ресурсов Арктической зоны.

По оценке экспертов, развитие Северного морского коридора даёт серьёзные преимущества: выгода от транспортировки по СМП может достигать 30-40% относительно Южного коридора через Суэцкий канал. Другим достоинством СМП становится безопасность, поскольку последствия ближневосточного конфликта для навигации в Красном море привели к перенаправлению судов, старающихся избегать данного маршрута, сокращению трафика через Суэцкий канал, росту издержек в силу подорожания фрахта и страховок и сбою поставок в силу сокращения грузоперевозок таким путём. Активная эксплуатация СМП даст возможность осуществления регулярного международного грузового транзита Европа-Азия под контролем России [16, с. 205–210; 17, с. 164–168]. В связи с этими перспективами, а также учитывая недружелюбную политику западных стран, предполагается ускорить развитие Севморпути: разработан план, рассчитанный на долгосрочный период вплоть до 2035 г., который предусматривает развитие СМП и строительство всей необходимой береговой инфраструктуры [18, с. 33–34].

Исходя из вышеизложенного, предсказуемы основания для роста интереса к вхождению в ШОС новых государств. Хотя в качестве альтернативы может выступать присоединение к БРИКС, противоречия для той или иной страны между участием в обоих этих альянсах нет.

При этом, говоря о функциональных сторонах ШОС, можно отметить наличие дублирующих органов. Так, в Ташкенте расквартирована Региональная антитеррористическая структура (РАТС) ШОС, предназначенная для содействия координации и взаимодействия правоохранительных органов и спецслужб в борьбе с терроризмом, экстремизмом, сепаратизмом. Но её функции во многом дублируются с деятельностью Антитеррористического центра СНГ и структур ОДКБ. Участие в межгосударственных структурах безопасности – достаточно важный аспект взаимодействия, поскольку Россия, как государство-цивилизация, играет ключевую роль в борьбе с терроризмом на международном уровне. Она не только является одним из ведущих мировых игроков в борьбе с терроризмом, но и активно участвует в международных усилиях по его предотвращению [19, с. 10]. Тем не менее, следует отметить работу по преодолению

данных противоречий между структурами: в сентябре 2024 г. в Ташкенте была организована диалоговая площадка, впервые объединившая Конференцию СНГ по борьбе с терроризмом и экстремизмом и Международную научно-практическую конференцию РАТС ШОС, а также, впервые на территории Узбекистана, прошли совместные антитеррористические учения СНГ «Восток-Анти-террор-2024» [20, с. 54-59].

Председательство России в БРИКС. БРИКС – коалиция из десяти государств: Бразилия, Россия, Индия, КНР, ЮАР (с 2011 г.), ОАЭ (с 2024 г.), Иран (с 2024 г.), Египет (с 2024 г.), Эфиопия (с 2024 г.), Индонезия (с 2025 г.), объединённых собственным альтернативным взглядом на пути глобализации. Помимо государств-партнёров БРИКС – Алжир, Белоруссия, Боливия, Вьетнам, Казахстан, Куба, Малайзия, Нигерия, Таиланд, Турция, Уганда, Узбекистан, в статусе «приглашённой страны» находится Саудовская Аравия. И проведение в г. Казани XVI саммита БРИКС (22-24 октября 2024 г.), крупнейшего с начала СВО международного мероприятия в России, стало явным успехом российской дипломатии, свидетельствующим об отсутствии мировой политической изоляции РФ. В Казань прибыли 36 делегаций из разных стран. Показательно участие в форуме генерального секретаря ООН А. Гутерреша. Это уже третий саммит объединения, прошедший в России, до этого были форумы БРИК в Екатеринбурге (2009 г.) и БРИКС в Уфе (2015 г.). Также, в июне 2024 г. в Казани состоялись приуроченные к предстоящей встрече на высшем уровне V Спортивные игры БРИКС, собравшие спортивные команды из 53 стран мира. Казанская декларация БРИКС включает 4 раздела, предусматривающих укрепление и расширение: (1) многосторонности для более справедливого и демократического миропорядка; (2) сотрудничества в интересах глобальной и региональной стабильности и безопасности; (3) финансово-экономического сотрудничества в интересах справедливого глобального развития; (4) гуманитарных обменов в интересах социально-экономического развития¹⁸.

Стоит обратить внимание, что на саммите лидеры БРИКС поддержали идею всеобъемлющей реформы ООН (включая Совбез ООН), в целях повышения её демократичности, представительности и эффективности¹⁹, а также реформу ВТО, формирование новой банковской и расчётной систем, новой независимой от доллара валюты; внедрение единой транспортно-логистической платформы, а также осуждение дискриминационных политически мотивированных санкций²⁰. Можно согласиться с точкой зрения, что констатация фактов неэффективности ООН, МВФ, ВТО, ОБСЕ и других международных организаций ещё ничего не даёт и нужно создавать альтернативные структуры глобального порядка, которые бы доказывали свою компетентность и эффективность [21, с. 17].

Поэтому стоит остановиться подробнее на социологическом анализе институционализации БРИКС. Структурную эволюцию данного объединения мож-

¹⁸ Казанская декларация саммита БРИКС. Основные тезисы // ТАСС. 23.10.2024. URL: <https://tass.ru/politika/22202081> (дата обращения: 15.03.2025).

¹⁹ Страны БРИКС поддержали всеобъемлющую реформу ООН для повышения демократичности // ТАСС. 23.10.2024. URL: <https://tass.ru/politika/22202825> (дата обращения: 15.03.2025).

²⁰ Казанская декларация саммита БРИКС. Основные тезисы...

но описать социологическим языком в терминах и методологии Ю. А. Левады [22, с. 82–84] как преобразование номинальной группы в типологическую, а далее в ассоциацию и затем, потенциально, в организацию. Изначально это был не более чем «ярлык», наклеенный наблюдателем извне на некоторую группу, участники которой не осознавали свою принадлежность к ней, но в дальнейшем участники группы стали осознавать свою общность и взаимодействовать в рамках неё. Ведь акроним BRIC впервые был употреблён в 2001 г. британским экономистом Т. Дж. О'Нилом, объединившим на основе схожих экономических тенденций Бразилию, Россию, Индию, Китай. Также он обозначил и ещё одну группу стран – MINT: Малайзия, Индонезия, Нигерия, Турция, однако это понятие не получило развития и не прижилось [3, с. 144].

Итак, изначально, БРИК – это всего лишь номинальная группа, созданная «извне» на основе общей категории. Участники группы не осознавали поначалу свою принадлежность к ней, но с осознанием своей принадлежности странами-участницами мы можем говорить о превращении группы в типологическую. Здесь этапным моментом стал Петербургский международный экономического форум, прошедший в июне 2006 г. с участием министров экономики Бразилии, России, Индии, КНР. С этого события объединение отсчитывает своё существование. С тех пор регулярно проводятся встречи и совещания глав государств, правительств, глав МИД, министров финансов и т.п. В период мирового финансово-экономического кризиса в экономиках стран БРИКС обнаружили схожие резервы роста, а само объединение получило импульс развития. Государства-основатели изначально заявили, что видят в данной инициативе равноправное объединение народов и стран в борьбе за укрепление своего национального суверенитета и освобождение от попыток западного диктата. До 2011 г. группа из четырёх стран именовалась БРИК, а после присоединения ЮАР, по предложению министра финансов Индии, группа получила название БРИКС [3, с. 144].

По мнению Ю. А. Левады, ассоциациями являются такие группы, которые являются единицей взаимодействия, могут действовать, а не только числиться как группы [22, с. 82–84]. Мы можем зафиксировать, что в БРИКС было налажено взаимодействие и она, таким образом, из типологической группы трансформировалась в ассоциацию. То есть в группу, в которой существует взаимодействие, причём участники не только обладают каким-то отдельным признаком, но и связаны друг с другом так, что действие одной части как-либо влияет на действие другой [22, с. 82–84]. Так, ещё по итогам саммита БРИКС-2017 в г. Сямьне, КНР, было заявлено, что «Ягуар» (Бразилия), «Медведь» (Россия), «Слон» (Индия), «Дракон» (КНР) и «Газель» (ЮАР) «продолжат совместную работу по укреплению партнёрства и сотрудничества на благо всего человечества»²¹.

После саммитов 2023-2024 гг. в Йоханнесбурге и в Казани, на которых было принято решение о расширении БРИКС, можно утверждать, что взаимодействие приобрело устойчивый, воспроизводящийся характер. И, таким образом, возникли условия для преобразования ассоциации в организацию (рис. 1).

²¹ BRICS Nations Stride on for Second “Gold Decade” of Cooperation // China Daily, 07.09.2017. URL: http://www.chinadaily.com.cn/opinion/2017-9/07/content_31673014.html (accessed: 15.03.2025).

Рисунок 1. Структурная эволюция БРИКС 2001–2025 гг.

По оценкам специалистов, в БРИКС ведётся целенаправленная работа по укреплению практического сотрудничества в таких стратегически важных для России областях, как международная безопасность, торгово-инвестиционное взаимодействие, преодоление цифрового разрыва, развитие межрегиональных связей, а также обеспечение устойчивого и инклюзивного роста [23, с. 6].

При этом, не стоит переоценивать степени консолидированности данного объединения – большинство из государств-членов БРИКС имеет основными экономическими партнёрами страны Запада. БРИКС пока ещё остаётся в формате консультационного форума, ещё не создано устава, постоянных органов координации и т.п. Можно говорить о малой структурированности и наличии противоречий в альянсе. На позицию стран может влиять конъюнктура, а также противодействие со стороны США, НАТО, ЕС, G7 и др. [21, с. 17, 22]. Так, Аргентина, приглашённая в состав БРИКС в 2023 г., отказалась вступать в объединение после прошедших президентских выборов и изменения политического курса государства и не получила приглашение на саммит в Казани. Остаётся неопределённой и ситуация с присоединением Саудовской Аравии к БРИКС, хотя эта страна была представлена на встрече в Казани главой МИД.

Более того, между странами объединения зачастую существуют серьёзные противоречия. Так, Индия не участвует в инициативе «Один пояс – один путь», а уж тем более не поддерживает китайский проект экономического коридора через территорию Кашмира, которую в Дели считают своей. Со своей стороны, в КНР не собираются сворачивать сотрудничество со своим проверенным союзником Пакистаном, на протяжении своей истории находящимся в достаточно враждебных отношениях с Индией. Также сохраняются территориальные споры между Индией и Китаем по поводу приграничных земель, захваченных КНР в 1962 г. [3, с. 145]. На саммите БРИКС в Казани была достигнута договорённость между лидерами КНР и Индии о начале переговорного процесса по деэскалации пограничных споров, что свидетельствует о серьёзном потенциале форума. Но застарелые индийско-китайские противоречия не сводятся лишь к территориальным претензиям, а проистекают из конкуренции этих государств за место главного центра силы в Азии. Наличествуют и противоречия между Египтом и Эфиопией по вопросу транспортной инфраструктуры. При этом вряд ли стоит искать институциональные ограничения в самой современной России [21, с. 19–21], противопоставляя участие в БРИКС её членству в СНГ,

ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, а уж, тем более, её статусу наблюдателя в Организации исламского сотрудничества.

Говоря о перспективах БРИКС, в качестве важной функции обозначим возможность формирования новой системы международных отношений на принципах многополярного мира. История знает несколько систем международных отношений: Вестфальскую (1648 г.), Венскую (1815 г.), Версальско-Вашингтонскую (1919 г.), Ялтинско-Потсдамскую (1945 г.), последовательно сменявших друг друга. Каждая из этих систем устанавливала международные границы и международное право после больших и кровопролитных войн, соответственно, Тридцатилетней войны, Наполеоновских войн, Первой мировой войны, Второй мировой войны. В результате разрушения СССР и распада мировой социалистической системы 1990-е гг. оказались периодом однополярного доминирования США. На практике это привело к попранию системы международного права и международной безопасности, как свидетельствуют многие события в мире [3, с. 145–146]. В кризисе оказались институты Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений (ООН, СБ ООН), международное право и институционализированные форматы межгосударственного сотрудничества в культурной, научной и даже спортивной сферах (Международное Олимпийское движение). В подобной ситуации деятельность БРИКС даёт миру шанс на построение новой системы справедливых международных отношений. Хотя следует признать, что решающим аргументом здесь станет победное завершение Россией СВО. Поэтому вполне оправдано сравнение динамики происходящих ныне процессов с давними событиями Тридцатилетней войны в Европе (1618–1648 гг.), по итогам которой был заключён Вестфальский мир, сформировавший мировую систему национальных государств, узаконивший государство как основную суверенную форму организации общества, положивший начало дипломатии, основанной на их равноправии, взаимном признании суверенитета и границ [24, с. 80–81]. Тем более, что в Концепции внешней политики России подробно прописаны принципы справедливого и устойчивого мироустройства в многополярной системе международных отношений и роль, даже миссия России в утверждении справедливого миропорядка. И БРИКС предлагает справедливый мир для всего человечества, а не для «золотого миллиарда»; утверждает «сложную гегемонию» государств-цивилизаций в противовес однополярной мир-системе, построенной на принципах цивилизационного и социального расизма [25, с. 72–74; 26, с. 91; 27, с. 175].

Можно согласиться с точкой зрения, возводящей концептуальное основание объединения БРИКС к ценностям традиционалистского «аксиомодерна», противостоящего как постгуманизму глобалистского коллективного Запада, так и фундаментализму «Арабского халифата 2.0». В противовес хантингтоновскому «конфликту цивилизаций» выдвигается модель «солидарности цивилизаций» [26, с. 91; 28, с. 1; 29, с. 9–25]. На очередном саммите БРИКС (Рио де Жанейро, июль 2025 г.) было уделено внимание вопросам реформирования системы глобального управления (включая проблемы технологий ИИ для устойчивого развития и инклюзивного роста), углубления торгового сотрудничества и культурного развития, борьбы терроризмом, с последствиями изменения климата и др.²²

²² Коголов Ю. В НАТО наблюдается «бунт на корабле»: Лавров подвел итоги саммита БРИКС и рассказал о потенциале организации // Российская газета. 07.07.2025. URL: <https://rg.ru/2025/07/07/sergej-lavrov-podvel-itogi-sammita-briks-v-brazilii.html> (дата обращения: 27.11.2025).

Анализ социологических данных. Поднимая тему роли России на международной арене, обратимся к ежегодным рейтингам государств, составляемым американским изданием U.S. News & World Report²³. Согласно представленным там данным на 2025 г., Россия, как и в 2023-2024 гг., сохраняет 3-е место в мире по показателю «Могущество (Power)», после США и КНР²⁴. Россия оценена как держава № 1 в мире по субпоказателю «Сильные вооружённые силы (Strong Military)»; на 2-месте США; на 3-е вышел Израиль; №4 КНР, в 2023-2024 гг. занимавшая 3-е место по данному показателю. Как и в предыдущие годы, Россия продолжает, сохраняя за собой 1-е место в мире по субпоказателю «Политическое влияние (Politically Influential)», обходя США, КНР, Великобританию, Израиль, ФРГ (№№ 2-6)²⁵. По субпоказателю «Лидер (A leader)» Россия в 2024 г. сместилась на 2-е место, по сравнению с показателем 2023 г., уступив США; на позиции №3 – КНР²⁶.

По показателю «Сильные международные альянсы (Strong international alliances)» Россия в 2025 г., как и год назад, занимает 5-е место в мире, уступая США, Великобритании, Германии, Франции (т.е. странам НАТО). Но учитывая, что на № 6 с 2024 г., опередив Канаду (№ 7; в 2023 г. – № 6)²⁷, вышла КНР (2023 г. – № 7), также страна-участница таких международных коалиций как БРИКС и ШОС, отметим достаточно высокую оценку эффективности подобных межгосударственных объединений со стороны американского издания.

Что касается восприятия БРИКС общественным мнением России, то, согласно данным ВЦИОМ, за годы существования данное объединение не только стало более заметным в российском информационном пространстве, но и укрепило свой авторитет в обществе²⁸. Альянс БРИКС в той или иной степени известен абсолютному большинству наших сограждан (83%), в том числе 41% знают о нем хорошо, 42% – без подробностей. Серьёзное влияние деятельности БРИКС на мировую экономику признают две трети респондентов (68%). Решение России участвовать в БРИКС россияне в целом считают скорее правильным, а само участие – важным (по 87%), среди осведомлённых о БРИКС такого мнения придерживаются девять из десяти опрошенных (92% и 91% соответственно). Участие России в БРИКС находит поддержку у восьми из десяти опрошенных (82%), скорее безразлично к нему относится каждый седьмой (14%) и только 2% – отрицательно. Семь из десяти респондентов видят от участия в БРИКС больше пользы для России (69%, в группе осведомлённых – 75%) и считают, что в расширении сотрудничества в рамках объединения в равной степени заинтересованы как Россия, так и другие государства-участники

²³ Russia in Overall Rankings // U.S. News & World Report. 2025. URL: <https://www.usnews.com/news/best-countries/russia> (accessed: 27.11.2025).

²⁴ Best Countries for Power // U.S. News & World Report. 2025. URL: <https://www.usnews.com/news/best-countries/rankings/power> (accessed: 27.11.2025).

²⁵ These Are the Most Politically Influential Countries // U.S. News & World Report. 2025. URL: <https://www.usnews.com/news/best-countries/rankings/politically-influential> (accessed: 27.11.2025).

²⁶ These Countries Are Viewed as the Biggest Leaders / U.S. News & World Report. 2025. URL: <https://www.usnews.com/news/best-countries/rankings/a-leader> (accessed: 27.11.2025).

²⁷ These Countries Have the Strongest International Alliances // U.S. News & World Report. 2025. URL: <https://www.usnews.com/news/best-countries/rankings/strong-international-alliances> (accessed: 27.11.2025).

²⁸ БРИКС: на пути к новому миропорядку // ВЦИОМ. 06.06.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/briks-na-puti-k-novomu-miroporjadku> (дата обращения: 15.03.2025).

объединения (72%, в группе осведомлённых – 75%)²⁹. По мнению опрошенных, ключевым направлением взаимодействия, представляющим первоочередной интерес для нашей страны, является финансово-экономическое сотрудничество – углубление экономических и торговых связей (44%) и создание единого валютно-финансового рынка (37%)³⁰. Возможно, что речь идёт о переходе на национальные валюты во внешнеторговых расчётах и дедолларизации. Ещё треть респондентов (32%) отмечает важность взаимодействия со странами БРИКС в сфере совместного решения вопросов международной безопасности и военно-технического сотрудничества³¹.

Заключение. Как зарубежные источники, так и общественное мнение внутри страны достаточно высоко оценивают участие России в межгосударственных интеграционных инициативах. Каждый из этих политических институтов отвечает удовлетворению соответствующих потребностей стран-участниц. Эти евразийские и трансконтинентальные объединения утверждают на международной повестке дня принципы альтернативной глобализации, «солидарности цивилизаций», многополярности, равноправия и справедливости в международных отношениях, а также сохранения государственного суверенитета и культурно-цивилизационной идентичности.

Анализ показывает, что эти форматы проходят разные стадии институционализации. Если БРИКС постепенно трансформировался от номинальной в типологическую группу и далее в ассоциацию и имеет потенциал роста до организации, то устойчивые и структурированные ЕАЭС и ОДКБ сталкиваются с системными ограничениями, обусловленными первичностью национального суверенитета над наднациональными обязательствами. Тем не менее именно гибкость, основанная на добровольном сотрудничестве без принуждения, позволяет России формировать альтернативную архитектуру международных отношений, не воспроизводя логику западных блоков.

И, следует признать, что хотя в деятельности таких организаций, как ШОС, БРИКС, ЕАЭС, ОДКБ и СНГ много сложностей и затруднений, но, как по оценкам наших противников, так и по анализу ситуации, участие в международных альянсах даёт России дополнительные резервы политической устойчивости государства и служит укреплению международной безопасности.

Библиографический список

1. Журавлев В. Е. Субъект, актор, агент – методологический очерк // Вестник Московского Международного Университета. 2024. № 4(4). С. 64–70. EDN [LXMSDSI](#).
2. Веблен Т. Теория праздного класса. М. : Прогресс, 1984. 367 с.
3. Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение / Г. В. Осипов, Г. И. Осадчая, Э. М. Андреев [и др.]. М. : Библио-Глобус, 2018. 374 с. DOI [10.18334/9785907063150](#). EDN [JGMRFU](#).
4. Селезнев И. А. О первых итогах евразийской интеграции: достижениях и рисках Евразийского Экономического союза // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 6. С. 164–176. DOI [10.34823/SGZ.2020.5.51488](#). EDN [MQMARG](#).
5. Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства: Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 году / М. А. Ананьин, В. Н. Архангельский, В. А. Безвербный [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН,

²⁹ БРИКС: новый центр силы на мировой арене // ВЦИОМ. 24.10.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/briks-novyy-centr-sily-na-mirovoi-arene> (дата обращения 15.12.2024).

³⁰ БРИКС: на пути к новому миропорядку...

³¹ Там же.

2021. 558 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-384-3.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-384-3.2021). EDN [GJTTHK](https://www.edn.ru/GJTTHK).
6. Социальная память молодежи государств-участников евразийской интеграции / О. А. Волкова, Е. Ю. Киреев, Е. Е. Киселева [и др.]. Бишкек : КРСУ, 2023. 274 с. DOI [10.36979/978-9967-19-974-3.2023](https://doi.org/10.36979/978-9967-19-974-3.2023). EDN [RBLTOB](https://www.edn.ru/RBLTOB).
 7. Хоперская Л. Л. Релоканты из России-2022: социальный, психологический и политический феномен // Вопросы политологии. 2023. Т. 13, № 3(91). С. 973–987. DOI [10.35775/PSI.2023.91.3.009](https://doi.org/10.35775/PSI.2023.91.3.009). EDN [FBGPBL](https://www.edn.ru/FBGPBL).
 8. Селезнев И. А. Исторический опыт шести волн русской эмиграции и актуальная политика предотвращения «утечки мозгов» // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 4. С. 68–78. DOI [10.19181/nko.2024.30.4.5](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.5). EDN [AYLSRY](https://www.edn.ru/AYLSRY).
 9. Сенкевич А. В. Релоканты: ценностный аспект // Человек. Наука. Социум. 2024. № 2(18). С. 124–134. EDN [UJLJYJ](https://www.edn.ru/UJLJYJ).
 10. Левашов В. К. Большая Евразия: цивилизационные и национальные императивы устойчивого развития // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество : ежегодник. Вып. 5. Ч. 1. М. : ИНИОН РАН, 2022. С. 189–195. EDN [CMSJVJ](https://www.edn.ru/CMSJVJ).
 11. Устинович Е. С., Селезнев И. А., Бредихин А. В. Перспективы интеграции Монголии в Шанхайскую организацию Сотрудничества // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13, № 10(103). С. 4217–4227. DOI [10.35775/PSI.2023.103.10.026](https://doi.org/10.35775/PSI.2023.103.10.026). EDN [BJCBEM](https://www.edn.ru/BJCBEM).
 12. Дзюбан В. В., Муртазин Р. А., Селезнев И. А. Этнополитические аспекты интеграционных процессов между Монголией и Россией (на примере монголов, бурятов и якутов) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. Т. 14, № 9(114). С. 2887–2896. DOI [10.35775/PSI.2024.114.9.011](https://doi.org/10.35775/PSI.2024.114.9.011). EDN [ULIOJT](https://www.edn.ru/ULIOJT).
 13. Генезис бедности в Монголии на современном этапе: экономико-географический анализ / А. В. Бредихин, Ф. И. Аржаев, И. А. Селезнев [и др.] // Народонаселение. 2025. Т. 28, № 2. С. 83–95. DOI [10.24412/1561-7785-2025-2-83-95](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-2-83-95). EDN [OMJZEM](https://www.edn.ru/OMJZEM).
 14. Фомин М. В., Кузнецов П. В. Устойчиво-безопасное развитие Сибири и Дальнего Востока России в контексте стратегического партнерства Москвы и Пекина // Проблемы национальной стратегии. 2024. № 4(85). С. 154–169. DOI [10.52311/2079-3359_2024_4_154](https://doi.org/10.52311/2079-3359_2024_4_154). EDN [SIXESZ](https://www.edn.ru/SIXESZ).
 15. Журавлёв В. Е. Комплексная безопасность Арктического региона в контексте евразийской интеграции // Россия и мир: развитие цивилизаций. Преобразования цивилизационных ценностей в современном мире: Материалы XI международной научно-практической конференции. Ч. 1. М. : Институт мировых цивилизаций, 2021. С. 193–197. EDN [IMUUEY](https://www.edn.ru/IMUUEY).
 16. Фомин М. В. Северный морской путь – новый глобальный транспортный коридор // Пространственное развитие территорий : Сборник трудов VI Международной научно-практической конференции (Белгород, 24.11.2023). Белгород : Эпицентр, 2023. С. 205–210. EDN [DDGMCK](https://www.edn.ru/DDGMCK).
 17. Паньшин А. И. Суэцкий канал: политические аспекты построения транспортной коммуникации // Транспортная сфера и перспективы развития цивилизации : сб. трудов Международной научной конференции, посвящённой 60-летию первого полёта человека в космос (Москва, 16.04.2021). М. : РУТ (МИИТ), 2021. С. 164–168. EDN [ALPPNQ](https://www.edn.ru/ALPPNQ).
 18. Большая Сибирь : Атлас пространственного развития Восточной Сибири и Дальнего Востока России / М. В. Фомин, Н. Ю. Микрюков, И. А. Селезнев [и др.]. М. : НКЦ МДС, 2025. 96 с. EDN [CCAUGH](https://www.edn.ru/CCAUGH).
 19. Журавлёв В. Е., Рабаданов И. Р. О методологических и практических аспектах безопасности и антитеррористической политики // Вестник Университета мировых цивилизаций. 2024. Т. 15, № 2(43). С. 6–14. DOI [10.24412/2587-6236-2024-243-6-14](https://doi.org/10.24412/2587-6236-2024-243-6-14). EDN [EKTYHO](https://www.edn.ru/EKTYHO).
 20. Арефьев А. М. Евразийская интеграция через призму антитеррористического сотрудничества // Международная жизнь. 2024. № 10. С. 54–59. EDN [QUNYUQ](https://www.edn.ru/QUNYUQ).
 21. Большаков А. Г., Храмова Е. В. Институционализация международного объединения государств: БРИКС в новом миропорядке // Международная жизнь. 2024. № 10. С. 14–27. EDN [AHLEKG](https://www.edn.ru/AHLEKG).
 22. Левада Ю. А. Лекции по социологии // Левада Ю. А. Сочинения. М. : Издатель Карпов Е. В., 2011. 415 с.
 23. Стратегия развития БРИКС и приоритеты для России: Доклад к XXI Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / М. Л. Баталина, Т. В. Бордачев, М. С. Бочкова [и др.]. М. : Высшая Школа, 2020. 194 с. EDN [ZLKMGU](https://www.edn.ru/ZLKMGU).

24. Ильницкий А. М., Яновский О. С. Глубинная война // Международная жизнь. 2024. № 10. С. 78–89. EDN [ZQTSEM](#).
25. Селезнев И. А. Концепт справедливого миропорядка в новейших внешнеполитических документах России: социологический анализ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 9. С. 70–76. DOI [10.23672/SAE.2023.9.9.037](#). EDN [WGEMCY](#).
26. Агапов О. Д. Борьба за традицию как форма социально-антропологической практики // Patria. 2025. Т. 2, № 1. С. 89–103. DOI [10.17323/3034-4409-2025-2-1-89-103](#). EDN [AGBKCH](#).
27. Сафранчук И. А., Жорнист В. М., Несмашный А. Д. Гегемония и мировой порядок: обзор концепции «сложной гегемонии» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2021. Т. 16, № 1. С. 172–183. DOI [10.17323/1996-7845-2021-01-09](#). EDN [DOEZNA](#).
28. Расторгуев В. Н. Солидарность цивилизаций // Культурологический журнал. 2019. № 1(35). С. 1. EDN [REQQTH](#).
29. Расторгуев В. Н. Мир и солидарность цивилизаций, природа нигилизма и варварство цивилизаторов // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма: по матер. XVI Международных Панаринских чтений (Москва, 08-09.11.2018). М.: Институт наследия, 2019. С. 7–27. DOI [10.34685/HI.2019.74.17.001](#). EDN [CCUQLN](#).

Поступила: 07.04.2025. Принята: 21.05.2025.

Сведения об авторе:

Селезнев Игорь Александрович, кандидат социологических наук, доцент, зав. отделом социологического анализа социально-политических процессов,

Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

igdrake@yandex.ru

Author ID РИНЦ: [74352](#); ORCID: [0000-0003-2862-9444](#)

I. A. Seleznev¹

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia

RUSSIA AND THE INSTITUTIONS OF INTERSTATE INTEGRATION: POTENTIAL, RISKS, PROSPECTS

Abstract. The aim of this article is to analyze Russia's participation in Eurasian and transcontinental inter-governmental integration structures and initiatives in 2024–2025. The study is methodologically grounded in the institutional approach: integration initiatives are regarded as political institutions responding to the collective needs of states under conditions of sanctions pressure and geopolitical instability. Drawing on factual data from the specified period, the paper examines the role, functions, potential, risks, and prospects of such organizations as the Eurasian Economic Union (EAEU), the Collective Security Treaty Organization (CSTO), the Shanghai Cooperation Organization (SCO), and BRICS. Particular attention is paid to the institutional evolution of BRICS — from a nominal group to an association to a potentially full-fledged organization — as well as to its axiological foundation as an embodiment of the “solidarity of civilizations” model. The research employs data from foreign expert country rankings and secondary analysis of public opinion surveys. The findings demonstrate that Russia's involvement in these integration initiatives generates additional reserves of its political resilience and contributes to strengthening Eurasian and international security. These associations promote on the global agenda the principles of alternative globalization, multipolarity, equality, justice, and unwavering respect for state sovereignty and civilizational-cultural identity.

Keywords: intergovernmental integration, institutionalization, multipolar world, solidarity of civilizations, alternative globalization, EAEU, CSTO, SCO, BRICS, political institutions

For citation: Seleznev I. A. Russia and the institutions of interstate integration: potential, risks, prospects. *Science. Culture. Society*. 2025;31(4):44–59. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.3>

References

1. Zhuravlev V. E. Subject, actor, agent – methodological essay. *Vestnik Moskovskogo Mezhdunarodnogo Universiteta*. 2024;(4):64–70. (In Russ.).
2. Veblen T. The theory of the leisure class. Moscow: Progress; 1984. (In Russ.).
3. Osipov G. V., Osadchaya G. I., Andreev E. M. [et al.] Eurasian integration processes: socio-political dimension. Moscow: Biblio-Globus; 2018. (In Russ.). DOI [10.18334/9785907063150](https://doi.org/10.18334/9785907063150).
4. Seleznev I. A. On the first results of the Eurasian integration, achievements and risks of the Eurasian Economic Union. *Social and humanitarian knowledge*. 2020;(6):164–176. (In Russ.). DOI [10.34823/SGZ.2020.5.51488](https://doi.org/10.34823/SGZ.2020.5.51488).
5. Ananyin M. A., Arkhangelsky V. N., Bezverbnny V. A. [et al.] Pandemic challenges and the strategic agenda for society and the state: the socio-political situation and demographics in 2021. Moscow: FCTAS RAS; 2021. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-384-3.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-384-3.2021).
6. Volkova O. A., Kireev E. Yu., Kiseleva E. E. [et al.] Social memory of the youth participant states of the Eurasian integration. Bishkek: KRSU; 2023. (In Russ.). DOI [10.36979/978-9967-19-974-3-2023](https://doi.org/10.36979/978-9967-19-974-3-2023).
7. Khoperskaya L. L. Relocants from Russia – 2022: a social, psychological and political phenomenon. *Political Science Issues*. 2023;13(3):973–987. (In Russ.). DOI [10.35775/PSI.2023.91.3.009](https://doi.org/10.35775/PSI.2023.91.3.009).
8. Seleznev I. A. The historical experience of the six waves of Russian emigration and the current policy of preventing brain drain. *Science. Culture. Society*. 2024;30(4):68–78. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2024.30.4.5](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.5).
9. Senkevich A. V. Relocants: a value aspect. *Human. Science. Socium*. 2024;(2):124–134. (In Russ.).
10. Levashov V. K. Greater Eurasia: civilizational and national imperatives of sustainable development. In: Greater Eurasia: development, security, cooperation. The yearbook. Issue 5. Part 1. Moscow: INION RAS; 2022. P. 189–195. (In Russ.).
11. Ustinovich E. S., Seleznev I. A., Bredikhin A. V. Prospects for the integration of Mongolia into the shanghai cooperation organization. *Issues of National and Federative Relations*. 2023;13(10):4217–4227. (In Russ.). DOI [10.35775/PSI.2023.103.10.026](https://doi.org/10.35775/PSI.2023.103.10.026).
12. Dzyuban V. V., Murtazin R. A., Seleznev I. A. Ethnopolitical aspects of integration processes between Mongolia and Russia (on the example of the Mongols, Buryats and Yakuts). *Issues of National and Federative Relations*. 2024;14(9):2887–2896. (In Russ.). DOI [10.35775/PSI.2024.114.9.011](https://doi.org/10.35775/PSI.2024.114.9.011).
13. Bredikhin A. V., Arzhaev F. I., Seleznev I. A. [et al.] The origin of poverty in Mongolia today: an economic and geographical analysis. *Population*. 2025;28(2):83–95. (In Russ.). DOI [10.24412/1561-7785-2025-2-83-95](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-2-83-95).
14. Fomin M. V., Kuznetsov P. V. Sustainable and secure development of Russia's Siberia and the Far East in the context of strategic partnership between Moscow and Beijing. *National Strategy Issues*. 2024;(4):154–169. (In Russ.). DOI [10.52311/2079-3359_2024_4_154](https://doi.org/10.52311/2079-3359_2024_4_154).
15. Zhuravlev V. E. Integrated security of the Arctic region in the context of Eurasian integration. In: Russia and the World: the development of civilizations. Transformations of civilizational values in the modern world: Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference. Part 1. Moscow: Institute of World Civilizations; 2021. P. 193–197. (In Russ.).
16. Fomin M. V. The Northern Sea Route is a new global transport corridor. In: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference. Belgorod: Epicenter; 2023. (In Russ.).
17. Panshin A. I. Suez Canal: political aspects of building transport communications. In: Transport sphere and prospects for the development of civilization: proceed. of the International Scientific Conference dedicated to the 60th anniversary of the first human spaceflight. Moscow: RUT (MIIT); 2021. P. 164–168. (In Russ.).
18. Fomin M. V., Mikryukov N. Y., Seleznev I. A. [et al.] Greater Siberia. The Atlas of spatial development of Eastern Siberia and the Russian Far East. Moscow: NCC IBC; 2025. (In Russ.).
19. Zhuravlev V. E., Rabadanov I. R. On methodological and practical aspects of security and anti-terrorism policy. *Bulletin of the University of World Civilizations*. 2024;15(2):6–14. (In Russ.). DOI [10.24412/2587-6236-2024-243-6-14](https://doi.org/10.24412/2587-6236-2024-243-6-14).
20. Arefyev A. M. Eurasian integration through the prism of anti-terrorist cooperation. *The International Affairs*. 2024;(10):54–59. (In Russ.).

21. Bolshakov A. G., Khramova E. V. Institutionalization of the International Association of States: BRICS in the new World order. *The International Affairs*. 2024;(10):14–27. (In Russ.).
22. Levada Yu. A. Lectures on sociology. In: Levada Yu. A. The Works. Vol. 4. Moscow: Karpov E.V. Publ.; 2011. (In Russ.).
23. Batalina M. L., Bordachev T. V., Bochkova M. S. [et al.] The BRICS Development Strategy and priorities for Russia: Report to the XXI April International Scientific Conference on the Development of Economics and Society, Moscow, 2020. Moscow: Higher School Publ.; 2020. (In Russ.).
24. Ilnitsky A. M., Yanovsky O. S. Deep war. *The International Affairs*. 2024;(10):78–89. (In Russ.).
25. Seleznev I. A. The concept of the Fair World Order in the latest Russian Foreign Policy documents: sociological analysis. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 2023;(9):70–76. (In Russ.). DOI [10.23672/SAE.2023.9.9.037](https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.037).
26. Agapov O. D. Struggle for tradition as a form of socio-anthropological practice. *Patria*. 2025;2(1):89–103. (In Russ.). DOI [10.17323/3034-4409-2025-2-1-89-103](https://doi.org/10.17323/3034-4409-2025-2-1-89-103).
27. Safranchuk I. A., Zhornist V. M., Nesmashnyi A. D. Hegemony and world order: an overview of the concept of “complex hegemony”. *International Organisations Research Journal*. 2021;16(1):172–183. (In Russ.). DOI [10.17323/1996-7845-2021-01-09](https://doi.org/10.17323/1996-7845-2021-01-09). EDN [DOEZNA](https://www.edn.ru/DOEZNA).
28. Rastorguev V. N. Solidarity of civilizations. *Journal of Cultural Research*. 2019;(1):1. (In Russ.).
29. Rastorguev V. N. Peace and solidarity of civilizations, the nature of nihilism and the barbarism of civilizers. In: The world of civilizations and “modern barbarism”: the role of Russia in overcoming global nihilism: on the materials of the XVI International Panarin Readings. Moscow: Institut naslediya; 2019. P. 7–25. (In Russ.). DOI [10.34685/HI.2019.74.17.001](https://doi.org/10.34685/HI.2019.74.17.001).

Received: 07.04.2025. Accepted: 21.05.2025.

Author information:

Igor A. Seleznev, Candidate of Sociology, Associate Professor, Head of the Department of Sociological Analysis of Socio-Political Processes, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

igdrake@yandex.ru

ORCID: [0000-0003-2862-9444](https://orcid.org/0000-0003-2862-9444)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.4.4](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.4)
EDN [ROOFER](#)
УДК 321.7:316.422

А. И. Серавин¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ДЕМОКРАТИЗАЦИИ: ФАКТОРЫ, ПРОБЛЕМЫ, ЦЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ДЕЛИБЕРАТИВНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Аннотация. Современные исследования цифровой трансформации общества дают противоречивые оценки её влияния на демократические институты: одни авторы рассматривают цифровизацию как ресурс для расширения гражданского участия, другие — как источник дезинформации и эрозии публичной сферы. Эта неопределённость указывает на недостаточную теоретическую проработку условий, при которых цифровые технологии становятся фактором демократизации или её подрыва. Актуальность темы обусловлена кризисом представительной демократии и трансформацией публичной сферы под влиянием алгоритмизированных платформ, где медиа выступают перформативными акторами, а не нейтральными каналами. Цель данного исследования — выявить и систематизировать полярные сценарии развития цифровой политической коммуникации в условиях делиберативной демократии. Методология сочетает системный, структурно-функциональный и диалектический анализ с интерпретацией эмпирических данных из глобальных международных опросов Digital News Report 2024 и Edelman Trust Barometer 2025. Анализ показал, что уровень доверия к медиа и, следовательно, потенциал делиберативной демократии зависят не от технологий как таковых, а от качества институциональной медиасреды. В странах с сильными институтами общественного вещания (Финляндия, Дания) цифровизация усиливает вовлечённость, тогда как в условиях политической поляризации (США, Франция) или слабости независимых СМИ (Восточная Европа) она способствует фрагментации и манипуляции. Полученные данные позволяют обосновать необходимость дифференцированного регулирования цифрового пространства и перехода к политике осознанного проектирования медиаинфраструктуры, ориентированной на поддержку демократических ценностей.

Ключевые слова: цифровизация, делиберативная демократия, медиатизированная демократия, цифровая политическая коммуникация, доверие к СМИ, Big Tech, мониторинговая демократия

Для цитирования: Серавин А. И. Взаимосвязь цифровизации и демократизации: факторы, проблемы, ценности в условиях делиберативной демократии // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 4. С. 60–71. DOI [10.19181/nko.2025.31.4.4](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.4). EDN [ROOFER](#).

Введение. Цифровизация всё глубже проникает в ткань общественно-политических коммуникаций, трансформируя как формы взаимодействия между гражданами и властью, так и саму архитектуру публичной сферы. С одной стороны, цифровые технологии создают новые возможности для расширения гражданского участия, организации диалога и реализации принципов делиберативной и мониторинговой демократии. С другой, — они сопряжены с такими рисками, как распространение дезинформации, фрагментация аудиторий, рост социальной апатии и монополизация информационного пространства со стороны

крупных технологических корпораций. Эта двойственность порождает сложное противоречие, которое до сих пор недостаточно теоретически осмыслено.

Традиционные подходы к анализу демократии, от концепции публичной сферы до моделей представительства, разрабатывались в условиях иной медиасреды и не всегда применимы к цифровой реальности. В то же время эмпирические данные свидетельствуют о значительных различиях в восприятии медиа и уровнях доверия к ним в разных странах, что указывает на важную роль социально-политического и культурного контекста. Однако остаётся неясным, как именно эти факторы взаимодействуют с технологическими изменениями и какие последствия это имеет для устойчивости демократических институтов.

В этих условиях назревает необходимость в новой аналитической рамке, способной учитывать не только эффекты цифровизации, но и её взаимную обусловленность с обществом. Всё больше исследователей обращаются к идее со-конституирования технологий и социальных практик, а также к концепции медиатизированной демократии, в которой медиа перестают быть нейтральным каналом и становятся активным участником политического процесса. Однако до сих пор не предложено системной модели, позволяющей различать и оценивать противоположные траектории развития цифровой политической коммуникации.

Цель данного исследования — разработать концептуальные основания для различения полярных сценариев трансформации общественно-политических коммуникаций в условиях цифровизации: созидательного (усиливающего де-либерацию, инклюзивность и общественный контроль) и деструктивного (способствующего манипуляции, монополизации и эрозии доверия). Для этого предполагается проанализировать теоретические подходы к цифровой демократии, эмпирические данные о доверии к медиа в различных странах, а также роль Big Tech как нового политического актора.

Теоретическую базу работы составляют исследования в рамках теории сетевого общества (М. Кастельс, А. Чэдвак) [1; 2], теории медиатизации социальной реальности (В. Шульц, М. А. Чекунова) [3; 4], концепции «общества платформ» (ван Дейк, Т. Поэлл) [5], а также работы по электронной и мониторинговой демократии (Р. Гибсон, Т. Ровинская, Дж. Кин) [6; 7; 8]. Особое внимание будет уделено критике технологического детерминизма и прагматическому подходу (Б. Латур, Дж. Дьюи) [9], рассматривающему технологии как перформативные, то есть не отражающие, а формирующие реальность.

Методология исследования опирается на системный, структурно-функциональный и диалектический анализ процессов трансформации общественно-политических коммуникаций, а также на интерпретативный анализ эмпирических данных. Такой междисциплинарный подход позволит последовательно рассмотреть противоречия цифровой эпохи и заложить основу для дифференцированного подхода к регулированию цифрового пространства.

Делиберативная демократия в цифровую эпоху. Современные вызовы демократии, к числу которых можно отнести эрозию доверия к институтам власти, рост политической апатии и другие, рассматриваемые далее, всё чаще интерпретируются как кризис представительной модели, в которой граждане делегируют полномочия избранным на время мандата. На этом фоне обновляется интерес к делиберативной демократии как альтернативной парадигме, предполагающей непрерывное участие граждан в обсуждении общественных дел.

Однако условия, в которых эта модель должна реализовываться, кардинально изменились: публичная сфера всё больше конституируется не в традиционных СМИ и не на парламентских трибунах, а в цифровых медиа, контролируемых во-многом негосударственными акторами.

Традиционная концепция публичной сферы, предложенная Ю. Хабермасом, предполагала пространство, свободное от власти и коммерции, где равные участники ведут рациональный диалог [10]. В цифровую эпоху это пространство фрагментировано, алгоритмизировано и пронизано интересами платформ, что ставит под сомнение саму возможность делиберации в её классическом виде, ведь медиа перестают быть нейтральным каналом передачи и становятся активным агентом формирования политической повестки [11]. Тем не менее, именно стремление к делиберативному идеалу открытости, равенства и аргументативности продолжает служить ориентиром для оценки новых форм политической коммуникации. В то же время отдельные исследования подчёркивают потенциал интеграции делиберативной модели с цифровыми технологиями, как способа преодоления политической пассивности и укрепления доверия к институтам, но реализация этого потенциала требует предварительно преодоления теоретических разногласий между моделями делиберации и обеспечения качественного регулирования цифровых платформ [12; 13].

Современные дискуссии о будущем демократии всё чаще исходят из признания кризиса её представительной модели. Политологи отмечают ослабление традиционных институтов — партий, парламентов, выборов — и рост запроса на новые формы участия, выходящие за рамки электорального цикла [8; 14]. В этих условиях цифровые технологии рассматриваются уже как фактор, способный переформатировать саму логику демократического взаимодействия. На смену линейным моделям, в которых технологии выступают в роли «независимой переменной», воздействующей на демократию, приходит альтернативная перспектива — концепция медиатизированной демократии [15; 16]. Её сторонники подчёркивают, что цифровизация и демократия не могут рассматриваться отдельно: они взаимно конституируют друг друга [17; 24]. Эта позиция отвергает технологический детерминизм и акцентирует внимание на исторической обусловленности медиатехнологий. Это ставит вопрос о социально-политических условиях, делающих возможными те или иные технологические разработки, например, почему разработка, известная нам как «интернет» победил альтернативные сети передачи данных. Развивая эту мысль отметим, что продолжающаяся конкуренция между сетевыми моделями (иерархическими государственными инфраструктурами и децентрализованным интернетом) отражает более глубокую борьбу между идеологией контроля и идеологией свободы. Интернет, таким образом, следует рассматривать не как автономную силу, а как продукт структурных изменений, либерального миропорядка конца XX века, включающих социальные, экономические и культурные факторы [19].

Центральное значение в этой новой парадигме приобретает перформативность технологий: они не просто отражают существующую реальность, но активно конструируют новые социальные и политические порядки [20]. В этом русле Д. Айде рассматривает технологии как медиаторов, которые не передают информацию нейтрально, а создают «пространство возможностей» для взаимодействия с миром [21]. В этом смысле цифровые платформы выступают не как инструменты, а как участники политического процесса, они становятся фактором трансформации самой структуры представительной демократии. Эта транс-

формация проявляется в смещении акцента с формального представительства на постоянный постэлекторальный контроль, то есть наблюдение за властью через независимые СМИ, НКО, утечки данных, онлайн-петиции. П. Розанваллон описывает этот сдвиг как переход к контрдемократии, а Дж. Кин — как становление мониторинговой демократии [14; 8].

Однако расширение возможностей общественного контроля сопряжено с новыми вызовами. Цифровые платформы, на которых всё чаще строится мониторинговая деятельность, находятся под контролем крупных технологических корпораций (Big Tech), фактически не подотчётных национальным правовым системам. В результате, IT-гиганты превращаются в новых «властителей» информационного пространства, чьи алгоритмы и редакционные решения напрямую влияют на условия делиберации [22]. Они могут реализовывать цензуру социальных платформ, ограничивая свободу слова, формировать повестку через фильтрацию контента, а в ряде случаев вступать в тесное взаимодействие с государственными структурами, что создаёт риски сращивания власти и технологического капитала.

Эта амбивалентность — одновременный потенциал демократизации и угроза цифровой диктатуры — лежит в основе современного противоречия. С одной стороны, платформы дают гражданам инструменты для организации протестов (#BlackLivesMatter), краудсорсинга решений, разоблачения коррупции. С другой, те же алгоритмы способствуют поляризации, созданию «эхо-камер» [11; 23] и манипуляции настроениями, как это продемонстрировал скандал с Cambridge Analytica в 2018 году¹. В этих условиях возникает вопрос, как различить демократический потенциал цифровых медиа от их инструментализации в авторитарных или коммерческих целях?

Ответ, по мнению ряда исследователей, требует отказа от пассивного отношения к технологиям и перехода к их политическому проектированию. Подходы Латура и Дьюи подчёркивают, что технологии стабилизируются через социальные практики и могут быть целенаправленно сформированы в соответствии с демократическими ценностями, например, через прозрачность алгоритмов, защиту от манипуляции, поддержку плюрализма [9]. Однако для этого необходима теоретическая основа, способная фиксировать не только риски, но и возможности, заложенные в конкретных цифровых архитектурах.

Таким образом, анализ трансформации демократии в цифровую эпоху требует перехода от упрощённых причинно-следственных моделей к более сложному, диалектическому пониманию взаимосвязи технологий и общества. Именно эта задача определяет дальнейшее движение исследования: выявление и дифференциация полярных сценариев развития цифровой политической коммуникации.

Доверие к медиа в глобальном контексте. Цифровизация трансформирует способы потребления новостей и меняет роль медиа в общественно-политической жизни. В этих условиях уровень доверия к новостным источникам становится важным показателем восприятия медиа обществом. Однако это доверие — это не универсальная величина, а сложный социально-политический феномен, формирующийся под влиянием институциональных, культурных и исторических условий [24]. Эмпирические данные позволяют проследить

¹ Как Cambridge Analytica «взламывала выборы» по всему миру // ТАСС. 05.04.2018. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5048632> (дата обращения: 25.03.2025).

различия в том, как население разных стран оценивает надёжность новостной среды в условиях цифровой трансформации.

Эмпирические данные, изложенные в докладе Digital News Report 2024 (Reuters Institute)², позволяют прийти к выводу, что уровень доверия к новостям в цифровую эпоху не определяется наличием технологий, а формируется в рамках конкретных институциональных, политических и культурных условий. Исследование проводилось в январе–феврале 2024 года в 47 странах шести континентов. В каждой стране было опрошено около 2000 респондентов, что обеспечивает репрезентативную основу для межстранового сравнительного анализа. Время проведения опроса совпало с периодом выборов кампаний во многих странах, а также с эскалацией военных конфликтов на Украине и в Газе, т.е. в условиях повышенной значимости независимой журналистики и адекватной новостной подачи. Отметим, что Россия и КНР в опросе не участвовали «в связи с политической чувствительностью задаваемых вопросов»³.

Респондентам был задан ключевой вопрос: «Насколько Вы можете доверять большинству новостей?» (How much of the time do you think you can trust most news?). За основу анализа взят ответ «Большую часть времени» (Most of the time), то есть выражение устойчивого доверия к новостной среде в целом (см. рис. 1).

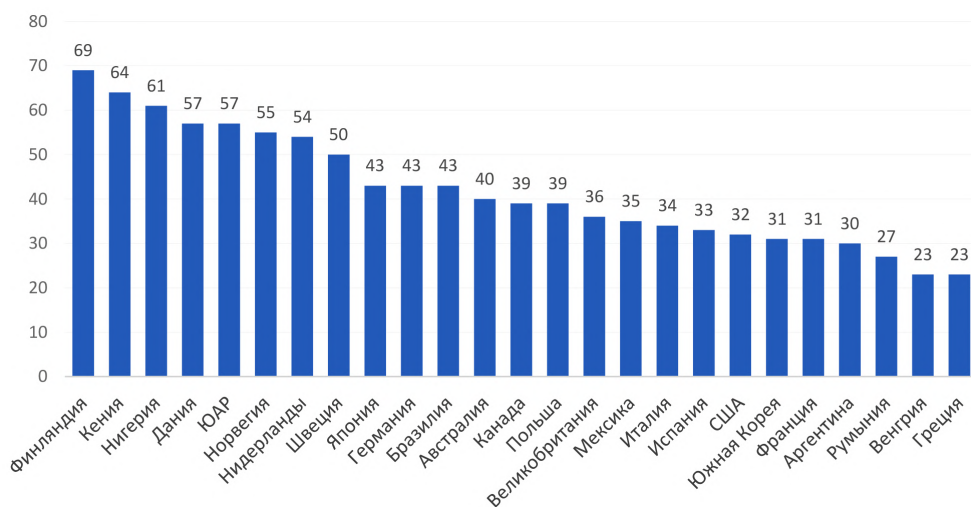

Рисунок 1. Доверие к новостям по странам, 2024 (%)

Источник: построено по данным Digital News Report 2024, Reuters Institute for the Study of Journalism URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/digital-news-report/2024/dnr-executive-summary> (accessed: 25.03.2025). Данные по Кении, Нигерии и ЮАР относятся к онлайн-аудитории (преимущественно городской, образованной и англоязычной) и не являются национально репрезентативными. Россия и КНР в исследовании не участвуют.

Географическое распределение доверия к новостям демонстрирует устойчивые паттерны. Страны Северной Европы (Финляндия — 69%, Дания — 57%, Норвегия — 55%) формируют «зону высокого доверия». Это напрямую связано с устойчивостью института общественного вещания, то есть независимыми, хорошо финансируемыми медиа, ориентированными на общественный интерес, а не на прибыль или полити-

² Digital News Report 2024, Reuters Institute for the Study of Journalism URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/digital-news-report/2024/dnr-executive-summary> (accessed: 25.03.2025).

³ Там же.

ческую конъюнктуру. Высокая медиаграмотность населения дополняет этот эффект, обеспечивая критическое, но конструктивное отношение к новостям.

В противоположность этому, Восточная и Южная Европа (Греция — 23%, Венгрия — 23%, Румыния — 27%) составляют «зону низкого доверия», где медиасреда системно подвержена политическому давлению, коммерциализации и поляризации.

Среди стран Западной Европы особо выделяется Франция (31%) — страна с развитой журналистской традицией, но с резко сниженным доверием, что связывается с глубокой политической поляризацией и системными атаками на СМИ как институт. Франция выступает наглядным примером, что даже в условиях сильных медиа доверие может быть подорвано, если медиа воспринимаются как ангажированные.

Интересно, что и в высокотехнологичных экономиках Азиатско-Тихоокеанского региона доверие не всегда высокое. В Японии оно составляет 43%, а в Южной Корее — 31%.

Наконец, страны Глобального Юга демонстрируют максимальный разброс от 64% в Кении и 61% в Нигерии до 30% в Аргентине и 35% в Мексике.

Представленное на рис. 1 территориальное распределение по уровню доверия граждан к транслируемым в СМИ новостям по всем примерам указывает на значимость локальных институциональных условий не в меньшей степени, чем глобальных технологических трендов. Соответственно и устойчивость делиберативной демократии в цифровую эпоху зависит не от самого факта наличия платформ или скорости интернета, а от способности медиа быть институционально независимыми и внешне нейтральными. Без этого цифровая сфера рискует превратиться не в пространство рациональной делиберации, а в арену манипуляции и поляризации.

Для более глубокого понимания природы доверия к медиа полезно сопоставить два измерения: доверие к новостному контенту (на основе Digital News Report 2024 и вопроса «Насколько Вы можете доверять большинству новостей?») и доверие к медиа как социальному институту (Edelman Trust Barometer 2025 и вопрос «Доверяете ли вы медиа как институту, который делает то, что правильно?»)⁴. Хотя опросы проводились разными организациями и с различиями в формулировках вопросов, оба измеряют воспринимаемую надёжность медиа на основе репрезентативных национальных выборок (≈2000 респондентов на страну) и используют сопоставимые шкалы доверия (top-box ответы). Сравнение этих показателей в странах, входящих в оба исследования, позволяет выявить расхождения между отношением к конкретным новостям и отношением к медиа как институту, что может оказаться важным для анализа условий делиберативной демократии, зависящей не только от доступности информации, но и от легитимности её источников.

Сопоставление данных позволяет выявить два принципиальных паттерна. Во-первых, в странах с устойчивыми традициями института общественного вещания, таких как Германия (44% / 43%) и Швеция (47% / 50%), уровень доверия к медиа как к институту практически совпадает с доверием к новостному контенту, фактически обеспечивающему информационную основу для делиберативного диалога.

⁴ Edelman Trust Barometer 2025. URL: <https://www.edelman.com/trust/2025/trust-barometer> (accessed: 25.03.2025).

Таблица 1

Сравнение уровня доверия к медиа как институту (Edelman 2025)
и к новостям как продукту (DNR 2024)

Страна	Доверие к медиа (Edelman 2025)	Доверие к новостям (DNR 2024)
Канада	52	39
Германия	44	43
Великобритания	36	36
Франция	45	31
США	42	32
Аргентина	42	30
Бразилия	46	43
Швеция	43	50
Япония	33	43
Южная Корея	38	31
Мексика	54	35
Италия	52	34
Испания	40	33

Источник: построено автором на основе двух аналитических докладов: Edelman Trust Barometer 2025, стр. 44 (график «Percent trust in media»), URL: <https://www.edelman.com/trust/2025/trust-barometer> (accessed: 25.03.2025); Digital News Report 2024, стр. 25 (график «Proportion that trust most news most of the time»), URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/digital-news-report/2024/dnr-executive-summary> (accessed: 25.03.2025).

Во-вторых, в условиях глубокой политической поляризации наблюдается разрыв между доверием к институту и доверием к продукту. Особенно ярко это проявляется во Франции: доверие к медиа как к институту составляет 45%, тогда как доверие к большинству новостей — всего 31%. То есть общество всё ещё уважает социальную значимость медиа, но утратило веру в нейтральность новостной подачи, что подрывает условия для рациональной де-libерации.

Другая картина наблюдается в странах с системно низким доверием, таких как Южная Корея (31% / 31%) или Аргентина (42% / 30%). Здесь отсутствует как вера в нейтральность новостей, так и базовое доверие к медиа как к институту. Это повышает вероятность превращения цифровой среды из пространства коммуникации в арену для распространения эмоционально ангажированных, манипулятивных сообщений.

В целом, согласно Edelman Trust Barometer 2025, медиа остаются наименее доверяемым институтом среди четырёх основных (бизнес, правительство, НКО, медиа) в 14 из 28 исследованных стран. В среднем по всем странам только 44% респондентов доверяют медиа как институту. При этом ключевой причиной недоверия называется воспринимаемая идеологическая предвзятость, в среднем 58% респондентов считают, что новостные организации больше озабоче-

ны поддержкой идеологии или политической позиции, чем информированием общественности». Особенно высока эта доля в США (71%), Аргентине (68%) и Франции (66%)⁵.

Хотя рассмотренные выше глобальные исследования исключают Россию из анализа по методологическим и политическим причинам, отечественные опросы позволяют зафиксировать устойчивую тенденцию к снижению доверия к новостным источникам. Согласно данным ВЦИОМ на рубеже 2023–2024 гг., около 40% россиян заявляли, что доверяют новостям в целом, при этом доверие к интернет-СМИ оценивалось значительно ниже на уровне 20%⁶. Медиа-мониторинг Ромир за IV квартал 2024 года показал, что телевидение остаётся основным источником новостей для 41% респондентов, однако доверие к нему составляет лишь 33%. Одновременно наблюдается рост доли альтернативных каналов: Telegram и онлайн-ресурсам доверяют по 22% опрошенных. При этом 27% россиян сообщили, что используют онлайн-платформы как один из источников информации, но лишь 12% выбирают их в качестве основного канала потребления новостей⁷. Эти данные указывают на фрагментацию медиааудитории и формирование нишевых информационных пузырей на фоне общей информационной усталости и снижения вовлечённости.

В условиях ограниченной независимости медиа и доминирования государственных нарративов в ключевых каналах распространения информации, цифровизация в российском контексте на текущий момент скорее не воспроизводит условий для делиберативного диалога, а усиливает риски деструктивного сценария. Это подчёркивает, что эффективные меры поддержки демократических коммуникаций должны быть не универсальными, а контекстуально адаптированными, учитывающими специфику медиapolитической среды.

Полярные сценарии развития цифровой политической коммуникации. Цифровая трансформация общественно-политических коммуникаций, как уже было отмечено, носит двойственный характер. С одной стороны, она создаёт возможности для расширения гражданского участия, диалога между обществом и властью и реализации потенциала делиберативной демократии. С другой, порождает угрозы в виде информационного шума, дезинформации, социальной апатии и подрыва доверия к политическим институтам.

Эти противоположные траектории можно систематизировать как полярные сценарии развития цифровой политической коммуникации: созидательный и деструктивный.

Созидательный сценарий проявляется в тех случаях, когда цифровые технологии используются для укрепления демократических практик. Он включает в себя:

- создание платформ для диалога между гражданами и властью;
- развитие онлайн-делибераций и краудсорсинга политических решений;
- активизацию гражданского участия через цифровые петиции и инициативы;
- поддержку независимых СМИ как инструмента общественного контроля.

⁵ Там же. Стр. 40, 44.

⁶ Новости, достойные доверия // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/novosti-dostoinye-doverija> (дата обращения: 25.03.2025).

⁷ Динамика медиапотребления в России: россияне стали меньше доверять. Данные РОМИР за IV квартал 2024 года // Ромир. URL: <https://romir.ru/feed/dinamika-mediapotrebleniya-v-rossii-rossiyane-stali-menshe-doveryat-dannye-romir-za-iv-kvartal-2024-goda> (дата обращения: 25.03.2025).

Ярким примером служит опыт Грузии, где после «Революции роз» (2003) телеканал Rustavi 2 стал ключевым инструментом мониторинга власти, освещая коррупцию, нарушения. Аналогичную роль играет южнокорейская платформа Fact-Check Net, которая борется с дезинформацией и повышает доверие к цифровым медиа. Американская платформа со схожим названием [FactCheck.org](https://factcheck.org) не фокусируется конкретно на цифровых медиа, но борется с дезинформацией в политике США, проверяя заявления политиков, рекламу и новости, что в целом имеет схожий эффект. В этих случаях цифровизация выступает как ресурс для мониторинговой и делиберативной демократии, обеспечивая прозрачность, плюрализм и вовлечённость.

Деструктивный сценарий, в свою очередь, возникает, когда цифровые технологии инструментализируются для манипуляции, контроля и подавления. Его ключевые проявления:

- распространение дезинформации через фабрики троллей и фейковые новости;
- использование микротаргетинга и алгоритмической манипуляции в политической рекламе, как в случае с Cambridge Analytica;
- формирование «эхо-камер» и алгоритмических «пузырей», усиливающих поляризацию;
- цензура в социальных сетях и на цифровых платформах под предлогом борьбы с дезинформацией.

В этих условиях цифровые платформы перестают быть пространством делиберации и превращаются в арену информационной войны, где эмоциональный нарратив замещает разумную аргументацию, а участие заменяется манипуляцией. Особенно отчётливо это проявляется в концепте «эмоциональной демократии» [25], где технологии используются не для расширения рационального диалога, а для управления общественным настроением.

Предложенное разделение на полярные сценарии имеет прямое значение для разработки регуляторных мер. Предполагается, что эффективная политика в сфере цифрового регулирования будет поддерживать практики, усиливающие делиберацию, инклюзивность и общественный контроль; противодействовать практикам, ведущим к монополизации, манипуляции и эрозии доверия. Это требует отказа от универсальных подходов и перехода к дифференцированному регулированию, способному различать демократический потенциал цифровых медиа от их инструментализации в авторитарных или коммерческих целях.

Заключение. Проведённое исследование подтвердило, что цифровизация не является нейтральным или однозначным фактором в развитии демократии. Напротив, она выступает амбивалентным процессом, потенциал которого определяется не технологическими характеристиками, а институциональным и культурным контекстом его внедрения. Поставленная цель — выявить и теоретически обосновать полярные сценарии развития цифровой политической коммуникации — была достигнута через сопоставление эмпирических данных и теоретических моделей.

Анализ показал, что созидательный сценарий реализуется в условиях, где существуют устойчивые институты независимой журналистики, высокая медиаграмотность и воспринимаемая нейтральность медиа. В таких средах цифровые платформы усиливают делиберативную и мониторинговую демократию, обе-

спечивая прозрачность, инклюзивность и конструктивный публичный диалог. Напротив, деструктивный сценарий доминирует там, где медиа функционируют как инструмент политической борьбы или коммерческой эксплуатации: алгоритмы усиливают поляризацию, дезинформация подменяет фактологию, а участие превращается в манипулируемую эмоциональную реакцию.

Ключевой вывод заключается в том, что устойчивость демократии в цифровую эпоху зависит не от наличия технологий, а от способности общества и государства осознанно проектировать цифровую инфраструктуру в соответствии с демократическими ценностями. Это означает переход от реактивного регулирования к политическому проектированию технологий, целенаправленному формированию условий, в которых алгоритмы, цифровые платформы и медиаархитектура поддерживают открытость, плюрализм и критическую рефлексия.

В перспективе дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку индикаторов «демократической устойчивости» цифровых платформ, а также на изучение гибридных форм регулирования, сочетающих государственные, корпоративные и гражданские механизмы. Только такой многоуровневый и осознанный подход позволит преодолеть парадокс цифровой эпохи, когда технологии, способные укреплять демократию, одновременно становятся инструментом её системного подрыва.

Библиографический список / References

1. Castells M. Networks of outrage and hope: social movements in the Internet age. Cambridge: Polity Press; 2015.
2. Chadwick A. Web 2.0: New challenges for the study of e-democracy in an era of informational exuberance. *A Journal of Law and Policy for the Information Society*. 2009;(5). P. 9–41.
3. Schultz W. Reconstructing mediatization as an analytical concept. *European Journal of Communication*. 2004;19(1):87–101. DOI [10.1177/0267323104040696](https://doi.org/10.1177/0267323104040696).
4. Чекунова М. А. Новая властно-общественная коммуникативистика и политические последствия цифровой трансформации социума // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. Т. 16, № 2. С. 125–138. DOI [10.22394/2071-2367-2021-16-2-125-138](https://doi.org/10.22394/2071-2367-2021-16-2-125-138). EDN TMOIVL.
Chekunova M. A. New power-public communicativism and political consequences of the digital transformation of society. *Central Russian Journal of Social Sciences*. 2021;16(2):125–138. (In Russ.). DOI [10.22394/2071-2367-2021-16-2-125-138](https://doi.org/10.22394/2071-2367-2021-16-2-125-138).
5. van Dijck J., Poell Th., de Waal M. The platform society: public values in a connective world. Oxford University Press, 2018.
6. Gibson R. Party change, social media and the rise of “citizen-initiated” campaigning. *Party Politics*. 2013;21(2):183–196. DOI [10.1177/1354068812472575](https://doi.org/10.1177/1354068812472575).
7. Ровинская Т. Л. Свобода слова в условиях цифровой диктатуры IT-корпораций // Полис. Политические исследования. 2022. № 2. С. 22–36. DOI [10.17976/jpps/2022.02.03](https://doi.org/10.17976/jpps/2022.02.03). EDN ZXWAEB.
Rovinskaya T. L. Freedom of speech amid the digital dictatorship of IT corporations. *Polis. Political Studies*. 2022;(2):22–36. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2022.02.03](https://doi.org/10.17976/jpps/2022.02.03).
8. Кин Д. Демократия и декаданс медиа. М. : ВШЭ, 2015. 308 с.
Keane J. Democracy and media decadence. Moscow: HSE; 2015. (In Russ.).
9. Латаур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М. : ВШЭ, 2014. 384 с.
Latour B. Reassembling the Social an Introduction to Actor-Network-Theory. Moscow: HSE; 2014. (In Russ.).
10. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества. М. : Весь Мир, 2016. 342 с.
Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Moscow: Ves' Mir; 2016. (In Russ.).
11. Sunstein C. R. [Republic.com](https://www.republic.com) 2.0. Princeton University Press; 2007. EDN QWMTJV.

12. Фурс В. А. Перспективы развития делиберативной демократии в условиях цифровизации коммуникативных технологий // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6, № 4. С. 20–30. DOI [10.12737/2587-6295-2022-6-4-20-30](https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-4-20-30). EDN NGFZPA.
Furs V. A. Prospects for the development of deliberative democracy in the context of digitalization of communication technologies. *Journal of Political Research*. 2022;6(4):20–30. (In Russ.). DOI [10.12737/2587-6295-2022-6-4-20-30](https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-4-20-30).
13. Шевченко Л. В. Трансформация общественно-политической коммуникации в условиях цифровизации общества // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11, № 6. С. 191–200. DOI [10.18522/2227-8656.2022.6.11](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.6.11). EDN DKAJFW.
Shevchenko L. V. Transformation of socio-political communication in the context of the digitalization of society. *Humanities of the South of Russia*. 2022;11(6):191–200. (In Russ.). DOI [10.18522/2227-8656.2022.6.11](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.6.11).
14. Розанваллон П. Демократическая легитимность: беспристрастность, рефлексивность, близость. М.: Московская школа гражданского просвещения, 2015. 300 с.
Rosanvallon P. La légitimité démocratique. Impartialité, réflexivité, proximité. Moscow: Moskovskaya shkola grazhdanskogo prosveshcheniya; 2015. (In Russ.).
15. Mazzoleni G., Schulz W. “Mediatization” of Politics: A Challenge for Democracy? *Political Communication*. 1999;16(3):247–261. DOI [10.1080/105846099198613](https://doi.org/10.1080/105846099198613).
16. Hjarvard S. The Mediatization of Society. A Theory of Media as Agents of Social and Cultural Change. *Nordicom Review*. 2008;29(2):105–134.
17. Dean J. Sorted for memes and gifs: Visual media and everyday digital politics. *Political Studies Review*. 2019;17(3):255–266. DOI [10.1177/1478929918807483](https://doi.org/10.1177/1478929918807483).
18. Rose M. Not media about, but media with: Co-creation for activism. In: M. Rose, S. Gaudenzi, J. Aston (eds.) *I-docs: the evolving practices of interactive documentary*. Wallflower, Columbia University Press; 2017. P. 49–65.
19. Авцинова Г. И., Воронина Е. Ю. Трансформация ценностей в глобальном мире в эпоху цифровизации // PolitBook. 2023. № 1. С. 46–57. EDN RQXUTV.
Avtsinova G., Voronina E. Transformation of values in the global world in the era of digitalization. *PolitBook*. 2023;(1):46–57. (In Russ.).
20. Govil N., Baishya A. K. The bully in the pulpit: Autocracy, digital social media, and right-wing populist technoculture. *Communication, Culture and Critique*. 2018;11(1):67–84. DOI [10.1093/ccc/tcx001](https://doi.org/10.1093/ccc/tcx001).
21. Ihde D. *Instrumental realism*. Indiana University Press; 1991.
22. Gillespie T. The Politics of “Platforms”. *New Media & Society*. 2010;12(3):347–364. DOI [10.1177/1461444809342738](https://doi.org/10.1177/1461444809342738).
23. Паризер Э. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? М.: Альпина Бизнес Букс, 2012. 304 с.
Pariser E. *The Filter Bubble: What the Internet is Hiding from You*. Moscow: Al'pina Biznes Buks; 2012. (In Russ.).
24. Sztompka P. *Trust: A Sociological Theory*. Cambridge University Press; 1999.
25. Beer E. S. Building Emotional Democracy. *The Social Studies*. 1952;43(6):245–248.

Поступила: 01.04.2025. Доработана: 20.05.2025. Принята: 26.05.2025.

Сведения об авторе:

Серавин Александр Игоревич, кандидат политических наук, исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия.

electoral.politic@gmail.com

Author ID РИНЦ: [1244673](https://elibrary.ru/1244673)

A. I. Seravin¹

¹ St. Petersburg University, St Petersburg, Russia

INTERPLAY BETWEEN DIGITALIZATION AND DEMOCRATIZATION: FACTORS, CHALLENGES, AND VALUES IN THE CONTEXT OF DELIBERATIVE DEMOCRACY

Abstract. Contemporary studies of digital societal transformation offer conflicting assessments of its impact on democratic institutions: some authors view digitalization as a resource for expanding civic participation, while others see it as a source of disinformation and erosion of the public sphere. This ambiguity indicates insufficient theoretical elaboration of the conditions under which digital technologies become a factor either reinforcing or undermining democratization. The relevance of the topic stems from the crisis of representative democracy and the transformation of the public sphere under the influence of algorithm-driven platforms, where media act as performative agents rather than neutral channels. The aim of this study is to identify and systematize polar scenarios for the development of digital political communication within deliberative democracy. The methodology combines systemic, structural-functional, and dialectical analysis with the interpretation of empirical data from global international surveys — the Digital News Report 2024 and the Edelman Trust Barometer 2025. The analysis demonstrates that trust in media — and thus the potential for deliberative democracy — depends not on technologies per se, but on the quality of the institutional media environment. In countries with strong public service media institutions (e.g., Finland, Denmark), digitalization enhances civic engagement, whereas under conditions of political polarization (e.g., the United States, France) or weak independent media (Eastern Europe), it contributes to fragmentation and manipulation. The findings substantiate the need for differentiated regulation of digital spaces and a shift toward intentional design of media infrastructures oriented toward supporting democratic values.

Keywords: digitalization, deliberative democracy, mediatized democracy, digital political communication, media trust, Big Tech, monitoring democracy

For citation: Seravin A. I. Interplay between digitalization and democratization: factors, challenges, and values in the context of deliberative democracy. *Science. Culture. Society.* 2025;31(4):60–71. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.4>

Received: 01.04.2025. Corrected: 20.05.2025. Accepted: 26.05.2025.

Author information:

Alexander I. Seravin, Candidate of Political Science, Researcher,
St. Petersburg University, St Petersburg, Russia.
electoral.politic@gmail.com

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.4.5](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.5)
EDN [QUPOIM](https://www.edn.ru/QUPOIM)
УДК 316.347:323.1

Н. П. Сащенко¹, О. В. Гребняк¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ПОЛИТИКИ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Аннотация. Статья представляет собой аналитический обзор междисциплинарной дискуссии, состоявшейся в рамках Всероссийской научной конференции «II Дробжижевские чтения: этническое и социальное измерения» на секции «Национально-государственная идентичность как объект политики: междисциплинарные подходы к исследованию» (июнь 2025 г.). На фоне информационных трансформаций и геополитической поляризации национально-государственная идентичность рассматривается как стратегический объект политики, анализируемый через призму как западной, так и российской теоретических традиций. Обобщаются ключевые вызовы устойчивости национально-государственного самосознания – от информационно-психологического давления и ценностной фрагментации до кризиса доверия к институтам. Одновременно выявляются внутренние ресурсы консолидации, к которым можно отнести патриотический потенциал, феномен патриотизма без лояльности к власти («двойной код»), перспективы формирования «политической нации», а также сравнительный опыт построения гражданской идентичности в многонациональном обществе (на примере Казахстана). В дискуссии также затрагиваются процессы секьюритизации идентичности и её инструментализации в условиях миграционных кризисов и идеологической конкуренции. Особое внимание уделяется необходимости перехода от символического моноцентризма к политике признания множественности идентичностей, основанной на поиске общих ценностных пересечений и синтезе исторической памяти с проектированием будущего.

Ключевые слова: национально-государственная идентичность, патриотизм, консолидация, цивилизационный выбор, государственная политика идентичности, ценности, смыслы, цифровая трансформация, гражданское участие

Для цитирования: Сащенко Н. П., Гребняк О. В. Национально-государственная идентичность как объект политики: аналитический обзор // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 4. С. 72–84. DOI [10.19181/nko.2025.31.4.5](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.5). EDN [QUPOIM](https://www.edn.ru/QUPOIM).

Введение. В начале XXI века усилившиеся процессы глобализации, цифровой трансформации и геополитической поляризации создали условия, при которых процессы конструирования идентичности становятся объектом целенаправленного воздействия как внешних, так и внутренних акторов. Это превратило национально-государственную идентичность из элемента общественного самосознания в стратегический ресурс и объект политики, напрямую связанный с национальной безопасностью, устойчивостью государства и способностью общества к внутренней консолидации.

Современная академическая литература демонстрирует всё более сложное и многоуровневое понимание идентичности. В западной научной традиции ключевыми являются исследования, различающие гражданскую и этническую модальности национальной идентичности (Р. Брубейкер [1], Э. Смит [2]). Позднее акцент смещается на анализ патриотизма и национализма как инклюзивной и эксклюзивной форм привязанности к нации [3]. Важным подходом с точки зрения политизации идентичности стала теория секьюритизации Копенгагенской школы (О. Вейвер, Б. Бузан и др.), согласно которой идентичность может рассма-

триваться как объект экзистенциальной угрозы, оправдывающей легитимацию чрезвычайные мер её защиты [4].

Российская научная традиция анализа национально-государственной идентичности восходит к историософским концепциям XIX века и получает развитие в концепции Л. Н. Гумилёва, который выделил пассионарность как движущую силу этногенеза и становления новых этнических систем [5]. Хотя Гумилёв ориентирован прежде всего на исторический анализ формирования этносов, его идеи о динамике этнических процессов и внутренней энергии этнических общностей используются при анализе того, как происходит национально-государственная консолидация и разрыв в современных обществах. В современной российской социологии и политической науке в числе прочих выделяются несколько ключевых направлений анализа национально-государственной идентичности.

В российской политологии концепт идентичности укрепился в научном обороте во многом благодаря исследованиям учёных из ИМЭМО РАН и приобрёл новые контуры исследовательского поля. Мысль И. С. Семененко о том, что «идентичность формирует смысловую ось социальных взаимосвязей индивида» [6, с. 422], уточняет значение концепта «идентичности», включая и динамические (самоидентификацию как процесс) и устоявшиеся её характеристики (идентичность как состояние динамического равновесия) [7].

Одновременно формируются различные подходы к анализу идентичности. В. А. Тишков развивает концепцию гражданской, политической нации как средства консолидации мультиэтничного российского общества, подчёркивая, что гражданская идентичность должна строиться на политических и правовых критериях принадлежности, а не на этнокультурном исключении [8]. Анализ ценностных ориентаций как основы социальной идентификации, предложенный В. А. Ядовым [9], позволяет рассматривать национально-государственную идентичность как производную от глубинной системы ценностей, определяющей долгосрочные установки личности и её идентификацию с общностью. Активно используется российскими исследователями имеющая западное происхождение концепция «разорванных стран» С. Хантингтона [10], в первую очередь, для интерпретации внутренних напряжений в постсоветских обществах. Данная модель описывает государства, чьи правящие элиты стремятся перенести страну из одной цивилизационной зоны в другую (например, из православной или исламской в западную), что вызывает внутреннее напряжение, разрыв между цивилизационными ориентирами элиты и цивилизационной идентичностью нации.

Особенно значимой в этом контексте является позиция Л. М. Дробижевой, подчёркивающей необходимость изучения реальных смыслов [11], которые граждане вкладывают в понятие «Россия», «народ», «гражданин», а не формальные декларации. Согласно исследованиям Дробижевой, общероссийская идентичность не может быть механически навязана сверху, она должна строиться как полифоническая конструкция, допускающая сосуществование гражданской, этнической, региональной и профессиональной идентичностей [12].

Вместе с тем существует заметный дефицит исследований, интегрирующих различные измерения национально-государственной идентичности в единую аналитическую рамку. Целью настоящей статьи является обобщение ключевых тезисов междисциплинарной научной дискуссии, состоявшейся в рамках секции «Национально-государственная идентичность как объект политики», проведённой в рамках Всероссийской научной конференции «II Дробижевские чтения: этническое и социальное измерения».

Об участниках дискуссии. Секция прошла 6 июня 2025 года в Институте социально-политических исследований ФНИСЦ РАН и объединила ведущих исследователей из России и Казахстана, представляющих широкий спектр дисциплин от политической социологии и философии до этнополитики и международных исследований. В числе участников секции выступили: директор ИСПИ ФНИСЦ РАН, доктор социологических наук В. К. Левашов; профессор кафедры государственной политики Факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор, Президент Академии политической науки РФ О. Ф. Шабров; зам. директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций, директор Центра международных стратегических исследований Дипломатической академии МИД РФ, доктор социологических наук, профессор В. В. Комлева; зам. завкафедрой политологии и социологии МПГУ, доктор политических наук, профессор Н. В. Асонов; главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения, доктор политических наук Ю. О. Булуктаев (Казахстан); профессор Государственного университета управления, ведущий научный сотрудник Финансового университета при Правительстве РФ, доктор политических наук В. В. Титов; руководитель Отдела социологического анализа социально-политических процессов, кандидат социологических наук, доцент И. А. Селезнев; научный сотрудник О. В. Гребняк; младший научный сотрудник Т. Ю. Лиханова. Модератором секции выступила руководитель Центра исследований социально-политических процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН, кандидат психологических наук, доцент Н. П. Сащенко.

Методологические сложности исследования национально-государственной идентичности. И западные, и российские исследования сталкиваются с внутренней сложностью и многоаспектностью анализа национально-государственной идентичности, особенно в её социально-психологическом измерении. Несмотря на обилие и постоянное обновление социологических и психологических референтов, само измерение идентичности остаётся методологически неоднозначным. Обозначенные далее методологические сложности были отмечены в выступлении **Н. П. Сащенко** и подтверждены выступлениями других участников дискуссии.

Исследование национально-государственной идентичности осложняется наличием пересекающихся концепций и относительной неопределённостью ключевых понятий. Отсутствие единого концептуального языка нередко приводит к неоднозначным операционализациям и неполному или неточному объяснению теоретических механизмов. Появился ряд новых, довольно дифференцированных взглядов на то, как установки национальной идентичности на индивидуальном уровне (от патриотизма и чувства национальной гордости до веры в превосходство собственной нации) связаны с коллективными процессами, такими как миграционные потоки, экономическая конкуренция и трансформация социальной структуры под влиянием глобализации. На макроуровне типологизация идентичности требует учёта функциональных, символических, а также морфологических аспектов социальных явлений, что осложняет создание единой рамки анализа.

Стоящие в актуальной повестке вооружённые конфликты и масштабные геополитические кризисы выступают в европейских обществах мощным стресс-фактором, провоцируя рост популистских настроений, усиление анти-

иммигрантских установок, переоценку социального статуса и рост электоральной поддержки правых партий. При этом конфликты, даже если не затрагивают страну напрямую, являются мощными стимуляторами национального самосознания как для непосредственных участников, так и для более широких обществ, косвенно включённых в дискурс безопасности и коллективной идентичности [13].

Европейские эмпирические исследования последнее время всё чаще фокусируются на механизмах, связывающих идентификационные установки и антииммиграционное отношение, часто включая микро- и макросвязи через контекстуальный уровень [14; 15]. Вместе с тем устоявшиеся модели измерения таких понятий, как патриотизм и национализм, гражданское и этническое понимание нации или национальная гордость, подвергаются всё более серьёзной критике из-за терминологической расплывчатости и несогласованности методик [16]. Типичным примером служит дихотомия «патриотизм – национализм» [3]. В большинстве работ патриотизм определяется как лояльность к своей нации, часто основанная на гордости за социальные или общественные достижения, и не сопровождающаяся отрицанием других наций. Национализм же ассоциируется с убеждением в исключительности и превосходстве собственной нации, которое, предположительно, мотивировано стремлением укрепить коллективную самооценку [17]. Несмотря на широкое использование этого противопоставления как нормативной рамки, оно остаётся спорным. Эмпирически эти конструкты измеряются разными наборами индикаторов, а их связь с политическим поведением и ценностными ориентациями варьируется в зависимости от национального контекста. Это подтверждает, что модели осмысления национальной идентичности глубоко укоренены в историко-культурной специфике обществ [18; 19], и интерпретация сходных установок в разных странах требует осторожности.

Таким образом, несмотря на разнообразие исследований, согласование определений и измерительных процедур для феноменов патриотизма, национализма и родственных установок всё ещё остаётся нерешённой задачей как для «умеренных» переменных (политический и культурный патриотизм, национальная привязанность), так и для крайних полюсов (отчуждение, дефицит солидарности). Это указывает на важность дальнейших сравнительных и междисциплинарных разработок в данной области.

Идентичность как объект политики: вызовы и угрозы. Обсуждение проблемы устойчивости и уязвимости идентификационной матрицы российского общества в сложных для России геополитических и социально-экономических условиях сразу началось с масштабного взгляда на планетарные изменения. В новом тысячелетии национальные государства испытывают острые проблемы, связанные со множеством социальных и культурных изменений, и в первую очередь это защита национальных интересов страны от внешних и внутренних угроз, сохранение государственного суверенитета. Против России развёрнута целенаправленная работа по ослаблению базисной основы российской культуры – морали и нравственности, духовных ценностей, исторической памяти, снижению её воздействия на российскую и международную аудиторию. На этом основании базировалось выступление **В. К. Левашова**, который задал тон всему обсуждению, отметив, что для понимания национально-государственной идентичности как объекта политики требуется комплексное видение доминиру-

ющих социальных и социально-политических тенденций развития нашей страны, анализ актуальных угроз и вызовов, помогающих выработать рекомендации по их нейтрализации и противодействию.

Не секрет, что национальная идентичность всегда была объектом политики, как внешней, так и внутренней. Исторически внешнее воздействие имело успех в тех странах или цивилизациях, в которых институциональные механизмы государства давали сбой, а идентификационные механизмы со своей страной, родиной, государством и гражданами работали не в полной мере (цивилизация Майя, Римская империя, Османская империя, некоторые современные государства Ближнего Востока, Югославия). Есть и другие исторические примеры, когда при внешнем мощном воздействии иные государства сохраняли свою устойчивость и государственный суверенитет (СССР в период ВОВ, Китай, Куба, Республика Беларусь). Возникает вопрос, а что может противостоять внешнему технологически выверенному, военно-политическому, информационно-психологическому воздействию?

Наш современник, рано ушедший от нас российский философ А. А. Пелипенко точно заметил, что «причины кризисов и упадков... цивилизаций, первым делом, ищут в области экономики, производства и технологий. И немало удивляются, обнаруживая, что кризисы, упадок и разрушение нередко наступают общества в эпохи их экономико-технологического и военного расцвета» [20, с. 37]. По его мнению, в объяснении кризисных и переходных процессов часто наблюдается органическая ущербность тех подходов, которые связаны с панэкономическим взглядом на бытие, когда экономические показатели оцениваются вне общего культурно-исторического, а главное, вне ценностных установок соответствующего человеческого типа [20]. В ходе обсуждений на секции Дробиевских Чтений мы постарались не попадаться в ловушку политико-экономического любования, а внимательно посмотреть на проблемы и ресурсы ценностно-культурного, политико-символического, цивилизационно-исторического и социально-психологического измерений национально-государственной идентичности российского общества.

Философско-политический аспект устойчивости национально-государственной идентичности российского общества отметил **О. Ф. Шабров**. Теоретические проблемы национально-государственной идентичности им были высвечены сквозь призму системного подхода к устойчивости общественных систем. Особое внимание Олег Фёдорович уделил необходимости чёткого разведения таких понятий, как этнос, нация и государство, а также соответствующих им типов идентичности, поскольку у одного и того же человека они могут не совпадать. При рассмотрении проблемы идентичности тождественность «Я=Мы» по отношению к своей стране, её народу отнюдь не всегда распространяется на государство, понимаемое не как страна, а как институт принуждения¹. Подобное несовпадение идентичностей исторически неоднократно становилось источником глубоких социальных конфликтов, проявляясь в массовых бунтах, революциях, гражданских войнах [21].

¹ Примечание авторов: Феномен устойчивого расхождения между привязанностью к стране и критикой государственных институтов находит отражение не только в социально-политических исследованиях, но и в массовой культуре. Например, в стихотворении народного артиста РФ Александра Розенбаума «Я Родину свою люблю» (1998) встречается рефрен «Я Родину люблю свою, Но государство – ненавижу!». URL: <https://rozenbaum.ru/poems/ya-rodinu-svoyu-lyublyu.html> (дата обращения: 12.08.2025). Аналогично у рок-группы Lumen в песне «Государство» (2005) звучит: «Я так люблю свою страну... И ненавижу государство!». URL: https://www.100bestsongs.ru/item_info.php?id=10910 (дата обращения: 12.08.2025).

Дополнительную грань рассогласованности в системе идентичности, по Шаброву, отражает различие между духовными ценностями культуры и идеологии: они принадлежат разным подсистемам общества, различаются как по содержанию и функциям, так и по способам формирования. Идеология выступает как продукт интеллектуальной деятельности наиболее образованной части общества, тогда как культура формируется в результате многовекового опыта предков, позволившего выжить и утвердиться в сложных природных и социальных условиях [21]. Отличаются они и способом хранения. Культура в основном хранится в неосознаваемой части индивидуального и коллективного сознания, что отличает её от более осознанной идеологии.

Ещё одну грань рассогласованности системы показал **В. В. Титов**, апеллируя к феномену «разорванной страны» С. Хантингтона [10]. Он акцентировал внимание на существовании особого типа государственных образований, которые характеризуются отсутствием ярко выраженного культурно-конфессионального разделения, но при этом демонстрируют явные линии раскола между политической элитой и обществом. Граждане таких стран, как правило, принимают свою этническую или национальную принадлежность, однако не разделяют цивилизационные ориентации, принятые элитой [10, с. 209]. К числу «разорванных стран» Хантингтон относит, в частности, Турцию, Мексику и Россию. Этот феномен имеет глубокие исторические корни, но в наше время усиливается вследствие глобального кризиса идентичности, который обострился после окончания холодной войны [10, с. 204–207]. В. В. Титов подчёркивает, что ценностно-политические основы подобного отчуждения часто связаны с западнцентричными стремлениями правящего класса, который стремится интегрировать страну в рамки «глобального мира». При этом его инициативы натываются, как минимум, на психологический и зачастую политический отпор со стороны большинства населения [10; 22].

В выявлении цивилизационно-исторического лица современной России с помощью анализа её государственности как обязательного атрибута культурно-идеологической сферы, находящейся во взаимодействии с институциональной и нормативно-регулятивной подсистемами общества, проводит свои исторические исследования **Н. В. Асонов**. Он убеждён, что «сложность изучения современной российской идентичности в значительной степени связана с доминированием идеологических установок правящего класса, стремящегося представить положение дел так, словно Россия в XXI в. снова обрела политическую независимость от стран НАТО и даже вышла на путь самостоятельного цивилизационного развития» [23, с. 24]. С помощью механизмов так называемой «культуры отмены», которая в данном контексте выступает инструментом политического остракизма, государственные структуры способствуют вытеснению из публичного пространства тех символов и смыслов, которые могут подрывать легитимность и авторитет действующей власти. В целях максимальной дискредитации главного внутреннего противника используются символы и атрибуты менее значимых конкурентов, а ещё лучше тех, кто сошёл с исторической сцены и уже не может публично предъявить свои права на свои отличительные знаки. Этот приём создаёт в народе иллюзию возврата государства к лучшим традиционным устоям, попранным, скажем, в ходе третьей русской революции. В итоге правящий класс, не добившись массовой поддержки либеральной повестки, получает возможность сокрыть свои истинные цели, продвигая образ консервативной силы, призванной возродить страну как особую уникальную цивилизацию.

Опираясь на эмпирическую базу социологического мониторинга «Как живёшь, Россия?», проводимого ИСПИ ФНИСЦ РАН (этапы 2024–2025 годов) [24; 25], участники дискуссии отметили не только проблемные зоны, но и резервы в социально-культурной сфере для сохранения национально-государственной идентичности российского общества. Так, по мнению **Т. Ю. Лихановой**, результаты мониторинга состояния российской национальной безопасности в сфере культуры, традиционных ценностей и исторической памяти свидетельствуют об упрочении в обществе духовного и эмоционально-патриотического потенциала, надёжность которого обеспечивается устойчивостью базового ценностного ядра.

Вместе с тем, с 2024 года отмечается усиление процессов кристаллизации и поляризации идеологических воззрений, вплоть до прослеживания идеологической сегментации массовых слоёв. В культурной среде идёт поляризация позиций в отношении СВО, целостности мирового культурного пространства. Угрозой национальной безопасности в сфере культуры и исторической памяти, кроме ценностной фрагментации российского общества, является и дефицит процедурной справедливости, образно говоря, дефицит обычного права – устоявшегося элемента в российской культуре. Угрозы национальной безопасности работают на поле долгосрочных отложенных рисков в сфере культуры и исторической памяти, но они проявляются и в краткосрочном периоде. Обозначилась проблема определения и сохранения идентификационной основы духовно-нравственного потенциала России как государства-цивилизации, продвижения его в сфере международного общения.

Идентичность как ресурс: поляризация и пути консолидации. Несмотря на наличие многочисленных угроз и вызовов, участники дискуссии подчеркнули наличие значимых внутренних ресурсов устойчивости идентичности. В условиях цифровой трансформации и политической поляризации эти ресурсы приобретают новую форму, не административно навязанную, монолитную, а основанную на сосуществовании различных уровней идентификации и признании их легитимности.

В этом контексте особое значение приобретает разработка целенаправленной государственной политики идентичности. **В. В. Титов** в своих рассуждениях обозначил также важность проведения государственной политики идентичности – целенаправленной, долгосрочной, алгоритмизированной деятельности институтов государственного управления и связанных с ними структур по формированию устойчивой модели национально-государственной идентичности. Только модель, отвечающая базовым основам национальной политической культуры, существующим запросам общества и перспективным задачам государственного развития, может быть интериоризована в массовое сознание. Пока что в государственной политике идентичности современной России отмечены в основном проблемы: слабость институциональных и стратегических оснований, ретроспективные акценты и символический моноцентризм, аморфность образа будущего [26]. Без реализации важных направлений модернизации государственной политики идентичности, таких как выработка стратегических приоритетов; поиск приемлемого языка; компенсация смыслового и символического вакуума; «интеграция прошлого», у России, по мнению автора, есть три неблагоприятных сценария трансформации национальной идентичности: конфликтно-мобилизационная идентичность («образ врага»); конфликтно-фраг-

ментарная идентичность («неуправляемый хаос»); конвенционально-стагнирующая идентичность («период полураспада»). Есть у России шанс пойти по четвёртому сценарию – образование конвенционально-консолидационной идентичности («политической нации»), для реализации которого необходимо учесть те проблемы, запросы общества, возможности и ресурсы, которые хранятся в коллективной памяти.

Дополняя российский анализ, участники дискуссии обратились к сравнительному опыту соседних государств. Обращаясь к проблемам трансформации национальной идентичности в Республике Казахстан под влиянием как внешних, так и внутренних факторов развития государства, **Ю. О. Булуктаев** отдаёт приоритет общенациональной идентичности. При этом ключевым напряжением в формировании общенациональной идентичности выступает противоречие между этнокультурной и гражданской модальностями идентификации. С одной стороны, основой казахстанской национальной идентичности служат общенациональные ценности, построенные на признании этнического, культурного, языкового и религиозного разнообразия. С другой стороны, для большинства казахстанцев этническая и религиозная идентичность остаются приоритетными формами самовосприятия, тогда как гражданская идентичность зачастую носит декларативный, поверхностный характер.

Осознавая этот нюанс, государственные структуры Республики Казахстан берут на себя активную роль в развитии этнической и гражданской идентичности. Решая эту задачу, государство, с одной стороны, пытается сделать привлекательными для других этнических групп символы казахской культуры и в первую очередь язык, являющийся государственным пока во многом номинально, а с другой стороны, формировать и поддерживать гражданскую идентичность с целью общенациональной консолидации [27]. В условиях выраженной полиэтничности казахстанское общество неизбежно характеризуется множественностью идентификационных векторов. Это делает задачу гражданской интеграции одной из приоритетных: только она может обеспечить устойчивую политическую, этническую и религиозную солидарность внутри общества и сформировать у граждан чувство взаимной лояльности как по отношению друг к другу, так и к государственной системе в целом.

Расширяя аналитический фокус, затронута в ходе обсуждений оказалась и тема секьюритизации идентичности в контексте внутренней и внешней политики, конструирования на постсоветском пространстве. **В. В. Комлева**, опираясь на идеи Копенгагенской школы секьюритизации, конструктивизма и концепт онтологической безопасности (Д. Лэйнг, Э. Гидденс), подчёркивала, что идентичность в условиях глобализации, идеологической конкуренции и внутренних конфликтов становится объектом защиты, политической мобилизации и институционализации. На материале исследований российско-таджикских отношений и миграционных процессов было отмечено стратегическое значение политики идентичности для внутренней консолидации и внешнеполитического позиционирования Таджикистана. Опираясь на политическую и социальную теории примерно с конца XX века, когда идентичность стала осмысливаться как ресурс политической мобилизации, консолидации и национальной безопасности постсоветских государств, в том числе и постсоветской России, В. В. Комлева показала, как идентичность становится объектом защиты, политического вмешательства и исключения, то есть подвергается секьюритизации. Усиление секьюритизации национальной идентичности связывается с политической по-

ляризацией, ростом национализма, миграционными кризисами, конфликтами на почве этничности и религии, а также активизацией дискурса безопасности в политике. В условиях усиления конкуренции между государствами и между идеологиями национальная идентичность всё чаще представляется как уязвимая ценность, требующая безотлагательной защиты, в том числе с применением исключительных политических и силовых мер.

Особую эмпирическую значимость в этом контексте приобретает анализ массового сознания. В условиях цифровой среды, по мнению **О. В. Гребняк**, обостряется такая характерная черта национальной идентичности как совмещение высокого уровня патриотических устремлений с критическим отношением к государственным институтам, – то самое несовпадение разных типов идентичности, отмеченное выше в рассуждениях **О. Ф. Шаброва**. Этот феномен, обозначенный в ходе выступления как «двойной код» российского общественного сознания, проявляется в том, что патриотизм в массовом восприятии неравнозначен лояльности власти и это прямо подтверждается эмпирическими исследованиями [25]. В общественном сознании одновременно сосуществуют два измерения: с одной стороны критическое восприятие государственных структур, проявляющееся в оценках их коррумпированности, неэффективности и отрыва от общества; с другой – глубокая эмоциональная привязанность к Родине как символическому образу, воплощающему историческую память и культурное наследие. Этот феномен подводит к необходимости выработки новых подходов в теории идентичности, поскольку политическое недовольство не всегда свидетельствует об ослаблении национальной лояльности, как зачастую считалось ранее. Напротив, в условиях цифровой медиасреды наблюдается декомпозиция гражданской позиции, когда критика власти не означает отрицание нации, она вполне сосуществует с эмоциональной привязанностью к стране [28, с. 34–45].

Заключение. Популярность в российской науке концепции национально-государственной идентичности объясняется, с одной стороны, возрастающим количеством нерешённых проблем: с ускорением темпов социальных и политических изменений в мире и в стране политические решения не всегда успевают за меняющимися ожиданиями граждан и не учитывают сложности восприятия мира и множественную детерминацию национально-государственной идентификации. А с другой – результаты научных исследований не в полной мере объясняют новые смыслы и динамику сетей смыслов в идентификационных процессах.

По мнению **Л. М. Дробижевой**, «необходимо изучать смыслы, которые вкладывают россияне в понимание своей идентичности» [11, с. 482], «...надо искать новые явления и события, способные выполнять интегрирующую функцию, чаще показывать возможность совмещения общероссийской идентичности с другими идентичностями, в том числе с позитивной этнической, региональной идентичностью» [11, с. 495].

Подводя итог дискуссии, можно констатировать, что национально-государственная идентичность сегодня представляет собой поле борьбы. Участники секции единодушно отметили её уязвимость перед лицом внешнего информационно-психологического давления, внутренней ценностной фрагментации и дефицита процедурной справедливости. В то же время в обществе сохраняются значимые ресурсы устойчивости, такие как историческая память, духовно-нравственное ядро, патриотический потенциал.

Научная дискуссия позволила обсудить и апробировать оптимальные социальные и политические траектории исследований национально-государственной идентичности с учётом проявившихся факторов социальных изменений. Перспективы дальнейших исследований лежат в русле междисциплинарной интеграции, сочетания социологических измерений идентичности с анализом цифровых медиа, историко-культурными реконструкциями и сравнительными кейсами.

Библиографический список

1. *Brubaker R.* Nationalism reframed: Nationhood and the national question in the New Europe. Cambridge University Press, 1996. 216 p. ISBN 978-0521576499.
2. *Смит Э.* Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М. : Праксис, 2004. 464 с. ISBN 5-901574-39-7.
3. *Blank T., Schmidt P.* National identity in a united Germany: Nationalism or patriotism? An empirical test with representative data // *Political Psychology*. 2003. Vol. 24, No. 2. P. 289–312. DOI [10.1111/0162-895X.00329](https://doi.org/10.1111/0162-895X.00329). EDN [ETKNPV](#).
4. *Buzan B., Wæver O., de Wilde J.* Security: A new framework for analysis. London : Lynne Rienner Publ., 1998. 239 p. ISBN 978-1555877842.
5. *Гумилёв Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. СПб : Кристалл, 2001. 638 с. ISBN 5-306-00157-2.
6. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / И. С. Семененко, В. В. Лапкин, Е. В. Морозова [и др.]. М. : Весь Мир, 2023. 512 с. EDN [AGNIZL](#).
7. *Семененко И. С.* Идентичность в предметном поле политической науки // Идентичность как предмет политического анализа : Сб. ст. по итогам Всероссийской науч.-теор. конф. (Москва, 21-22 октября 2010). М. : ИМЭМО РАН, 2011. С. 8–13. EDN [SWQRZB](#).
8. *Тишков В. А.* Нация наций : О подходах к пониманию России. М. : ИЭА РАН, 2023. 69 с. DOI [10.33876/978-5-4211-0299-1/2023-12/1-69](https://doi.org/10.33876/978-5-4211-0299-1/2023-12/1-69). EDN [EHVYVA](#).
9. *Ядов В. А.* Социальная идентификация в кризисном обществе // *Социологический журнал*. 1994. № 1. С. 35–52. EDN [TYSQON](#).
10. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003. 608 с. EDN [TUPBER](#).
11. *Дробижева Л. М.* Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 480–498. DOI [10.14515/monitoring.2020.4.1261](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1261). EDN [HAANUW](#).
12. *Дробижева Л. М.* Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50. DOI [10.31857/S013216250009460-9](https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9). EDN [IZTYSH](#).
13. *Сашенко Н. П.* Современные исследования национально-государственной идентичности: междисциплинарные подходы // Социально-политические науки. 2025. Т. 15, № 4. С. 46–57. DOI [10.33693/2223-0092-2025-15-4-46-57](https://doi.org/10.33693/2223-0092-2025-15-4-46-57). EDN [WDNDDK](#).
14. *Bartasevičius V.* Outsiders not worth trusting? Accounting for concerns over immigration in Central and Eastern Europe // *Central and Eastern European Migration Review*. 2024. Vol. 13, No. 2. P. 27–54. DOI [10.54667/ceemr.2024.19](https://doi.org/10.54667/ceemr.2024.19). EDN [APELGV](#).
15. *Häkkinen L., Kouvo A.-J., Oinas T. [et al.]* The role of political orientation in shaping deservingness perceptions and immigration attitudes in Europe: A multilevel analysis // *Journal of International and Comparative Social Policy*. 2024. Vol. 40, Issue 2. P. 111–130. DOI [10.1017/ics.2025.4](https://doi.org/10.1017/ics.2025.4).
16. *Schmidt P., Quandt M.* National identity, nationalism, and attitudes toward migrants in comparative perspective // *International Journal of Comparative Sociology*. 2018. Vol. 59, No. 5–6. P. 355–361. DOI [10.1177/0020715218816242](https://doi.org/10.1177/0020715218816242). EDN [LAJJQB](#).
17. *Cichocka A., Cislak A.* Nationalism as collective narcissism // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 2020. Vol. 34. P. 69–74. DOI [10.1016/j.cobeha.2019.12.013](https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2019.12.013). EDN [MQZWRW](#).
18. *Рой О. М.* Национальная идентичность в России: между глобализацией и глокализацией // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2025. Т. 18, № 3. С. 78–91. DOI [10.31660/1993-1824-2025-3-78-91](https://doi.org/10.31660/1993-1824-2025-3-78-91). EDN [ASVYOC](#).

19. König P. Forms of national and European identity: A research note reviewing literature of cross-national studies // Nationalities Papers. 2024. Vol. 52, No. 4. P. 707–734. DOI [10.1017/nps.2023.66](https://doi.org/10.1017/nps.2023.66).
20. Пелипенко А. А. Глобальный кризис и судьбы Запада. М. : Знание, 2014. 224 с. ISBN 978-5-7646-0118-2.
21. Шабров О. Ф. Духовные ценности как основа национально-государственной идентичности // Социально-политические науки. 2025. Т. 15, № 4. С. 16–22. DOI [10.33693/2223-0092-2025-15-4-16-22](https://doi.org/10.33693/2223-0092-2025-15-4-16-22). EDN [VQULYB](https://www.edn.ru/VQULYB).
22. Аттали Ж. Краткая история будущего. СПб : Питер, 2014. 288 с. ISBN 978-5-496-00750-4.
23. Асонов Н. В. Современная российская идентичность с позиций анализа ее государственности // Социально-политические науки. 2025. Т. 15, № 4. С. 23–33. DOI [10.33693/2223-0092-2025-15-4-23-33](https://doi.org/10.33693/2223-0092-2025-15-4-23-33). EDN [VTXWTL](https://www.edn.ru/VTXWTL).
24. Как живешь, Россия?: Экспресс-информация. 54 этап социологического мониторинга, апрель 2024 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2024. 89 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024). EDN [INPEEV](https://www.edn.ru/INPEEV).
25. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 55 этап всероссийского социологического мониторинга, май 2025 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2025. 106 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025). EDN [ERLAQU](https://www.edn.ru/ERLAQU).
26. Титов В. В. Трансформация национально-государственной идентичности в современной России : дис... д-ра полит. наук : 5.5.2 / Титов Виктор Валериевич. 2023. 468 с. EDN [WRGURF](https://www.edn.ru/WRGURF).
27. Шайкемелев М. С. Критерии оценки гражданской интеграции казахстанских этнических групп как основного целевого ориентира формирования национальной идентичности // Формирование казахстанской идентичности в контексте задач модернизации общественного сознания. Книга 2. Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2019. С. 243–256.
28. Гребняк О. В. Национально-государственная идентичность в цифровую эпоху: между патриотическим консенсусом и информационной тревогой // Социально-политические науки. 2025. Т. 15, № 4. С. 34–45. DOI [10.33693/2223-0092-2025-15-4-34-45](https://doi.org/10.33693/2223-0092-2025-15-4-34-45). EDN [VWUAXC](https://www.edn.ru/VWUAXC).

Поступила: 14.10.2025. Принята: 21.11.2025.

Сведения об авторах:

Сащенко Наталья Петровна, кандидат психологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований
ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

nsaschenko@mail.ru

Author ID РИНЦ: [168978](https://elibrary.ru/168978); ORCID: [0000-0002-0632-9937](https://orcid.org/0000-0002-0632-9937)

Гребняк Оксана Валерьевна, научный сотрудник,
Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

oksananov@yandex.ru

Author ID РИНЦ: [183639](https://elibrary.ru/183639); ORCID: [0000-0002-4565-7095](https://orcid.org/0000-0002-4565-7095)

N. P. Sashchenko¹, O. V. Grebnyak¹

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia

NATIONAL-STATE IDENTITY AS AN OBJECT OF POLITICS: AN ANALYTICAL REVIEW

Abstract. The article presents an analytical review of an interdisciplinary discussion held within the framework of the All-Russian Academic Conference “2nd Drobizheva Readings: Ethnic and Social Dimensions”, at the session “National–State Identity as an Object of Politics: Interdisciplinary Approaches to Research” (June 2025). Against the backdrop of informational transformations and geopolitical polarization, national-state identity is examined as a strategic object of politics, analyzed through the lenses of both Western and Russian theoretical traditions. The paper synthesizes key challenges to the resilience of national-state self-awareness – ranging from informational-psychological pressure and value fragmentation to the crisis of trust in institutions. At the same time, internal resources for societal consolidation are identified, including the patriotic potential, the phenomenon of patriotism without loyalty to the authorities (the “double code”), prospects for constructing a “political nation,” as well as the comparative experience of building civic identity in a multinational society (illustrated by the case of Kazakhstan). The discussion also addresses the processes of identity securitization and its instrumentalization amid migration crises and ideological competition. Particular emphasis is placed on the necessity of moving away from symbolic monocentrism toward a policy of recognizing the plurality of identities, grounded in the search for shared value intersections and the synthesis of historical memory with future-oriented visioning.

Keywords: national-state identity, patriotism, consolidation, civilizational choice, state identity policy, values, meanings, digital transformation, civic participation

For citation: Sashchenko N. P., Grebnyak O. V. National-state identity as an object of politics: an analytical review. *Science. Culture. Society*. 2025;31(4):72–84. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.5>

References

1. Brubaker R. Nationalism reframed: nationhood and the national question in the New Europe. Cambridge University Press; 1996. ISBN 978-0521576499.
2. Smith A. Nationalism and modernism. Moscow: Praxis; 2004. (In Russ.). ISBN 5-901574-39-7.
3. Blank T., Schmidt P. National identity in a united Germany: Nationalism or patriotism? An empirical test with representative data. *Political Psychology*. 2003;24(2):289–312. DOI [10.1111/0162-895X.00329](https://doi.org/10.1111/0162-895X.00329).
4. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A new framework for analysis. London: Lynne Rienner Publ.; 1998. ISBN 978-1555877842.
5. Gumilev L. N. Ethnogenesis and the biosphere of the Earth. St. Petersburg: Kristall Publ.; 2001. (In Russ.). ISBN 5-306-00157-2.
6. Semenenko I. S., Lapkin V. V., Morozova E. V. [et al.]. Identity: personality, society, politics. New contours of the research field. Moscow: Ves' Mir; 2023. (In Russ.).
7. Semenenko I. S. Identity in the subject field of political science. In: Identity as a subject of political analysis: Vol. of conf. papers (Moscow, Oct. 21-22, 2010). Moscow: IMEMO RAS; 2011. P. 8–13. (In Russ.).
8. Tishkov V. A. The Nation of Nations. On approaches to understanding Russia. Moscow: IEA RAS; 2023. (In Russ.). DOI [10.33876/978-5-4211-0299-1/2023-12/1-69](https://doi.org/10.33876/978-5-4211-0299-1/2023-12/1-69).
9. Yadov V. A. Social identification in a crisis society. *Sociological Journal*. 1994;(1):35–52. (In Russ.).
10. Huntington S. The clash of civilizations and the remaking of world order. Moscow: AST; 2003. (In Russ.).
11. Drobizheva L. M. The meanings of All-Russian civic identity in Russian mass consciousness. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020;(4):480–498. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2020.4.1261](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1261).
12. Drobizheva L. M. Russian identity: searching for definition and distribution dynamics. *Sociological Studies*. 2020;(8):37–50. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250009460-9](https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9).

13. Sashchenko N. P. Contemporary studies of national-state identity: interdisciplinary approaches. *Sociopolitical Sciences*. 2025;15(4):46–57. (In Russ.). DOI [10.33693/2223-0092-2025-15-4-46-57](https://doi.org/10.33693/2223-0092-2025-15-4-46-57).
14. Bartasevičius V. Outsiders not worth trusting? Accounting for concerns over immigration in Central and Eastern Europe. *Central and Eastern European Migration Review*. 2024;13(2):27–54. DOI [10.54667/ceemr.2024.19](https://doi.org/10.54667/ceemr.2024.19).
15. Häkkinen L., Kouvo A.-J., Oinas T. [et al.] The role of political orientation in shaping deservingness perceptions and immigration attitudes in Europe: A multilevel analysis. *Journal of International and Comparative Social Policy*. 2024;40(2):111–130. DOI [10.1017/ics.2025.4](https://doi.org/10.1017/ics.2025.4).
16. Schmidt P., Quandt M. National identity, nationalism, and attitudes toward migrants in comparative perspective. *International Journal of Comparative Sociology*. 2018;59(5-6):355–361. DOI [10.1177/0020715218816242](https://doi.org/10.1177/0020715218816242).
17. Cichocka A., Cislak A. Nationalism as collective narcissism. *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 2020;34:69–74. DOI [10.1016/j.cobeha.2019.12.013](https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2019.12.013).
18. Roy O. M. National identity in Russia: between globalization and glocalization. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*. 2025;18(3):78–91. (In Russ.). DOI [10.31660/1993-1824-2025-3-78-91](https://doi.org/10.31660/1993-1824-2025-3-78-91).
19. König P. Forms of national and European identity: A research note reviewing literature of cross-national studies. *Nationalities Papers*. 2024;52(4):707–734. DOI [10.1017/nps.2023.66](https://doi.org/10.1017/nps.2023.66).
20. Pelipenko A. A. The global crisis and the fate of the West. Moscow: Znanie; 2014. (In Russ.). ISBN 978-5-7646-0118-2.
21. Shabrov O. F. Spiritual values as the basis of national-state identity. *Sociopolitical Sciences*. 2025;15(4):16–22. (In Russ.). DOI [10.33693/2223-0092-2025-15-4-16-22](https://doi.org/10.33693/2223-0092-2025-15-4-16-22).
22. Attali J. Une brève histoire de L'avenir. St. Petersburg: Piter; 2014. (In Russ.). ISBN 978-5-496-00750-4.
23. Asonov N. V. Modern Russian identity through the lens of statehood analysis. *Sociopolitical Sciences*. 2025;15(4):23–33. (In Russ.). DOI [10.33693/2223-0092-2025-15-4-23-33](https://doi.org/10.33693/2223-0092-2025-15-4-23-33).
24. Levashov V. K., Velikaya N. M., Shushpanova I. S. [et al.]. How are you, Russia? Express information. 54th stage of the sociological monitoring, April 2024. Moscow: FCTAS RAS; 2024. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024).
25. Levashov V. K., Velikaya N. M., Shushpanova I. S. [et al.]. How are you, Russia? Express information. 55th stage of the All-Russian sociological monitoring, May 2025. Moscow: FCTAS RAS; 2025. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025).
26. Titov V. V. Transformation of national-state identity in modern Russia. Candidate Degree Thesis. 2023. (In Russ.).
27. Shaikemelev M. S. Criteria for assessing the civic integration of Kazakhstani ethnic groups as the main target for the formation of national identity. In: Formation of the Kazakh identity in the context of the tasks of modernization of public consciousness. Book 2. Almaty: IFPR KN MON RK; 2019. P. 243–256. (In Russ.).
28. Grebnyak O. V. National-state identity in the digital age: between patriotic consensus and informational anxiety. *Sociopolitical Sciences*. 2025;15(4):34–45. (In Russ.). DOI [10.33693/2223-0092-2025-15-4-34-45](https://doi.org/10.33693/2223-0092-2025-15-4-34-45).

Received: 14.10.2025. Accepted: 21.11.2025.

Author information:

Natalia P. Sashchenko, Candidate of Psychology, Associate professor,
Leading researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.

Moscow, Russia.

nsaschenko@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0632-9937

Oksana V. Grebnyak, Researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.

Moscow, Russia.

oksanarov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4565-7095

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.4.6](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.6)
EDN [OZYEVP](https://edn.ru/0ZYEVP)
УДК 316.733

Т. Ю. Лиханова¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

ДИНАМИКА ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ТИПОЛОГИЯ ПАТРИОТИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ПО ДАННЫМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Аннотация. Статья направлена на эмпирическую верификацию структуры культурного кода современного российского общества через анализ динамики традиционных ценностей и типологии патриотических установок. Эмпирической базой исследования выступили данные 55-го этапа всероссийского социологического мониторинга «Как живёшь, Россия?», проведённого в мае-июне 2025 г. (N=1300, квотная репрезентативная выборка). С использованием методов сравнительного анализа и кластеризации (TwoStep Cluster Analysis) выявлено смещение в иерархии ценностей: на первый план выходят патриотизм, справедливость и единство народов, тогда как значимость личностно-ориентированных и ряда других фундаментальных ценностей (созидательный труд, коллективизм, приоритет духовного над материальным) демонстрирует тенденцию к снижению. На основе кластерного анализа идентифицированы три типа патриотизма: «лояльные традиционалисты» (46,1%) с пассивной эмоциональной привязанностью к Родине; «патриоты-защитники» (26,0%) с выраженной готовностью к вооружённой защите страны; «критические активисты» (27,9%), понимающие патриотизм как гражданскую ответственность за судьбу страны через открытую критику. Каждый тип имеет чёткий социально-демографический профиль, что свидетельствует о структурном разнообразии ценностного ядра и подчёркивает роль жизненного опыта и социальных ролей респондентов в формировании ценностных ориентаций. В заключении делается вывод о необходимости учёта выявленной ценностной неоднородности при разработке мер государственной культурной политики, направленных на укрепление гражданской солидарности и общественной консолидации.

Ключевые слова: культурный код, традиционные ценности, патриотизм, трансформация ценностей, гражданская солидарность, общественная консолидация

Для цитирования: Лиханова Т. Ю. Динамика традиционных ценностей и типология патриотизма в современной России (по данным социологического исследования) // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 4. С. 85–104. DOI [10.19181/nko.2025.31.4.6](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.6). EDN [OZYEVP](https://edn.ru/0ZYEVP).

Благодарность: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-00438, <https://rscf.ru/project/23-18-00438/>

Введение. Современная Россия столкнулась с комплексом внешних и внутренних вызовов, ставящих вопросы, связанные с самоопределением общества, на острие общественно-политической и научной дискуссии. В этих условиях актуализируется проблема поиска устойчивых оснований для национальной консолидации и общественной стабильности. Проблема сохранения целостности российского общества напрямую связана с его культурным единством, на поддержание которого направлена государственная культурная политика, что, в частности, отражено в «Стратегии государственной культурной политики до 2030 года», провозглашающей культуру национальным приоритетом. В документе подчёркивается её ключевая роль в повышении качества жизни,

гармонизации общества, а также сохранении единого культурного пространства и территориальной целостности России¹. Однако единство только лишь на уровне внешних проявлений культуры (языка, искусства, праздников) является недостаточно устойчивым. Более глубокой основой для подлинной консолидации служит общность фундаментальных ценностей, то есть культурный код, который формирует идентичность и определяет модели поведения и реакции. Именно этот код, выступая в качестве ДНК культуры, обеспечивает её преемственность и целостность. Поэтому в «Стратегии государственной национальной политики до 2025 года» справедливо отмечается, что «современное российское общество объединяет единый культурный (цивилизационный) код»².

Таким образом, в официальных документах культурный код обозначается в качестве основы единства российского общества. Однако декларация в стратегических документах не гарантирует, что он является устойчивым, и что все члены общества являются его носителями. Современные вызовы, как внешние, так и внутренние, оказывают постоянное давление на систему ценностей. В этой связи возникает необходимость не просто констатировать наличие культурного кода, а изучить его актуальное состояние. Для решения этой задачи необходимо эмпирическое исследование, опирающееся на чёткую теоретическую базу.

Проблема исследования заключается в отсутствии комплексного, эмпирически верифицированного понимания структуры системы традиционных ценностей россиян. В условиях обострения вызовов суверенитету государства ключевой интерес представляет изучение ценности «патриотизм», занимающей, по данным исследований, центральное место в этой системе. В связи с этим особую остроту приобретает вопрос о конкретном содержании данного понятия, степени смыслового консенсуса вокруг него и возможности построения его типологии на основе вариативности восприятия.

Исследовательский вопрос: какова структура культурного кода современных россиян, проявляющаяся в иерархии традиционных ценностей и типологии патриотических установок?

Цель исследования — выявить и проанализировать текущую иерархию традиционных ценностей в массовом сознании россиян, а также эмпирически верифицировать структуру и типологию патриотических установок. Для достижения этой цели в статье решаются следующие задачи:

- проанализировать структуру и иерархию традиционных ценностей в общественном сознании;
- выявить социально-демографические профили носителей ключевых традиционных ценностей;
- определить структуру и динамику представлений о патриотизме в современной России;

¹ Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. № 326-р // Гарант.Ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71243400/> (дата обращения: 05.09.2025)

² О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 (в редакции указов Президента РФ от 06.12.2018 № 703, от 15.01.2024 № 36). URL: <https://docs.cntd.ru/document/902387360> (дата обращения: 10.09.2025).

- провести кластерный анализ для выявления типологии патриотических установок;
- определить социально-демографические профили типов патриотических установок.

Теоретической основой исследования выступает концепция культурного кода, который понимается как структура базовых ценностей, определяющих идентичность и нормативно-смысловые ориентиры общества, что особенно важно в период масштабных социальных трансформаций [1, с. 362]. Такой подход позволяет операционализировать концепт для эмпирического исследования, фокусируясь на тех ценностях, которые выбирают и разделяют респонденты.

В качестве методологической основы мы опираемся на классические и современные социологические традиции. В рамках структурно-функционального подхода (Т. Парсонс) ценности рассматриваются как высшие регуляторы социального действия, обеспечивающие целостность и воспроизводство социального порядка [2]. Неофункционализм (Дж. Александер) трактует культурные коды как культурные смыслы социальной жизни, где каждая базовая ценность становится живым смыслом, формирующим восприятие прошлого, настоящего и будущего [3]. Структуралистский конструктивизм (П. Бурдьё) позволяет анализировать разделяемые ценности как систему классифицирующих схем (габитус), которые функционируют как инструменты восприятия и конструирования социального мира [4]. Синтез этих подходов позволяет рассматривать ценности не как случайный набор предпочтений, а как базовые элементы, формирующие «очки», через которые происходит интерпретация реальности. Это создаёт основу для эмпирического изучения специфики культурного кода.

Эмпирическая операционализация концепции «культурный код» была реализована через два взаимодополняющих комплекса индикаторов, измеренных в ходе массового опроса. Первым комплексом выступила иерархия традиционных ценностей, где индикаторами кода стали стабильность иерархии ценностей, а также связь между выбором определённых ценностей и социально-демографическими характеристиками респондентов. Во втором комплексе были проанализированы восприятие патриотизма (измеренное через структуру конкретных смыслов, вкладываемых в данное понятие) и структура патриотических установок (индикаторами кода выступили выявленные методом кластерного анализа типы патриотических установок, демонстрирующие устойчивые связи с социально-демографическими характеристиками респондентов). Именно устойчивость, взаимосвязь и социальная укоренённость этих ценностных структур позволяют рассматривать их как эмпирические проявления культурного кода.

Актуальность предложенного анализа находит подтверждение в конкретных социологических исследованиях. Они демонстрируют, что ряд моральных норм и социальных установок, разделяемых большинством россиян, обладает свойствами, которые в рамках нашего подхода интерпретируются как проявления культурного кода: они типичны для нации, устойчивы во времени и структурно взаимосвязаны [5].

Данное исследование исходит из фундаментальной предпосылки о том, что «человеческое сознание, духовность, культура развивается в конкретном историческом, социально-политическом и экономическом контексте. И все являе-

ния, происходящие в данной сфере, должны рассматриваться в диалектическом единстве с этим контекстом» [6, с. 9]. Именно поэтому анализ культурного кода России не может быть оторван от анализа тех глубоких трансформационных процессов, которые характеризуют современный этап её развития.

Эмпирической основой проведённого исследования выступают данные 55-го этапа всероссийского социологического мониторинга «Как живёшь, Россия?» [7], проводимого Институтом социально-политических исследований ФНИСЦ РАН с 1992 года (руководитель — В. К. Левашов). Автор статьи входит в исследовательский коллектив, работающий над данным проектом. Полевой этап опроса проведён в мае-июне 2025 г. в 22 регионах страны среди совершеннолетних жителей (N=1300). Использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с учётом пола, возраста, образования, местожительства и экономико-географического районирования, что позволяет обеспечить репрезентативность данных на уровне федеральных округов и регионов. Максимальная ошибка выборки с вероятностью 95% не превышает 3%. В сравнительных целях и для демонстрации динамики в тексте фигурируют также данные предыдущих этапов мониторинга. При обработке данных применялись методы кросс-табуляции с оценкой значимости связей по критерию хи-квадрат Пирсона и кластерного анализа.

Иерархия традиционных ценностей в массовом сознании россиян. В данном исследовании работа с концептом «традиционные ценности» требует методологического уточнения. С одной стороны, этот термин активно используется в официальном дискурсе, будучи закреплён в Указе Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (2022 г.)³. С другой стороны, политическое обозначение определённых ценностей как традиционных для российского общества автоматически не означает, что они являются таковыми. Данное исследование не ставило целью верифицировать традиционность ценностей, закреплённых в Указе Президента, мы ограничились анализом их иерархии и устойчивости в общественном сознании на основе имеющихся данных мониторинга. В инструментарий исследования были включены следующие ценности: «жизнь, достоинство, права и свободы человека», «патриотизм, гражданственность», «служение Отечеству, ответственность за его судьбу», «высокие нравственные идеалы», «крепкая семья», «созидательный труд», «приоритет духовного над материальным», «гуманизм», «милосердие», «справедливость», «коллективизм», «взаимопомощь и взаимоуважение», «историческая память и преемственность поколений». А также на основе экспертного мнения и для более полного охвата современного ценностного поля в опросник были также добавлены «охрана окружающей среды и природы» (в контексте устойчивого развития) и «религиозные традиции и ценности» (как одна из базовых основ российской идентичности).

Анализ данных социологического мониторинга «Как живёшь, Россия?» (см. табл. 1) позволяет выявить ряд важных тенденций в восприятии традиционных ценностей как основы суверенитета, безопасности и устойчивого развития России.

³ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809. URL: <https://docs.cntd.ru/document/352246667> (дата обращения: 05.10.2025).

Таблица 1

Мнение респондентов о том, какие ценности* сегодня наиболее значимы для обеспечения суверенитета, безопасности и устойчивого развития российского государства и общества (% от числа опрошенных)

Ценности	2024	2025
Патриотизм, гражданственность	47	47
Крепкая семья	51	45
Жизнь, достоинство, права и свободы человека	58	43
Справедливость	40	43
Защита и служение Отечеству, ответственность за его судьбу	37	39
Единство народов России	30	39
Историческая память и преемственность поколений	29	27
Взаимопомощь и взаимоуважение	27	27
Высокие нравственные идеалы	23	23
Созидательный труд	26	21
Охрана окружающей среды и природы	19	16
Религиозные традиции и ценности	-	9
Милосердие	13	9
Приоритет духовного над материальным	10	8
Гуманизм	9	8
Коллективизм	5	4
Какие ещё, напишите 2024: строгость законов, ответственность; 2025: адекватная власть, сменить всех чиновников)	0,2	0,7

Примечание: * в инструментарии 2024 года — «традиционные ценности». Формулировка вопроса скорректирована на основании экспертной оценки; Сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько позиций.

Источник: Данные мониторинга «Как живёшь, Россия?» за 2024 и 2025 гг. [7, с. 59].

Наиболее значимыми в 2025 году остаются патриотизм и гражданственность (этот пункт выбирают стабильно 47% респондентов), справедливость (рост с 40% в 2024 году до 43% в 2025 году), защита Отечества и ответственность за его судьбу (с 37% до 39%), единство народов России (значительный рост с 30% до 39%). Эти ценности образуют устойчивое смысловое ядро, связанное с государственностью и гражданской солидарностью. Отмечается снижение значимости личностно-ориентированных ценностей. Заметно снизились показатели у ценностей, связанных с индивидуальными правами и благополучием: жизнь, достоинство, права и свободы человека — резкое снижение с 58% до 43%; крепкая семья — с 51% до 45%. Возможно, это связано со смещением акцента с частной сферы на общественно-государственную в общественном сознании. Кроме этого, отмечается рост значимости гражданской солидарности и единства. Мы видим рост таких ценностей, связанных со сплочением общества, как единство народов России (+9 п.п.), справедливость (+3 п.п.), защита Отечества (+2 п.п.). Это может быть реакцией на внешние вызовы и осознаваемую гражданами необходимость консолидации.

Стабильно средний уровень значимости демонстрируют ценности взаимопомощи и взаимоуважения (27%), высоких нравственных идеалов (23%), исто-

рическая память (небольшое снижение с 29% до 27%). Они определяют нравственную основу общества. Отмечается небольшое снижение интереса к ценностям устойчивого развития и духовным ценностям, таким как созидательный труд (с 26% до 21%), охрана окружающей среды (с 19% до 16%), приоритет духовного над материальным (с 10% до 8%), милосердие (с 13% до 9%). Это может говорить о прагматизме общественного сознания в условиях текущих вызовов. Гуманистические и коллективистские ценности демонстрируют низкую поддержку на уровне 4-8%. Можно предположить, что традиционный коллективизм уступает место государственно-гражданской солидарности.

Таким образом, на основе анализа можно отметить, что среди традиционных ценностей на первый план выходят патриотизм, справедливость и единство. Религиозные и духовные ценности уступают приоритет ценностям гражданской ответственности и обороны. В приоритете ценности, которые ассоциируются с сильным государством, суверенитетом и консолидацией, а не с морально-религиозными или либеральными идеалами.

Для анализа связи между ценностными ориентациями и социально-демографическими характеристиками были отобраны переменные, наиболее часто называемые респондентами среди значимых: «права и свободы человека», «справедливость», «крепкая семья», «патриотизм и гражданственность», «единство народов России» и «защита и служение Отечеству». На основе этих данных для каждой из шести выбранных ценностей были сформированы бинарные переменные по следующему принципу: переменная получала значение «1», если респондент выбрал данную ценность среди пяти самых значимых; переменная получала значение «0», если респондент не выбрал данную ценность в числе наиболее значимых. После чего для каждой из шести бинарных ценностных переменных был проведён парный анализ с социально-демографическими показателями с целью выявления значимых статистических связей. Для анализа взаимосвязи социально-демографических характеристик с ключевыми ценностями использовался критерий хи-квадрат. При интерпретации результатов основное внимание уделялось выделению контрастных групп, в которых данная ценность значима в наибольшей или наименьшей степени.

При анализе ценности «Права и свободы человека» (см. табл. 2) были выявлены статистически значимые связи по критерию хи-квадрат с переменной «возраст» ($p < 0,001$), «наличие детей» ($p < 0,001$), «семейное положение» ($p = 0,004$), «субъективная оценка уровня доходов» ($p = 0,025$).

Таблица 2

Распределение значимости ценности «Права и свободы человека» по социально-демографическим группам

Характеристика	Категория	Доля выбравших, %
Возраст	18-24 года	59,6
	25-30 лет	47,3
	31-40 лет	47,8
	41-50 лет	41,3
	51-60 лет	36,7
	старше 60 лет	34,3

Окончание таблицы 2

Характеристика	Категория	Доля выбравших, %
Наличие детей	нет детей	52,8
	есть дети	40,0
Семейное положение	не состоят в браке	48,6
	состоят в браке	40,2
Уровень дохода	могут ни в чём себе не отказывать	32,3
	хватает на товары длительного пользования	47,7
	хватает на продукты и одежду	44,4
	хватает только на продукты	34,1

Источник: рассчитано автором на основе данных 55-го этапа мониторинга «Как живёшь, Россия?».

Наблюдается зависимость между возрастом и выбором данной ценности. Чем моложе респондент, тем права человека для него актуальнее и важнее. Так, 59,6% молодёжи (18–24 года) считают права человека ключевой ценностью. При этом только 34,3% пожилых респондентов (60+ лет) разделяют эту позицию. Наивысшая поддержка данной ценности осуществляется в группе тех, у кого денег достаточно для покупки большинства товаров длительного пользования (47,7%), а также тех, у кого денег достаточно для покупки продуктов и одежды, но не для крупных покупок (44,4%). Наименьшая поддержка характерна для групп, как с самыми низкими доходами («Денег хватает только на продукты») (33,3%), так и с самыми высокими доходами, которые могут ни в чём себе не отказывать (32,3%). Финансовая стабильность (отсутствие острой нужды) способствует признанию ценности прав человека, но высокие доходы не дают дальнейшего роста этой поддержки. Это может объясняться таким образом: когда достигается уровень дохода, обеспечивающий удовлетворение материальных потребностей, на первый план выходят нематериальные ценности. Для среднего класса права человека становятся важным инструментом защиты достигнутого благополучия и социальных позиций. В то же время, для групп с максимальными доходами универсальные правовые механизмы могут уступать по значимости индивидуальным стратегиям защиты интересов через личные связи и альтернативные каналы влияния.

Не состоящие в браке более активно выбирают переменную «права и свободы человека», чем семейные люди (48,6% против 40,2%). Также более характерен выбор этой ценности для бездетных респондентов, чем для имеющих детей (52,8% против 40,0%). Таким образом, можно сделать вывод о том, что ценность прав человека в контексте развития России в наибольшей степени разделяется молодыми несемейными и бездетными людьми с прочным финансовым положением. Это формирует социальный профиль групп с наибольшей выраженностью данной ценности в современном российском обществе.

При анализе ценности «Крепкая семья» (см. табл. 3) была выявлена статистически значимая связь по критерию хи-квадрат с переменными «пол» ($p = 0,017$), «семейное положение» ($p = 0,006$), «наличие детей» ($p < 0,001$).

Таблица 3

**Распределение значимости ценности «Крепкая семья»
по социально-демографическим группам**

Характеристика	Категория	Доля выбравших, %
Пол	Женщины	48,2
	Мужчины	41,5
Наличие детей	Есть дети	47,9
	Нет детей	35,5
Семейное положение	Состоят в браке	47,7
	Не состоят в браке	39,6

Источник: рассчитано автором на основе данных 55-го этапа мониторинга «Как живёшь, Россия?».

Женщины значимо чаще выбирают крепкую семью как ценность (48,2% среди выбравших), чем мужчины (41,5%). Респонденты в браке (официальном или гражданском) чаще выбирают «крепкую семью» (47,7%), чем те, кто не состоит в браке (39,6%). Респонденты с детьми значительно чаще выбирают «крепкую семью» (47,9% против 35,5% без детей). Крепкая семья как ценность для развития России наиболее значима для женщин, людей в браке и имеющих детей. Таким образом, «крепкая семья» — это ценность, сильнее всего разделяемая теми, кто уже реализовал себя в семейной жизни. Это указывает на то, что ценность семьи тесно связана с личным жизненным опытом и социальными ролями (родительство, супружество), а не с формальными статусами (образование, доход, профессия).

При анализе ценности «Справедливость» (см. табл. 4) была выявлена статистически значимая связь по критерию хи-квадрат с переменными «возраст» ($p = 0,001$), «наличие детей» ($p = 0,002$), «самооценка принадлежности к социальному классу» ($p < 0,001$).

Таблица 4

**Распределение значимости ценности «Справедливость»
по социально-демографическим группам**

Характеристика	Категория	Доля выбравших, %
Возраст	18-24 лет	48,2
	25-30 лет	38,7
	31-40 лет	43,1
	41-50 лет	35,7
	51-60 лет	54,4
	Старше 60 лет	39,7
Наличие детей	Есть дети	40,4
	Нет детей	50,5
Самооценка класса	К высшему классу	5,6
	К среднему классу	40,0
	К низшему классу	42,3
	Затрудняюсь ответить	65,3

Источник: рассчитано автором на основе данных 55-го этапа мониторинга «Как живёшь, Россия?».

В группе 51–60 лет доля выбравших справедливость — 54,4%, что выше среднего значения. В группе 41–50 лет, наоборот, доля выбравших справедливость (35,7%) почти в два раза меньше, чем доля не выбравших её (64,3%). Среди респондентов без детей доля выбравших справедливость выше, чем среди респондентов, у которых есть дети (50,5% против 40,4%). Такой парадоксальный ответ может объясняться тем, что выявленная зависимость является отражением разных жизненных ситуаций и систем ценностей. Родители (особенно в активном возрасте) в своих ответах отражают прагматичную, семейно-ориентированную повестку, где непосредственные заботы о благополучии детей могут отодвигать абстрактную «справедливость» на второй план. Респонденты без детей чаще выражают идеологическую, общественно-ориентированную позицию, в которой справедливость выступает фундаментальным принципом идеального общественного устройства. Можно предположить, что именно жизненный контекст влияет на иерархию ценностей даже в ответах на высокоуровневые, идеологические вопросы. Среди респондентов, которые относят себя к высшему классу, значимо ниже доля выбирающих справедливость (5,6%), в то время, как среди затруднившихся при ответе на вопрос об определении своей принадлежности к социальному классу, наоборот, доля выбравших справедливость значимо выше (65,3%). Таким образом, ценность «справедливость» в контексте государственного развития в большей степени связана с определёнными возрастными группами, а также с людьми, не обременёнными родительскими обязанностями.

Анализ таблиц сопряжённости для переменной «Патриотизм и гражданственность» выявил, что ни одна из рассмотренных социально-демографических характеристик (род занятий, наличие детей, семейное положение, возраст, пол, образование, доход) не показывает статистически значимой связи ($p < 0,05$) с выбором патриотизма как ключевой ценности. Это означает, что патриотизм является универсальной, консолидирующей ценностью, которую в равной степени разделяют разные группы российского общества, независимо от их пола, возраста, социального статуса и материального положения. Этот вывод подтверждается результатами, полученными М. М. Назаровым, отмечающим, что поддержка идеи патриотизма распределена в различных группах населения более или менее равномерно, в отличие от других ценностей, имеющих выраженную социально-демографическую специфику [8].

Анализ таблиц сопряжённости для ценности «Единство народов России» (см. табл. 5) демонстрирует её дифференциацию по социально-демографическим признакам. Статистически значимые связи по критерию хи-квадрат обнаружены с рядом переменных: «род занятий» ($p < 0,001$), «наличие детей» ($p < 0,001$), «возраст» ($p < 0,001$), «образование» ($p < 0,001$) и «семейное положение» ($p = 0,028$).

В профессиональном аспекте наиболее яркие отклонения наблюдаются среди работников сферы услуг и торговли, где лишь 22,3% выбрали эту ценность. При этом инженерно-технические работники, наоборот, значимо чаще выбирали данную категорию — 55,2%. Возрастная динамика показывает чёткий тренд. В самой молодой группе (18–24 года) единство поддерживают только 24,6%, что контрастирует с группой старше 60 лет, где ценность разделяют 48,1% респондентов. Образовательный профиль выявляет последовательный рост значимости ценности с повышением уровня образования. Среди лиц со средним школьным образованием единство выбирают лишь 23,8%, тогда как среди обладателей высшего образования — уже 44,0%. Семейный статус и наличие детей

Таблица 5

**Распределение значимости ценности «Единство народов России»
по социально-демографическим группам**

Характеристика	Категория	Доля выбравших, %
Род занятий	Инженерно-технические работники	55,2
	Сотрудники органов охраны правопорядка	47,2
	Пенсионеры	45,9
	Военнослужащие	43,5
	Предприниматели	42,4
	Служащие	41,1
	Интеллигенты	40,5
	Безработные	40,5
	Домохозяйки	40,0
	Рабочие	35,7
	Крестьяне	33,3
	Руководители	33,3
	Студенты	29,9
	Работники сферы услуг, торговли	22,3
Наличие детей	Есть дети	41,2
	Нет детей	29,6
Семейное положение	Состоят в браке	40,6
	Не состоят в браке	34,3
Возраст	18-24 лет	24,6
	25-30 лет	38,7
	31-40 лет	33,6
	41-50 лет	41,3
	51-60 лет	38,6
	Старше 60 лет	48,1
Образование	Школьное образование (среднее общее и неполное среднее)	23,8
	Среднее профессиональное образование	37,5
	Высшее образование	44,0

Примечание: Категории внутри характеристики «род занятий» отсортированы по убыванию доли выбравших данную ценностью для наглядности.

Источник: рассчитано автором на основе данных 55-го этапа мониторинга «Как живёшь, Россия?».

также являются значимыми факторами. Среди состоящих в браке ценность разделяют 40,6%, а среди не состоящих — только 34,3%. Наличие детей усиливает эту тенденцию: среди родителей единство выбирают 41,2%, тогда как среди бездетных — лишь 29,6%. Таким образом, ценность единства в наибольшей степени разделяется группами, объективно заинтересованными в социальной стабильности (старшее поколение) и преемственности (семейные респонденты с детьми).

Анализ ценности «Защита и служение Отечеству, ответственность за его судьбу» (см. табл. 6) выявил, что данная ценность оказалась одной из самых диф-

ференцированных, демонстрируя связи с ключевыми социально-демографическими факторами. Была выявлена статистически значимая связь по критерию хи-квадрат с переменными «пол» ($p = 0,001$), «род занятий» ($p < 0,001$), «возраст» ($p = 0,004$), «семейное положение» ($p = 0,007$), «наличие детей» ($p = 0,038$), «самооценка принадлежности к социальному классу» ($p = 0,001$).

Таблица 6

Распределение значимости ценности «Защита и служение Отечеству, ответственность за его судьбу» по социально-демографическим группам

Характеристика	Категория	Доля выбравших, %
Род занятий	Военнослужащие	55,6
	Домохозяйки	50,0
	Пенсионеры	49,5
	Инженерно-технические работники	46,0
	Руководители	44,4
	Предприниматели	44,1
	Сотрудники органов охраны правопорядка	40,0
	Рабочие	38,3
	Работники сферы услуг, торговли	37,7
	Служащие	34,9
	Интеллигенты	34,5
	Безработные	23,8
	Студенты	20,8
	Крестьяне	8,3
Наличие детей	Есть дети	40,5
	Нет детей	33,9
Семейное положение	Состоят в браке	41,5
	Не состоят в браке	33,8
Возраст	18-24 лет	27,2
	25-30 лет	38,7
	31-40 лет	35,7
	41-50 лет	41,0
	51-60 лет	37,2
	Старше 60 лет	48,1
Пол	Мужской	43,6
	Женский	34,6
Самооценка класса	Высший класс	61,1
	Средний класс	41,6
	Низший класс	31,6
	Затрудняюсь ответить	29,3

Примечание: Категории внутри характеристики «род занятий» отсортированы по убыванию доли выбравших данную ценность для наглядности.

Источник: рассчитано автором на основе данных 55-го этапа мониторинга «Как живёшь, Россия?».

Наблюдается заметное различие между полами. 43,6% мужчин выбирает данную ценность, а женщин только 34,6%. Анализ по роду занятия показывает, что наибольшая поддержка ценности наблюдается среди военнослужащих (55,6%), домохозяек (50,0%) и пенсионеров (49,5%). Также относительно высокие показатели демонстрируют руководители (44,4%), предприниматели (44,1%) и инженерно-технические работники (46,0%). Молодёжь (18–24 года) значительно реже выбирает эту ценность (27,2%), в то время, как респонденты старше 60 лет, напротив, активнее выбирают её — 48,1%. Это поколение, воспитанное в традициях советского патриотизма и прошедшее через опыт «холодной войны». Респонденты, состоящие в браке, чаще выбирают эту ценность (41,5%) против 33,8% не состоящих в браке. Это перекликается с идеей ответственности за семью как малую родину и за страну как большую. Респонденты с детьми чаще выбирают ценность защиты Отечества (40,5% против 33,9% бездетных). Это отражает мотив защиты будущего своих детей и ответственности за судьбу страны, в которой они будут жить. Таким образом, «Защита Отечества» — ценность долга и идентичности. В отличие от универсального «Патриотизма», это более активная и обязывающая ценность, связанная с личной ответственностью и готовностью к служению. Её отличает сильная возрастная специфика. Эта ценность находит более широкую поддержку среди поколения, чьё мировоззрение формировалось в советский период. Для некоторых профессий (военные) эта ценность является не только личным убеждением, но и частью профессиональной этики и корпоративной культуры. Выбор этой ценности демонстрирует связь с традиционным семейным укладом (брак, дети), что указывает на её связь с ценностями преемственности, защиты и ответственности за будущее поколение. Таким образом, «Защита Отечества» — это конкретная и деятельная установка, более характерная для определённых социально-демографических групп, в первую очередь, для мужчин, людей старшего возраста, имеющих семью и связанных с военной службой.

Проведённый анализ продемонстрировал, что значимость ценностей связана с социальными характеристиками. Патриотизм и гражданственность являются универсальными, консолидирующими ценностями, одинаково разделяемыми всеми социально-демографическими группами. В то же время, такие ценности, как права и свободы человека, в большей степени характерны для молодёжи и экономически устойчивых граждан. Ценность крепкой семьи сильнее всего выражена у тех, кто уже реализовал себя в семейной жизни — у женщин, людей в браке и имеющих детей. Напротив, значимость справедливости и единства народов России тесно связана с возрастом, наличием детей и родом занятий, демонстрируя раскол между поколенческими и профессиональными группами. Таким образом, иерархия ценностей формируется под влиянием личного жизненного опыта, социальных ролей и конкретного жизненного контекста человека.

Структура и динамика представлений о патриотизме в российском обществе. Эмпирический анализ подтвердил, что ценность «патриотизм» занимает одно из центральных мест в системе традиционных ценностей российского общества, и её высокий статус носит универсальный характер, не зависящий от социально-демографических факторов. Однако этот консенсус не означает единства в понимании содержания патриотизма. В этой связи возникает задача выявить конкретное содержание, вкладываемое в понятие «патриотизм» различными

группами респондентов, проверить гипотезу о существовании различных типов его восприятия, и, обнаружив их, построить типологию.

Анализ ответов на вопрос, что для респондентов сегодня означает слово «патриотизм» (см. табл. 7) позволяет на основе данных за 2004–2025 гг. выделить структуру и динамику представлений о патриотизме.

Таблица 7
Содержание понятия «патриотизм» в представлениях россиян, 2004–2025
(% от числа опрошенных)

Варианты ответов	2004	2022	2023	2024	2025
Любовь к Родине	63	73	73	80	73
Уважение к народу	–	35	41	44	50
Любовь к своей семье, родным, близким	50	44	54	52	47
Стремление сделать жизнь в своей стране лучше	–	–	28	36	38
Любовь к родному городу, деревне, дому	42	44	35	43	32
Любовь к русской культуре	38	37	30	34	32
Готовность защитить Родину с оружием в руках	–	–	26	34	28
Стремление к социальной справедливости	19	17	15	17	19
Возрождение традиций российского государства	21	21	15	16	16
Готовность говорить открыто о проблемах своей страны	–	–	12	15	13
Возрождение традиций советского государства	10	13	9	9	10
Религиозная вера, которую я исповедую	7	5	5	5	4

Примечание: (–) – отсутствие позиции в инструментарии; сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько позиций.

Источник: Данные мониторинга «Как живёшь, Россия?» [7, с. 82].

«Любовь к Родине» была и остаётся смысловым ядром российского патриотизма. Её доля стабильно высока, а скачок до 80% в 2024 году с последующей стабилизацией на высоком уровне в 73% (2025) указывает на экзистенциальное усиление этой базовой связи в текущий период. Она отражает глубокое, порой слабо рефлекслируемое чувство принадлежности, которое обостряется в ответ на внешние вызовы и становится фундаментальным ответом на вопросы национальной идентичности и коллективного выживания. Такое разделение на эмоциональный компонент (любовь к Родине) и поведенческий (стремление улучшить жизнь в стране) согласуется с теоретической моделью патриотизма как ценности, разработанной Е. В. Селезневой, которая выделяет в его структуре эмоциональный аспект (любовь к Отечеству) и поведенческий (служение ему) [9].

Сопутствующими элементами ядра представлений о патриотизме выступают устойчивые характеристики, демонстрирующие относительную стабильность или выраженный рост. Ключевым элементом выступает «Любовь к своей семье, родным, близким», которую разделяет в разные годы от 44% до 54% опрошенных. Это показывает, что люди понимают патриотизм как чувство, которое начинается с верности и заботы о своих близких. Так в повседневной жизни

проявляется важная черта нашей идентичности — общинность, то есть ценность жизни в кругу «своих». Другим значимым компонентом является «Уважение к своему народу», поддержка которого продемонстрировала существенный рост с 35% до 50%. Увеличение доли этих ответов показывает растущую потребность в осознании культурного своеобразия и в укреплении солидарности между людьми. Таким образом, можно заключить, что культурный код патриотизма в российском обществе в большей степени основан на глубокой аффективной связи со страной и своей общностью.

Кроме того, отмечается рост значимости патриотизма как активной социальной позиции. «Стремление сделать жизнь в своей стране лучше» демонстрирует рост с 28% до 38%. Этот рост отражает формирование созидательной, гражданской составляющей. Данная динамика может быть интерпретирована в рамках теоретического различия двух типов патриотизма, на которое указывает В. В. Маленков [10].

Тот факт, что лишь 13% респондентов считают допустимой открытую публичную критику, отражает особенность российского восприятия патриотизма. В сложившейся системе взглядов лояльность и поддержка страны часто видятся как противоположность публичной критике, которая может ассоциироваться с отчуждением, а не с заботой об улучшениях. Государственно-идеологические конструкции («Возрождение традиций российского государства» — 16%, «Возрождение традиций советского государства» — 10%) также находятся на периферии.

Культурный код патриотизма в современном российском обществе основан на прочной эмоциональной связи с Родиной и своей общностью («мы»), которая проявляется в любви к стране, семье и народу. Эта связь все чаще дополняется установкой на активное созидание и защиту, в то время как рационально-критическое и идеологическое измерения остаются для него второстепенными.

Типология патриотических установок. Анализ трёхкластерной модели, полученной методом TwoStep Cluster Analysis, позволил выявить типологию патриотических установок в исследуемой выборке. Входными переменными выступили 12 бинарных индикаторов, отражающих различные аспекты патриотизма. Анализ показал, что оптимальным является трёхкластерное решение, что подтверждается минимальным значением Байесовского информационного критерия ($BIC = 14840,1$), а также наибольшим отношением мер расстояния (1,393) при переходе от двух к трём кластерам, что указывает на существенное улучшение качества группировки. Распределение респондентов по кластерам является сбалансированным (46,1%; 26,0%; 27,9%), а профили кластеров — содержательно интерпретируемыми, что подтверждает адекватность модели.

Кластер 1, получивший условное название «Лояльные традиционалисты» (46,1% от общей выборки) включает 53,5% всех выбравших любовь к Родине, 71,9% всех ориентированных на русскую культуру и 53,7% всех, для кого патриотизм связан с любовью к семье, родным и близким. Данный кластер концентрирует значительную часть сторонников традиционалистской повестки: на его долю приходится 52,4% всех респондентов, поддерживающих возрождение традиций российского государства. При этом кластер характеризуется выраженной пассивной позицией: в нём сосредоточено лишь 1,1% всех готовых к защите Родины с оружием и 8,8% всех респондентов, готовых открыто говорить о проблемах. Представители данного кластера демонстрируют лояльность к государ-

ству и культурным традициям, но избегают активных действий и критической рефлексии. Их патриотизм можно охарактеризовать как «традиционный».

Кластер 2, получивший условное название «Патриоты-защитники» (26,0% от общей выборки), объединяет подавляющее большинство респондентов, для которых ключевой составляющей патриотизма является готовность к вооружённой защите Родины: на его долю приходится 92,3% всех готовых защищать Родину с оружием в руках. При этом кластер характеризуется умеренным традиционализмом: включает 29,7% всех выбравших любовь к Родине, 21,1% всех ориентированных на русскую культуру, а также характеризуется низкой социальной активностью — объединяет лишь 20,4% всех стремящихся к улучшению жизни и 24,0% всех склонных к критике. Таким образом, для представителей данного кластера характерен патриотизм, для которого ключевой ценностью является готовность к жертвенности и защите. Представители этого кластера воспринимают патриотизм в первую очередь как долг, а не как эмоциональную привязанность или основу для критической позиции.

Кластер 3, условно названный «Критические активисты» (27,9% от общей выборки), концентрирует большинство респондентов с выраженной гражданской активностью: на его долю приходится 67,3% всех готовых открыто говорить о проблемах и 58,3% всех стремящихся сделать жизнь в стране лучше. При этом данный кластер демонстрирует слабую связь с традиционными ценностями: он включает лишь 16,8% всех выбравших любовь к Родине и 7,0% всех ориентированных на русскую культуру. Также кластер характеризуется повышенным вниманием к социальной справедливости, объединяя 46,5% всех респондентов, выбирающих эту характеристику. Патриотизм этого кластера можно охарактеризовать как гражданский и рефлексивный, направленный на конструктивную критику ситуации в стране и на этой основе на преобразование жизни в лучшую сторону.

Основные водоразделы между кластерами проходят по двум осям. Под «осями» понимаются два ключевых противопоставления, которые наиболее чётко разделяют все три кластера. Первая ось «Лояльность–Критика» описывает степень критичности по отношению к текущей ситуации. На ней Кластер 1 («Лояльные традиционалисты») занимает полюс лояльности, Кластер 3 («Критические активисты») — полюс критики, а Кластер 2 («Патриоты-защитники») демонстрирует промежуточную, умеренную позицию. Вторая ось «Направленность активности» противопоставляет активность, ориентированную на защиту страны (Кластер 2), и активность, направленную на её внутреннее развитие и критику (Кластер 3). Кластер 1 («Лояльные традиционалисты») занимает на этой оси позицию, для которой характерна выраженная ориентация на ценностно-символическую идентификацию при минимальной значимости какой-либо деятельностной активности. Полученная типология отражает важные противоречия, существующие в современном общественном сознании. Во-первых, конфликт между безусловной лояльностью и критической вовлечённостью. Во-вторых, различие между эмоциональной привязанностью и гражданской ответственностью. В-третьих, противоречие между традиционными ценностями и ориентацией на изменения.

Для выявления статистически значимых связей между типами патриотизма и ключевыми социально-демографическими характеристиками был проведён анализ таблиц сопряжённости (см. табл. 8). Были выявлены статистически значимые связи ($p\text{-value} < 0,05$) по критерию хи-квадрат с такими переменными, как «род занятий» ($p < 0,001$), «пол» ($p = 0,004$), «тип поселения» ($p < 0,001$), «религия» ($p < 0,001$).

Таблица 8

Социально-демографические профили кластеров патриотизма (%)

Параметр	Характеристика	Кластер 1 Лояльные традициона- листы (n=599)	Кластер 2 Патрио- ты-защит- ники (n=338)	Кластер 3 Критические активисты (n=363)	Среднее по выбор- ке
Тип поселе- ния	Мегалополисы	12,5	7,4	18,7	12,9
	Областные центры	32,4	36,4	27,3	32,0
	Районные центры	28,7	21,9	27,0	26,5
	ПГТ	6,7	5,3	10,7	7,5
	Село	19,7	29,0	16,3	21,2
Пол	Мужской	46,6	55,0	43,0	47,8
	Женский	53,4	45,0	57,0	52,2
Род занятий	Работники сферы услуг	11,7	12,4	17,4	13,5
	Служащие	13,5	10,9	7,7	11,2
	Интеллигенты	11,5	8,3	14,0	11,4
	Военнослужащие	2,2	5,6	1,1	2,8
	Сотрудники правопо- рядка	1,5	1,8	0,0	1,2
	Студенты	5,3	4,1	8,5	5,9
Религия	Православие	73,6	79,6	62,5	72,1
	Неверующий	14,7	8,6	17,1	13,8
	Верю в сверхъесте- ственное	6,3	6,8	14,3	8,7

Примечание: В таблице представлены только те социально-демографические характеристики, которые демонстрируют статистически значимые различия между кластерами ($p < 0,05$). Не включены переменные, где распределение по кластерам не отличалось от средних значений по выборке: возраст, образование, доход, а также профессиональные группы без значимых отклонений (рабочие, крестьяне, инженерно-технические работники, руководители, предприниматели, пенсионеры, домохозяйки, безработные).

Выделение цветом отражает направленность отклонений: зелёный — значимое превышение процента в кластере над средним по выборке, красный — значимое снижение процента.

Источник: рассчитано автором на основе данных 55-го этапа мониторинга «Как живёшь, Россия?».

Анализируя социально-демографические характеристики кластеров, мы видим, что среди респондентов, относящихся к Кластеру 1, доля проживающих в сельской местности составляет 19,7%, а в областных центрах — 32,4%. Эти показатели выше, чем в других кластерах.

Среди респондентов Кластера 2 доля проживающих в сельской местности составляет 29,0%, что превышает средний показатель по выборке (19,7%), а доля жителей мегалополисов, напротив, минимальна (7,4%). Это единственный кластер с преобладанием мужчин (55,0%). Также в нём сосредоточена наибольшая доля военнослужащих (5,6%) по сравнению с другими кластерами.

Кластер 3 заметно отличается от других по своему территориальному профилю: доля жителей мегалополисов в нём составляет 18,7% (при среднем значении 12,9%), а доля жителей ПГТ — 10,7%. Этот кластер демонстрирует наибольший отход от традиционной религии, о чём свидетельствует максимальная среди остальных кластеров доля неверующих (17,1%) и респондентов, верящих в «сверхъестественные силы» (14,3%). В профессиональном разрезе здесь наиболее высока доля работников сферы услуг (17,4%), интеллигенции (14,0%)

и студентов (8,5%) по сравнению с другими кластерами. Среди респондентов кластера также заметно преобладают женщины (57,0%).

Данные свидетельствуют о территориальной дифференциации патриотических установок. Традиционный патриотизм доминирует в провинции, в то время как критический активизм более характерен для крупных городов. Мужчины чаще выражают приверженность оборонительному патриотизму, в то время как женщины тяготеют к критически-активной и традиционно-лояльной позициям. Православие в наибольшей степени характерно для «лояльных традиционалистов» и «патриотов-защитников», тогда как «критическим активистам» чаще свойственны атеизм и приверженность нетрадиционным для России верованиям. Силловые структуры воспроизводят «защитников», в то время как сфера услуг, интеллигенция, студенчество и мегаполисы — «критиков». Наши данные не подтверждают данные, полученные Е. Б. Шестопал, согласно которым водораздел в восприятии патриотизма проходит по возрастной линии. Она отмечает, что патриотизм молодых «наполнен иными, чем у старших когорт, индивидуалистическими смыслами. Они не про “служить”, “защитить” или “трудиться” для страны, они про себя и свои чувства» [11]. Однако наш анализ не выявил статистически значимые связи между возрастом и типом патриотизма. Также зафиксированное отсутствие связи с образованием и доходом даёт возможность предположить, что выявленные типы патриотизма не являются прямым следствием социально-экономического статуса.

Проведённый анализ выявил в современном российском обществе три чётко различимых типа патриотизма, которые образуются на пересечении двух основных ценностных осей. Полученная типология имеет пересечение с данными, полученными в ряде других современных исследований, фиксирующих неоднородность патриотического сознания. Так, И. А. Газиева на студенческой выборке, используя факторный и кластерный анализ, выделила три принципиально различных группы по шкале отношения к патриотизму как ценности: «социальных гуманистов» (46,3%), положительно оценивающих патриотизм и родственные ему ценности, «социальных индивидуалистов» (28,4%), занимающих негативную позицию, и «социально неопределившихся» (25,3%) с нейтральными установками [12]. Эта типология также фиксирует трёхчастное деление патриотического сознания, что подтверждает его структурную неоднородность. Более дробная типология В. В. Маленкова, выстроенная на основе кластерного анализа восприятия патриотизма молодёжью, включает шесть типов, в числе которых, однако, чётко прослеживаются ключевые полюса, выявленные в нашем исследовании: лояльно-традиционный, защитный и критико-созидательный [10]. Эмпирическое исследование И. М. Кузнецова в регионах России также подтвердило наличие трёх ключевых латентных структур в восприятии патриотизма — «конструктивного», «умеренного» и «охранительного» [13]. Результаты лонгитюдного исследования Я. Ю. Шашковой и С. Ю. Асеева, выявившие пять устойчивых кластеров патриотизма среди старшеклассников Сибири («слепой созерцательный», «слепой деятельностный», «конструктивный созерцательный», «конструктивный деятельностный» и «неопределившиеся»), также подтверждают универсальность базового деления на лояльно-традиционный, деятельностно-защитный и критико-конструктивный типы патриотизма [14]. При этом конфигурация этих установок в целостные профили демонстрирует вариативность, обусловленную как различиями в инструментарии исследований, так и спецификой изучаемых групп (молодёжь vs взрослое население).

Каждый тип патриотизма имеет определённую социально-демографическую привязку, что указывает на глубокий раскол в общественном сознании. Патриотизм представляет собой разнородный комплекс установок, где сталкиваются разные понимания долга перед страной: от безусловной лояльности и готовности к защите до критической вовлечённости и стремления к изменениям. Эти различия обусловлены не столько экономическим статусом, сколько ценностными ориентациями и социальной средой.

Заключение. Результаты свидетельствуют о наличии в российском обществе устойчивого, но структурно сложного и динамичного ценностного ядра. Эмпирическая верификация подтвердила, что традиционные ценности в современном российском контексте претерпевают заметную трансформацию, смещая акцент в сторону государственности и гражданской солидарности. На первый план выходят патриотизм, справедливость и единство народов России, в то время как значимость личностно-ориентированных ценностей (таких как права и свободы человека, крепкая семья) и духовных приоритетов (милосердие, приоритет духовного над материальным) демонстрирует тенденцию к снижению, что свидетельствует о прагматизации общественного сознания в условиях текущих вызовов.

Проведённое исследование выявило сложную, фрагментированную природу патриотизма в условиях противоречий, а кластерный анализ позволил выделить три типа патриотических установок: «Лояльные традиционалисты» (46,1%), чей патриотизм основан на эмоциональной связи с Родиной и культурой, но носит пассивный, декларативный характер; «Патриоты-защитники» (26,0%), для которых патриотизм — это прежде всего готовность к жертвенной защите страны; «Критические активисты» (27,9%), понимающие патриотизм как ответственность за улучшение страны через открытую критику и активные действия.

Большинство ценностных предпочтений россиян тесно связаны с социально-демографическими факторами: так, права и свободы человека наиболее значимы для молодёжи, не обременённой семьёй, а ценность крепкой семьи — для тех, кто уже реализовал себя в семейной жизни. При этом такие ценности, как «патриотизм и гражданственность», демонстрируют универсальность, не имея статистически значимой связи с ключевыми социально-демографическими факторами, что подчёркивает их роль консолидирующего начала.

В итоге, неоднородность ценностного ядра и наличие системных противоречий по ключевым ценностным осям создают сложную задачу для формирования общественного согласия и культурно-ценностного единства нации. Это требует от государственной культурной политики гибкого и дифференцированного подхода, который учитывал бы разнородные ценностные запросы и социальные профили различных групп российского общества.

Библиографический список

1. Аникеева Т. Я., Матвеева Л. В., Мочалова Ю. В. Ценностно-смысловые коды внутрикультурных представлений и проблема цивилизационной и культурной идентичности // Человек в информационном пространстве : Сб. научных статей XVI Всероссийской с международным участием междисциплинарной научно-практической конф. (Ярославль, 15-17.11.2018). Ярославль : ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2019. С. 359–365. EDN [LNRHNM](#).
2. Парсонс Т. Система современных обществ. М. : Аспект Пресс, 1997. 270 с.
3. Александер Д. Аналитические дебаты: Понимание относительной автономии культуры // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6, № 1. С. 17–37. EDN [JWURSD](#).

4. Бурдые П. Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. 2005. Т. 6, № 3. С. 25–48. EDN [OYOBXD](#).
5. Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Национальный культурный код: морально-нравственный аспект // Вестник Института социологии. 2025. Т. 16, № 3. С. 87–119. DOI [10.19181/vis.2025.16.3.6](#). EDN [YPEACQ](#).
6. Иванов В. Н., Левашов В. К., Сергеев В. К. Москва. Россия. Русский мир : социологические очерки. М. : НИЦ «Академика», 2012. 486 с. EDN [QOOJSN](#).
7. Какживешь, Россия? Экспресс-информация. 55 этап всероссийского социологического мониторинга, май 2025 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2025. 106 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025](#). EDN [ERLAQU](#).
8. Назаров М. М. К вопросу о политико-идеологических представлениях россиян // Власть. 2014. № 5. С. 65–70. EDN [SEMQTF](#).
9. Селезнева Е. В. Патриотизм в структуре ценностей государственных служащих // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2023. Т. 9, № 4. С. 67–82. DOI [10.18413/2313-8971-2023-9-4-0-6](#). EDN [WPSGEO](#).
10. Маленков В. В. Образ патриотизма и гражданско-патриотические ориентации молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, № 1. С. 60–65. DOI [10.18500/1818-9601-2022-22-1-60-65](#). EDN [RUVWWO](#).
11. Шестопал Е. Б. Глубинная трансформация ценностных и идентификационных матриц российского общества: размышления над итогами круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2023. Т. 1, № 6. С. 7–30. DOI [10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-6-7-30](#). EDN [CTHELM](#).
12. Газиева И. А. Патриотизм как социальная ценность: восприятие студенческой молодежи // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 1. С. 142–169. DOI [10.19181/snsp.2025.13.1.7](#). EDN [LBVCUJ](#).
13. Кузнецов И. М. Вариативность дискурсов патриотизма в повседневном сознании россиян // Власть. 2016. Т. 24, № 7. С. 164–171. EDN [WHYIML](#).
14. Шашкова Я. Ю., Асеев С. Ю. Динамика модели патриотизма в сознании старших школьников регионов Сибири в условиях изменения геополитической ситуации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 19, № 3. С. 431–445. DOI [10.21638/spbu23.2023.305](#). EDN [AJOLFT](#).

Поступила: 15.09.2025. Принята: 21.10.2025.

Сведения об авторе:

Лиханова Тамара Юрьевна, младший научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

likhanova@ispi.ru

Author ID РИНЦ: [1190059](#); ORCID: [0009-0008-8979-6522](#)

T. Yu. Likhanova¹

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia

DYNAMICS OF TRADITIONAL VALUES AND THE TYPOLOGY OF PATRIOTISM IN MODERN RUSSIA

Abstract. The article aims at empirically verifying the structure of the cultural code of contemporary Russian society through an analysis of the dynamics of traditional values and the typology of patriotic orientations. The empirical basis of the study comprises data from the 55th wave of the nationwide sociological monitoring survey “How Are You, Russia?”, conducted in May–June 2025 (N=1300, quota representative sample). Using methods of comparative analysis and cluster analysis (TwoStep Cluster Analysis), a shift in the hierarchy of values has been identified: patriotism, justice, and the unity of peoples have come to the fore, while the significance of individually oriented and several other fundamental values (creative labor, collectivism, the priority of the spiritual over the material) shows a declining trend. Cluster analysis has identified three types of patriotism: “Loyal Traditionalists” (46,1%)

with passive emotional attachment to the Motherland; “Patriot-Defenders” (26,0%) with pronounced readiness for armed defense of the country; and “Critical Activists” (27,9%), who understand patriotism as civic responsibility for improving the country through open criticism. Each type possesses a distinct socio-demographic profile, indicating structural diversity within the value core and highlighting the role of respondents’ life experiences and social roles in shaping value orientations. The study concludes that the identified value heterogeneity must be taken into account when designing measures of state cultural policy aimed at strengthening civic solidarity and societal consolidation.

Keywords: cultural code, traditional values, patriotism, value transformation, civil solidarity, societal consolidation

For citation: Likhanova T. Yu. Dynamics of traditional values and the typology of patriotism in modern Russia. *Science. Culture. Society*. 2025;31(4):85–104. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.6>

Acknowledgements: This work is supported by the Russian Science Foundation, project 23-18-00438, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00438/>

References

1. Anikeeva T. Ya., Matveeva L. V., Mochalova Yu. V. Value-semantic codes of intra cultural representations and the problem of civilizational and cultural identity. In: Man in the information space: col. of scientific articles of the XVI All-Russian Interdisciplinary Scientific and Practical Conference with International participation (Yaroslavl, 15-17.11.2018). Yaroslavl: K.D. Ushinsky YaGPU; 2019. P. 359–365. (In Russ.).
2. Parsons T. The system of modern societies. Moscow: Aspekt Press; 1997. (In Russ.).
3. Alexander J. Introduction: Understanding the “Relative Autonomy” of Culture. *Russian Sociological Review*. 2007;6(1):17–37. (In Russ.).
4. Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. *Journal of Economic Sociology*. 2005;6(3):25–48. (In Russ.).
5. Tikhonova N. E., Karavay A. V. National Cultural Code: Moral and Ethical Aspects. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025;16.(3):87–119. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2025.16.3.6](https://doi.org/10.19181/vis.2025.16.3.6).
6. Ivanov V. N., Levashov V. K., Sergeyev V. K. Moscow. Russia. Russian world: sociological essays. Moscow: Akademika Publ.; 2012. (In Russ.).
7. Levashov V. K., Velikaya N. M., Shushpanova I. S. [et al.]. How are you, Russia? Express information. 55th stage of the All-Russian sociological monitoring, May 2025. Moscow: FCTAS RAS; 2025. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025).
8. Nazarov M. M. On Political and Ideological Views of Russians. *Vlast' (The Authority)*. 2015;22(5):65–70. (In Russ.).
9. Selezneva E. V. Patriotism in the structure of values of civil servants. *Research result. Pedagogy and Psychology of Education*. 2023;9(4):67–82. (In Russ.). DOI [10.18413/2313-8971-2023-9-4-0-6](https://doi.org/10.18413/2313-8971-2023-9-4-0-6).
10. Malenkov V. V. The image of patriotism and civil-patriotic orientations of youth. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2022;22(1):60–65. (In Russ.). DOI [10.18500/1818-9601-2022-22-1-60-65](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-60-65).
11. Shestopal E. B. Deep transformation of identification and value matrixes of Russian society: some thoughts after the roundtable. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*. 2023;1(6):7–30. (In Russ.). DOI [10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-6-7-30](https://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-6-7-30).
12. Gazieva I. A. Patriotism as a social value: the perception of student youth. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(1):142–169. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.1.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.1.7).
13. Kuznetsov I. M. Variability of Patriotism Discourses in Everyday Consciousness of Russians. *Vlast' (The Authority)*. 2016;24(7):164–171. (In Russ.).
14. Shashkova Ya. Yu., Aseev S. Yu. Dynamics of the model of patriotism in the minds of senior students in the regions of Siberia in the context of the changing geopolitical situation. *Political Expertise: POLITEX*, 2023;19(3):431–445. (In Russ.). DOI [10.21638/spbu23.2023.305](https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.305).

Received: 15.09.2025. Accepted: 21.10.2025.

Author information:

Tamara Yu. Likhanova, Junior researcher,
Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

likhanova@испи.рф

ORCID: [0009-0008-8979-6522](https://orcid.org/0009-0008-8979-6522)

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.4.7](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.7)
EDN [MWXTPE](https://www.edn.ru/MWXTPE)
УДК 328.1(430):329.1

Б. П. Гуселетов^{1,2}

¹ Институт Европы РАН. Москва, Россия

² Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

ИТОГИ ВНЕОЧЕРЕДНЫХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В ГЕРМАНИИ 2025: ПОБЕДИТЕЛИ И ПРОИГРАВШИЕ

Аннотация. В статье анализируются итоги внеочередных парламентских выборов в Германии, состоявшиеся 23 февраля 2025 г., на семь месяцев раньше запланированного срока, в результате развала правящей коалиции, в которую входили «Социал-демократическая партия», «Альянс 90/Зелёные» и «Свободная демократическая партия». Исследование направлено на выявление причин кризиса доверия к правящей коалиции, трансформации партийно-политической системы и электорального успеха оппозиционных сил. На основе количественного и качественного анализа результатов выборов, программных документов партий и вторичных социологических данных рассматриваются ключевые сдвиги в германской политике: крах поддержки «Социал-демократической партии», уход «Свободной демократической партии» из Бундестага, рост влияния «Альтернативы для Германии» и укрепление позиций «Левой партии». Особое внимание уделяется формированию нового правительства во главе с Ф. Мерцем (ХДС/ХСС) и его предполагаемой политике в области экономики, миграции и внешних отношений, включая позицию по российско-украинскому конфликту. В заключение делается вывод о вступлении Германии в период глубокой политической и экономической турбулентности, создающей предпосылки для дальнейшей поляризации партийного спектра.

Ключевые слова: Германия, Бундестаг, парламентские выборы, политические партии, коалиционное правительство, миграционная политика, российско-украинский конфликт

Для цитирования: Гуселетов Б. П. Итоги внеочередных парламентских выборов в Германии 2025: победители и проигравшие // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 4. С. 105–118. DOI [10.19181/nko.2025.31.4.7](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.7). EDN [MWXTPE](https://www.edn.ru/MWXTPE).

Введение. Германия, несомненно, является ведущим государством Евросоюза и в политическом, и в экономическом отношениях. В качестве парламентской республики она обладает устойчивой демократической системой, в которой результаты выборов в Бундестаг определяют состав правительства и задают векторы его внутренней и внешней политики. В этих условиях внеочередные парламентские выборы, состоявшиеся в феврале 2025 г., приобретают особую значимость: они не только отразили глубокие трансформации в германском обществе и партийной системе, но и заложили основы нового этапа политического развития страны и, по сути, всего Европейского союза.

Основная цель данной работы — проанализировать итоги этих выборов и позиции ведущих германских партий на фоне системного кризиса предыдущей коалиции. Для этого необходимо выполнить следующие задачи: реконструировать эволюцию партийно-политической системы Германии с 1949 по 2025 г.;

оценить причины и последствия развала правительственной коалиции СДПГ, СвДП и С90/3; проанализировать электоральные стратегии, программы и общественное восприятие ключевых партий, участвующих в выборах 2025 года и спрогнозировать возможные сценарии формирования нового правительства и их последствия для внутренней и внешней политики ФРГ.

Основой методологии исследования стал количественный и качественный анализ результатов парламентских выборов в Германии за период 1949–2025 гг., контент-анализ программных документов ведущих немецких партий, а также анализ ключевых материалов, связанных с деятельностью Бундестага. В работе использованы научные монографии и статьи российских и зарубежных учёных, посвящённые становлению и развитию послевоенной партийно-политической системы Германии.

Изучению этой проблематики посвящено немало работ. Известный советский и российский учёный Б. С. Орлов в фундаментальном труде «СДПГ: Идеиная борьба вокруг программных установок. 1945–1975 гг.» детально рассмотрел эволюцию одной из двух ведущих немецких партий во второй половине XX века [1]. В исследованиях известных немецких специалистов по партологии Й. Клейтерса [2], К. Лииса [3], Э. Тернера [4] был дан качественный анализ процесса становления института политических партий в Германии после 1945 г., включая особенности их развития в отдельных её землях. Особый интерес представляют труды сотрудников Центра германских исследований Института Европы РАН Е. П. Тимошенко, С. В. Погорельской, В. Б. Белова и др., посвящённые деятельности германских партий в первые два десятилетия XXI века [5; 6; 7; 8]. Необходимо также отметить работу российского исследователя Ф. Басова, в которой исследуется возникновение и институционализация новых партий, получивших представительство в Бундестаге: «Левой партии» (ЛП) и «Альтернатива для Германии» (АдГ) [9].

Вместе с тем следует отметить, что на момент подготовки материала ни в российской, ни в зарубежной научной литературе не опубликовано работ, посвящённых итогам парламентских выборов 2025 г.

Эволюция партийно-политической системы Германии (1949–2021). Партийно-политическая система Германии, сложившаяся после Второй мировой войны, претерпела за прошедшие 70 лет заметную эволюцию. Уже в первых демократических парламентских выборах, состоявшихся в 1949 г., участвовало 14 политических партий, представлявших весь спектр идейно-политических взглядов от радикальных националистов (Немецкая партия и Немецкая консервативная партия) до коммунистов (Коммунистическая партия Германии) [10, р. 762]. Для прохождения в Бундестаг партиям необходимо было преодолеть 5% барьер по крайней мере в одной из федеральных земель, либо обеспечить победу своего кандидата хотя бы в одном одномандатном округе. Хотя формальную победу на тех выборах одержала Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) во главе с К. Шумахером, правительство сформировал союз двух правоконсервативных партий — Христианско-демократический союз и Христианско-социальный союз (ХДС/ХСС) во главе с К. Аденауэром [11, р. 472].

В последующие десятилетия, несмотря на регулярность выборов (проводившихся обычно раз в четыре года, за исключением досрочных кампаний — в 1972, 1983, 1990 и 2005 гг.), число участвующих партий варьировалось от 6 до 46. По итогам выборов 1953 г. в Бундестаг прошли 6 партий: ХДС, ХСС, СДПГ,

Свободная демократическая партия (СвДП), Немецкая партия (НП) и Партия центра (ПЦ). В 1957 г. их осталось только 5, т.к. Партия центра не преодолела избирательный порог. А с 1961 по 1980 гг. в Бундестаге стабильно действовали только 4 основные партии: ХДС, ХСС, СДПГ и СвДП. Эти четыре силы попеременно формировали правительства, создавая разнообразные коалиции:

- ХДС/ХСС и СвДП (1953–1957, 1961–1966, 1983–1994, 2009–2013 гг.);
- ХДС/ХСС и СДПГ (1966–1969, 2005–2009, 2013–2021 гг.);
- СДПГ и СвДП (1969–1980 гг.).

С 1957 по 1961 гг. правительство страны второй раз в послевоенной истории сформировал союз ХДС/ХСС. Это подтверждает тезис о том, что в послевоенной Германии ведущие партии, несмотря на формальные идеологические различия, разделяли схожие взгляды по ключевым вопросам государственного устройства и внешнеэкономической ориентации.

Новый этап в развитии партийной системы начался в 1983 году, когда в Бундестаг впервые прошла партия «Зелёные», ставшая постоянным участником федеральной политики. В 1993 г. она объединилась с восточногерманским движением «Союз 90» и поменяла название на «Союз 90/Зелёные» (С90/З). С 1998 по 2005 гг. именно с этой партией СДПГ формировала правительство, реализуя курс, ориентированный на экологическую модернизацию и социальные реформы.

Ещё одним следствием объединения Германии стало появление в 1990 году в Бундестаге Партии демократического социализма (ПДС), сформированной на базе «Социалистической единой партии Германии» (СЕПГ), являвшейся правящей в ГДР. Первым председателем ПДС был Г. Гизи, занимавший пост руководителя в декабре 1989 г. В 2005 году партия была переименована в «Левую партию. ПДС», а в 2007 году окончательно оформилась под названием «Левая партия» (ЛП), под которым и существует по сей день.

Завершающим этапом трансформации партийной системы стало появление в 2013 году ультраправой и популистской партии «Альтернатива для Германии» (АдГ), основанной бывшими членами ХДС. Партия выступала за выход Германии из еврозоны и усиление борьбы с незаконной миграцией. В 2017 году АдГ оказалась представлена в Бундестаге и с тех пор сохраняет собственную фракцию в нижней палате германского парламента.

Итоги выборов 2021 года и кризис правительства О. Шольца. Германия является федеративной парламентской республикой. Главой государства выступает президент, избираемый на 5 лет (с правом переизбрания ещё на один срок) Федеральным собранием, которое состоит из депутатов Бундестага и равного им числа делегатов от земельных парламентов (ландтагов), избранных пропорционально размеру партийных фракций. Глава правительства — федеральный канцлер — утверждается Бундестагом по итогам парламентских выборов, проводимых не реже, чем раз в четыре года. Избирательная система Германии сочетает пропорциональное и мажоритарное начало. Половина мандатов в Бундестаге распределяется по одномандатным округам, другая — по общенациональным партийным спискам. Каждый избиратель имеет 2 голоса: один на национальном уровне за какую-либо партию, а второй за конкретного кандидата в избирательном округе. В парламент проходят партии, которые либо набрали не менее 5% голосов по партийным спискам, либо её кандидаты победили как минимум в трёх одномандатных округах. Количество мест, получаемых этими

партиями, пропорционально числу голосов, поданных за их списки, и исчисляется по методу Сент-Лагю [12].

26 сентября 2021 г. в Германии состоялись очередные парламентские выборы. В них участвовали 46 политических партий, 40 из которых выдвинули списки по крайней мере в одной из федеральных земель, а 6 — только кандидатов в одномандатных округах. В Бундестаг прошли семь партий [13]¹:

- **Социал-демократическая партия Германии (СДПГ)**, возглавляемая вице-канцлером и министром финансов О. Шольцем (член Партии европейских социалистов), получила 206 мандатов из 736;
- **блок ХДС/ХСС**, возглавляемый на выборах председателем ХДС А. Лашетом (депутат Бундестага с 2021 г. и бывший премьер-министр земли Северный Рейн-Вестфалия в 2018–2021 гг.). Обе партии блока — члены Европейской народной партии. Получили 197 мандатов.
- **«Союз 90/Зелёные» (С90/З)** во главе с сопредседателем А. Бербок (депутат Бундестага, член Европейской партии зелёных) — 118 мандатов;
- **Свободная демократическая партия (СвДП)**, член «Альянса либералов и демократов за Европу», во главе с председателем К. Линднером (депутат ландтага Северного Рейна-Вестфалии), завоевала 92 мандата.
- **«Альтернатива для Германии» (АдГ)**, списки которой возглавляли сопредседатели и лидеры фракции в Бундестаге А. Вайдель и Т. Хрушпала. Партия являлась членом европартии «Идентичность и Демократия» и получила 83 мандата;
- **Левая партия (ЛП)**, возглавляемая на выборах заместителем председателя партии, главой фракции в ландтаге земли Гессен Я. Висслер, и сопредседателем парламентской фракции в Бундестаге Д. Барчем. Партия является членом «Партии европейских левых» и получила 39 мандатов, несмотря на то, что по партийным спискам набрала 4,9% голосов, преодолев барьер благодаря победе трёх своих кандидатов в одномандатных округах.
- **Партия СЮШИ** набравшая всего 0,1% голосов, получила один мандат благодаря победе С. Шидлера — депутата со вторым датским гражданством — в одномандатном округе земли Шлезвиг-Гольштейн [14].

По итогам почти двухмесячных межпартийных переговоров было достигнуто соглашение о формировании коалиции в составе СДПГ, СвДП и «Зелёные». 23 ноября 2021 года коалиционный договор был подписан. Согласно ему федеральным канцлером стал О. Шольц, его заместителем и министром экономики и проблем климата — Р. Хабек (С90/З), а министром финансов — К. Линднер (СвДП). В программе коалиции были закреплены амбициозные цели для улучшения ситуации в стране. В их числе: развитие «зелёной» энергетики и ускоренный отказ к 2030 году от использования угля в энергетике; снижение возраста избирательного права до 16 лет; упрощение процедуры получения гражданства ФРГ; увеличение до €12 в час минимальной зарплаты [15].

Однако уже 27 февраля 2022 г., т.е. сразу после начала специальной военной операции России на Украине, Шольц предложил радикально пересмотреть внешнюю политику страны. Были провозглашены: полная смена отношений с Россией, поддержка Украины и укрепление обороноспособности страны.

¹ Bundestag election 2021 // Die Bundeswahlleiterin. URL: <https://www.bundeswahlleiterin.de/en/bundestagswahlen/2021/ergebnisse/bund-99.html> (accessed: 06.05.2025).

В июне Бундестаг утвердил создание специального фонда обороны в размере €100 млрд. Одновременно правительство приняло решение о полном отказе от покупки российских энергоносителей. Это решение, задуманное как попытка создать финансовые трудности для России, имело тяжёлые экономические последствия для самой Германии. Экономика, едва начавшая восстанавливаться после пандемийного спада 2020-2021 гг., вступила в затяжной кризис: за 2022 год ВВП страны вырос всего на 1,4%, не вернувшись даже к допандемийному уровню; в 2023 и 2024 годах последовала рецессия (спад на 0,3% и 0,2%, соответственно). По официальным прогнозам правительства на 2025 год, рост ВВП был пересмотрен вниз с 1,1% до 0,3%².

Отказ от российского газа и нефти спровоцировал энергетический кризис: в 2022 г. цены на топливо и электроэнергию выросли более чем на 30%. Кроме того, в 2023 г. были остановлены три последние атомные электростанции, что усугубило ситуацию в энергетике [16]. Ухудшение экономической ситуации, ставшее самой серьёзной проблемой страны, было связано с усилением процесса деиндустриализации. Правительство пыталось решить её сохраняя старую индустриальную модель и выдавая её за переход к «зелёной экономике». По данным Федерального статистического бюро, промышленное производство неуклонно сокращалось: на 0,3% в 2022 году, на 1,9% в 2023-м и на 4,5% в 2024-м. Из-за ослабления экономической конъюнктуры и роста конкуренции со стороны китайских фирм особенно пострадала ведущая отрасль промышленности Германии — автомобилестроение. Концерн Volkswagen объявил о планах по закрытию ряда заводов и увольнению десятков тысяч сотрудников, которые были частично пересмотрены лишь в конце 2024 года после массовых протестов рабочих³.

Несмотря на экономические трудности, в 2024 году правительство Шольца выполнило требование НАТО, доведя оборонные расходы до 2,12% ВВП. С 2022 г. Германия заняла второе место в мире после США по объёму военно-финансовой помощи Украине, выделив к февралю 2025 г. в совокупности €44 млрд. Она поставляла украинской армии РСЗО Mars II, ЗРК Patriot и Iris-T, танки Leopard, БМП Marder и боевые вертолёты Bo 105-E4. При этом Шольц отказался передавать Киеву крылатые ракеты Taurus с дальностью полёта 500 км.

Одновременно обострилась миграционная проблема. По данным МВД ФРГ, к концу 2024 г. страна приняла более 1,2 млн украинских беженцев, из которых только 300 тыс. устроились на работу, а более 700 тыс. получали пособие по безработице. В 2024 г. нелегальные мигранты осуществили ряд преступлений, сопровождавшихся гибелью граждан. По данным опроса Infratest Dimap почти 70% немцев требовали сократить приём беженцев в страну⁴.

Всё это привело к резкому ухудшению уровня жизни большинства населения. Инфляция в 2022 г. достигла 6,9% (при 3,1% в 2021 г.), а в 2023 г. снизилась лишь до 5,9%. К февралю 2024 г. доверие к правящей коалиции упало до исторического минимума: поддержка трёх правительственных партий (СДПГ,

² German government cuts 2025 growth projection to 0.3%, Handelsblatt says // Reuters. 24.01.2025. URL: <https://www.reuters.com/markets/europe/german-government-cuts-2025-growth-projection-03-handelsblatt-says-2025-01-24/> (accessed: 06.05.2025).

³ Reactions to Volkswagen labour chief warning of mass layoffs, plant closures in Germany // Reuters. 28.10.2024. URL: <https://www.reuters.com/business/autos-transportation/volkswagens-labour-chief-warns-mass-layoffs-plant-closures-germany-2024-10-28/> (accessed: 06.05.2025).

⁴ Наследие Шольца: стагнация, высокие цены и банкротства // РИА Новости. 22.02.2025. URL: <https://ria.ru/20250222/sholts-2000986757.html> (дата обращения: 06.05.2025).

С90/З и СвДП) составила лишь 32%, т.е. на 20 процентных пунктов ниже, чем на выборах 2021 г. Отметим сформировавшуюся убеждённость граждан Германии, что реальные политические решения формируются не под влиянием общественных интересов, а под давлением закулисных экономических акторов. Согласно социологическим данным, почти 78% жителей ФРГ считают, что лоббизм оказывает сильное или очень сильное влияние на политику ЕС, и более 77% оценивают это влияние как негативное [17]. Таким образом, причин кризиса легитимности правительства Шольца оказалось множество. К ним можно отнести рост дезориентации германского общества на фоне геополитических и социальных перемен; ухудшение экономической ситуации; общественный протест против излишнего увлечения «зелёными инициативами»; масштабные траты на помощь Украине, что поддерживалось далеко не всеми немцами⁵.

Ещё одним ударом для правительства Шольца стало решение Конституционного суда страны от 27 ноября 2023 г. Суд установил, что правительство дважды нарушило конституцию ФРГ, использовав кредитные линии не по назначению и переводя средства во внебюджетный фонд. Это вынудило правительство принять в разгар рецессии жёсткий антикризисный бюджет, включающий отмену субсидий на электромобили и дизельное топливо для сельского хозяйства, что вызвало массовые протесты фермеров⁶.

Неудачи последовали и на выборах. В июне 2024 г. на выборах депутатов Европарламента СДПГ, С90/З и СвДП набрали, соответственно, 13,9%, 11,9% и 5,2% голосов избирателей, что в сумме дало им 31%. При этом ХДС/ХСС получили 30% голосов, АдГ — 15,9%. Новая леворадикальная партия «Союз Сары Вагенкнехт — за разум и справедливость» (ССВ), образованная в январе 2024 года бывшим председателем ЛП С. Вагенкнехт, получила 6,2%, в то время как сама ЛП лишь 2,7% [18].

А в сентябре 2024 года коалиция в той или иной форме проиграла выборы в трёх восточных землях — Саксонии, Тюрингии и Бранденбурге (см. табл. 1). «Зелёные» потеряли представительство в ландтаге Саксонии, СвДП — в Саксонии и Тюрингии. В Бранденбурге СДПГ с большим трудом опередила АдГ и смогла сформировать коалицию с ССВ. АдГ заняла первое место в Тюрингии и второе в Саксонии и Бранденбурге, но ни в одной из этих земель не получила представительства в ландтаге, т.к. поскольку другие партии отказались заключать с ней коалиционное соглашение.

Партия ХДС на всех трёх выборах несколько ухудшила результат по сравнению с 2019 годом, тем не менее, она возглавила земельные правительства в Саксонии (в коалиции с СДПГ) и Тюрингии (в коалиции с СДПГ и ССВ), укрепив позицию ведущей оппозиционной силы на востоке страны.

Отличных результатов добилась новая партия «Союз Сары Вагенкнехт — за разум и справедливость», которая во всех трёх ландтагах заняла третье место и стала членом правящей коалиции Тюрингии. В то время как её основной оппонент Левая партия потеряла представительство ландтагах в Саксонии и Бранденбурга, а в Тюрингии скатилась с первого на четвёртое место.

⁵ Münchau W. Fall and decline of Olaf Scholz // EVROintelligence. 13.02.2024. URL: <https://www.eurointelligence.com/column/the-fall-and-decline-of-olaf-scholz> (accessed: 06.05.2025).

⁶ Кичемайкин К. Конституционный суд ФРГ поставил точку в финансовой системе Шольца // Gazeta.ru. 28.11.2023. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2023/11/28/21807073.shtml> (дата обращения: 06.05.2025).

Таблица 1

**Итоги выборов депутатов ландтагов Саксонии, Тюрингии и Бранденбурга 2024 г.
и их сравнение с результатами выборов 2019 г., % [19; 20]**

Партии	Саксония		Тюрингия		Бранденбург	
	01.09.2019	01.09.2024	27.10.2019	01.09.2024	01.09.2019	22.09.2024
ХДС	32,1	31,8	21,7	23,7	15,6	12,1
АдГ	27,5	30,8	23,4	32,9	23,5	29,2
ССВ	–	11,9	–	15,6	–	13,5
ЛП	10,4	4,5	31,0	13,0	10,7	3,0
СДПГ	7,7	7,3	8,2	6,1	26,2	30,9
С90/З	8,6	5,1	5,2	3,2	10,8	4,1
СвДП	4,5	0,9	5,0	1,1	4,1	0,8

Последней каплей стал бюджетный кризис. В октябре 2024 года вице-канцлер и сопредседатель партии «Союз 90/Зелёные» Р. Хабек предложил создать фонд поддержки корпоративных инвестиций, что нарушало ограничение структурного дефицита бюджета, который не должен превышать 0,35% ВВП. Министр финансов и председатель СВД К. Линднер не поддержал эту инициативу и предложил, наоборот, сократить налоги и расходы на климатическую политику. Представители СДПГ и «Зелёные» сочли это нарушением коалиционного соглашения.

В результате в ноябре 2024 года правительство Шольца не смогло утвердить в Бундестаге бюджет на 2025 г. Это привело к отставке К. Линднера и фактическому распаду правительственной коалиции. 16 декабря парламент выразил вотум недоверия правительству, а 27 декабря президент Германии Ф.-В. Штайнмайер распустил Бундестаг и назначил на 23 февраля 2025 г. досрочные выборы⁷.

Внеочередные парламентские выборы 2025 года. Внеочередные выборы в Бундестаг, назначенные на 23 февраля 2025 года, стали следствием глубокого политического кризиса, вызванного распадом правящей коалиции. 41 партия получила право участия в этих выборах, но только 29 смогли собрать необходимое число подписей избирателей, либо воспользоваться правом участвовать в них без сбора подписей. Эти партии выдвинули 229 земельных списков, из которых 64 были отклонены избирательными комиссиями. Кроме того, в одномандатных округах баллотировались 62 независимых кандидата⁸. Учитывая скоротечность избирательной кампании, все ведущие германские партии сделали ставку на лидеров своих списков, являющихся также кандидатами в федеральные канцлеры.

От блока **ХДС/ХСС** выступил председатель ХДС и руководитель парламентской фракции Ф. Мерц.

СДПГ вновь представлял действующий канцлер О. Шольц, хотя многие члены партии, включая бывшего её лидера З. Габриэля, настаивали на выдвижении министра обороны Б. Пистолиуса. Согласно данным опроса общественного

⁷ Marsh S., Rinke A. Germany faces snap election as Scholz's coalition crumbles // Reuters. 07.11.2024. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/germanys-awkward-coalition-faces-make-or-break-moment-2024-11-06/> (accessed: 06.05.2025).

⁸ 29 Parteien nehmen an der Bundestagswahl 2025 teil // Die Bundeswahlleiterin. 31.01.2025. URL: https://bundeswahlleiterin.de/info/presse/mitteilungen/bundestagswahl-2025/10_25_parteien-wahlteilnahme.html (accessed: 15.04.2025).

мнения, Писториус являлся наиболее популярным политиком ФРГ: 60% избирателей считали его наилучшим кандидатом, за Мерца высказались 42%, а за Шольца — лишь 21%⁹.

«Союз 90/Зелёные» выдвинула своим кандидатом Р. Хабек; СвДП — К. Линднера; АдГ — А. Вайдель, ЛП — сопредседателя Я. ван Акена и руководителя фракции в Бундестаге Х. Райхиннек; ССВ — С. Вагенкнехт.

Важнейшим элементом этой кампании стали телевизионные дебаты¹⁰. В первой теледуэли участвовали только Мерц и Шольц в формате ответов на вопросы журналистов. В последующих дебатах к ним присоединились Хабек и Вайдель, а вопросы задавали уже рядовые граждане, которых в основном интересовали вопросы миграционной политики и экономики.

Ф. Мерц основой своей программы сделал борьбу с нелегальной миграцией. Ее главными пунктами стали введение тотального контроля на границах, упрощение процедуры высылки и осуждение политики «открытых дверей» для мигрантов, провозглашённой бывшим лидером ХДС Ангелой Меркель. Та, в свою очередь, раскритиковала Мерца за антимигрантскую позицию.

О. Шольц неожиданно смягчил свою позицию по украинскому вопросу, заявив о намерении наложить вето на новый пакет военной помощи в размере €3 млрд. Это вызвало немедленную реакцию опровергшего подобное заявление Б. Писториуса, что лишь подчеркнуло раскол внутри СДПГ и ослабило её позиции.

Р. Хабек в качестве главного тезиса выдвинул предложение о поддержке мигрантов.

К. Линднер поддержал политику президента Аргентины Х. Милея, настаивающего на резком сокращении социальных расходов, и отверг участие его партии в новой правительственной коалиции, если в ней будет присутствовать О. Шольц.

Лидеры Левой партии заявили о возвращении к идеям демократического социализма, пытаясь тем самым дистанцироваться от ССВ.

С. Вагенкнехт основной упор сделала на вопросах миграции, экономики и урегулирования российско-украинского конфликта. Она заявила, что страна переживает тяжелейший экономический кризис из-за перенаправления ресурсов на военные цели и поддержку Украины в ущерб социальным нуждам. Она потребовала прекратить поставки вооружения Киеву и направить усилия на достижение перемирия. Также она призвала ограничить незаконную миграцию, которая сокращает бюджетные средства, выделенные на образование, культуру и здравоохранение.

Как и ожидалось уверенную победу на выборах одержал блок ХДС/ХСС. На второе место впервые в своей истории вышла партия АдГ. СДПГ и С90/З остались на третьем и четвёртом местах соответственно. Также прошла в Бундестаг ЛП, а вот ССВ и СвДП не смогли преодолеть 5% барьер и не будут иметь своих представителей в нижней палате парламента.

Явка составила 82,5%, что стало самым высоким показателем за всю послевоенную историю страны. Результаты выборов представлены в табл. 2.

⁹ Riesewieck F. Die SPD und die K-Frage: Pistorius vor Scholz // [Tagesschau.de](https://www.tagesschau.de/inland/deutschlandtrend/deutschlandtrend-3446.html). 21.11.2024. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/deutschlandtrend/deutschlandtrend-3446.html> (accessed: 06.05.2025).

¹⁰ Nienaber M., Delfs A. Scholz Fails to Land Decisive Blow in German Election TV Debate // Bloomberg. 10.02.2025. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-02-09/scholz-fails-to-land-decisive-blow-in-german-election-tv-debate> (accessed: 06.05.2025).

Таблица 2

Итоги внеочередных парламентских выборов в Германии, 23.02.2025

Партия	Итоги голосования по парт-спискам			Итоги голосования по одно-мандатным округам			Всего ДБ	Изме-нение по срав-нению с 2021 г.
	Голосов	%	Мест	Голосов	%	Мест	Мест	Мест
Блок ХДС/ХСС:	14 158 423	28,52	36	15 873 697	32,07	172	208	▲ 11
ХДС	11 194 700	22,55	36	12 601 967	25,46	128	164	▲ 12
ХСС	2 963 732	5,97	0	3 271 730	6,61	44	44	▼ 1
АдГ	10 327 148	20,80	110	10 175 438	20,56	42	152	▲ 69
СДПГ	8 148 284	16,41	76	9 934 614	20,07	44	120	▼ 86
С90/З	5 761 476	11,61	73	5 442 912	11,00	12	85	▼ 33
ЛП	4 355 382	8,77	58	3 932 584	7,94	6	64	▲ 25
ССВ	2 468 670	4,97	0	299 226	0,60	0	0	новая партия
СвДП	2 148 878	4,33	0	1 623 351	3,28	0	0	▼ 92
СЮШИ	76 126	0,15	1	58 773	0,12	0	1	0
Остальные	2 197 691	4,44	0	2 157 591	4,36	0	0	0
ИТОГО	49 927 315	100,00	354	49 927 315	100,00	276	630	▼ 106

Таким образом, победителями на выборах стали три оппозиционные партии:

- ХДС/ХСС, фракция которых увеличилась на 11 мандатов;
- АдГ, чья фракция выросла на 69 мандатов;
- Левая партия, у которой численность фракции выросла на 25 мандатов.
- А проигравшими оказались все три партии бывшей правящей коалиции:
- СДПГ показала наихудший результат за всю свою историю (–86 мандатов);
- С90/З сократили фракцию на 33 мандата;
- СвДП во второй раз потеряла представительство в Бундестаге.

Не смогла преодолеть 5% барьер и новая партия ССВ, потерпев поражение в электоральной дуэли с ЛП. Лидеры всех проигравших партий заявили, что уходят со своих постов.

Убедительный успех АдГ был обусловлен резонансной повесткой. Партия и её лидеры активно выступали за прекращение массовой миграции, особенно из мусульманских стран, угрожающих германской идентичности и уровню социальной поддержки коренного населения Германии. АдГ также выступала за традиционные семейные ценности, включая отказ от поддержки однополых браков. Партия также критически оценивала излишнее увлечение зелёной политикой, включая энергетический переход. И наконец, во внешней политике АдГ поддерживала Россию в конфликте с Украиной, критиковала НАТО за излишне антироссийскую позицию, а также призывала к укреплению экономического сотрудничества с Китаем¹¹.

¹¹ Schreiber M. Make Germany Great Again': Far-Right Party Could See Historic Gains in This Election. Here's Why // USNews. 13.02.2025. URL: <https://www.usnews.com/news/world/articles/2025-02-13/a-far-right-party-is-heading-for-its-strongest-result-yet-in-germanys-election-heres-what-to-know> (accessed: 06.05.2025).

Ну а неудача СДПГ была предопределена недовольством немцев результатами работы правительства Шольца. Тот факт, что партия вновь выдвинула его в качестве ведущего кандидата, окончательно лишил социал-демократов шансов даже на относительный успех на этих выборах.

Формирование нового германского правительства. Согласно Конституции ФРГ, новым федеральным канцлером должен стать Ф. Мерц, если он сформирует коалиционное правительство, которое получит поддержку Бундестага. В сложившейся после выборов ситуации у него оставался не очень широкий выбор, т.к. Мерц в ходе избирательной кампании полностью исключил сотрудничество с АдГ и ЛП. Со своей стороны, его партнёр по блоку, лидер баварского ХСС М. Зёдер заявил о невозможности вхождения С90/З в новое правительство. В результате у ХДС/ХСС оставался единственный вариант воссоздания большой коалиции с СДПГ (в сумме — 328 мандатов), что обеспечивало абсолютное большинство в Бундестаге. Но в таком случае у неё не будет двух третей голосов (420 мандатов), необходимых для принятия изменений в Конституцию.

Первым шагом на пути к созданию новой коалиции стало решение старого состава Бундестага принять пакет конституционных реформ, пока это ещё было возможно. Поправки позволяли правительству привлечь сотни миллиардов евро в виде новых займов для укрепления военной инфраструктуры и помощи Украине. Эти реформы выводили расходы на оборону выше 1% ВВП и помощь Украине из-под лимитов, связанных с конституционным ограничением госдолга. Кроме того, был утверждён спецфонд в размере €500 млрд для стимулирования национальной экономики, 20% которого, по требованию С90/З, будет направлено на борьбу с изменением климата. Одновременно были также смягчены правила заимствований для федеральных земель, что дало им возможность направить миллиарды евро на местные инфраструктурные проекты. ХДС/ХСС, СДПГ и С90/З поддерживали эти реформы, т.к. в новом составе Бундестага, который собрался на своё первое заседание 25 марта 2025 г., фракции АдГ и ЛП, выступающие против роста военных расходов, могли заблокировать любые изменения к конституции¹².

Однако сами коалиционные переговоры между ХДС/ХСС и СДПГ, начавшиеся 13 марта 2025 г. при участии 256 представителей сторон, разбитых на 16 рабочих групп, проходили очень напряжённо. Основные разногласия возникли вопросам миграция, налогообложения и социальных выплат. Ф. Мерц предложил лишить социальных выплат более 1 млн украинских мигрантов, отказывающихся от предлагаемой им работы, т.к. средств внебюджетного фонда не хватало для решения этой задачи. Эта инициатива вызвала недовольство со стороны СДПГ¹³.

По итогам переговоров была утверждена программа нового правительства, в которой предусматривалось снижение налога на электроэнергию до минимального европейского уровня, введение базового пособия вместо прежних разрозненных выплат, а также пресечение нелегальной иммиграции: При этом лидер СДПГ Л. Клингбайль подчеркнул, что основное право на убежище остаётся «неприкосновенным», — уступка социал-демократам, позволившая сохранить компромисс.

При распределении портфелей **СДПГ** получила в своё распоряжение 7 министерств: финансов, обороны, юстиции, строительства, развития, окружающей

¹² Emundts C. Tag der “historischen Entscheidungen” // Tagesschau.de. 18.03.2025. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/bundestag-abstimmung-grundgesetzanderung-100.html> (accessed: 06.05.2025).

¹³ Emundts C. Wie die Koalitionsverhandlungen ablaufen // Tagesschau.de. 13.03.2025. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/koalitionsverhandlungen-union-spd-100.html> (accessed: 06.05.2025).

среды и защиты климата, а также труда. Министром обороны остался Б. Писториус, а пост министра финансов и вице-канцлера занял сам Л. Клингбайль. ХДС/ХСС оставили за собой министерства внутренних дел (А. Добриндт, первый зам. председателя фракции ХДС/ХСС в Бундестаге в 2021–2025), иностранных дел (Й. Вадефуль, зам. председателя той же фракции в 2017–2025, сторонник поставок Украине крылатых ракет Taurus), а также экономики и энергетики (К. Райхе, генеральный директор Ассоциации муниципальных предприятий).

6 мая 2025 г. Бундестаг со второй попытки утвердил Фридриха Мерца новым федеральным канцлером. За него проголосовали 328 депутатов при необходимых 316. При первом голосовании он получил лишь 310 голосов, что создало первый прецедент в истории ФРГ, когда кандидату потребовалось два раунда для избрания¹⁴.

Скорее всего, новое правительство не внесёт принципиальных изменений в политику Германии в отношении России. Основными её элементами останутся продолжение санкционного давления и акцент на военном сдерживании. В то же время Берлин, вероятно, не будет настаивать на прямой конфронтации с Россией, а при определённых обстоятельствах, возможно, будет готов к восстановлению ограниченного гуманитарно-технического диалога, к чему его будут подталкивать представители бизнеса и правительства ряда федеральных земель, заинтересованных в стабилизации экономических связей [21].

Заключение. Прошедшие в феврале 2025 г. внеочередные парламентские выборы в ведущей стране Евросоюза — Германии, привели к радикальной смене правительства и изменениям в политической конфигурации Бундестага. Победу одержал консервативный блок ХДС/ХСС, который сформировал новое правительство в коалиции с СДПГ во главе с лидером ХДС Ф. Мерцем. Перед кабинетом Мерца стоят сложнейшие задачи оживления германской экономики, ослабленной рецессией и деиндустриализацией; укрепления обороноспособности страны на фоне продолжающегося конфликта на Украине; и сокращения нелегальной миграции, ставшей ключевым запросом электората; а также поддержки реформирования ЕС, объявленного председателем Еврокомиссии Урслой фон дер Ляйен, членом ХДС.

Ещё одним победителем этих выборов стала праворадикальная партия «Альтернатива для Германии» (АдГ), впервые занявшая второе место и утвердившаяся в качестве основной оппозиционной силы Германии. Партии «Зелёных» и СвДП, входившие в теперь уже бывшее правительство О. Шольца показали крайне низкие результаты, причём свободные демократы (СвДП) вообще потеряли представительство в Бундестаге. Социал-демократы (СДПГ), откатившиеся на третье место, тем не менее сохранили представительство в правительстве в качестве младшего партнёра. Однако, как показывает предыдущая история этой партии, такое положение, как правило, ведёт к дальнейшему ослаблению её электоральной и идеологической базы. Левая партия увеличила свою фракцию в Бундестаге в полтора раза, хотя и осталась самой малочисленной среди прошедших в парламент.

Очевидно, что Германия вступила в период серьёзной экономической и политической турбулентности. Нестабильность коалиции, рост влияния радикальных сил и сохраняющийся социальный запрос на перемены создают усло-

¹⁴ Steinlein J., Alipour N. Merz elected German chancellor after unprecedented second-round vote // Euractiv. 06.05.2025. URL: <https://www.euractiv.com/section/politics/news/merz-elected-german-chancellor-after-unprecedented-second-round-vote/> (accessed: 06.05.2025).

вия, при которых уже на следующих выборах возможна новая смена правительства, и в этом сценарии нельзя уже исключить участия АдГ.

В этих условиях российско-германские отношения вряд ли улучшатся в ближайшей перспективе, но и не станут заметно хуже. Хотя новое правительство, вероятно, не будет настаивать на прямой конфронтации и при определённых обстоятельствах может восстановить ограниченный гуманитарно-технический диалог, основой его политики останутся попытки санкционного давления и военного сдерживания. Для России это означает, что даже при смене германского руководства структурные ограничения двустороннего взаимодействия сохранятся.

Библиографический список

1. Орлов Б. С. СДПГ: идейная борьба вокруг программных установок, 1945-1975 гг. М. : Наука, 1980. 335 с.
2. Kleuters J. Reunification in West German Party Politics from Westbindung to Ostpolitik. UK : Palgrave Macmillan, 2012. 203 p. DOI [10.1057/9781137283689](https://doi.org/10.1057/9781137283689).
3. Lees C. Party Politics in Germany. UK : Palgrave Macmillan, 2005. 263 p. DOI [10.1057/9780230511477](https://doi.org/10.1057/9780230511477).
4. Turner E. Political Parties and Public Policy in the German Länder. UK : Palgrave Macmillan, 2011. 263 p. DOI [10.1057/9780230307940](https://doi.org/10.1057/9780230307940).
5. Белов В. Б. Партийно-политические процессы в Германии перед внеочередными выборами в бундстаг // Европейская аналитика 2024 : Сб. материалов // Под общ. ред. К. Н. Гусева. М. : ИЕ РАН, 2024. С. 72–93. DOI [10.15211/978-5-98163-226-6.08](https://doi.org/10.15211/978-5-98163-226-6.08).
6. Роль малых партий в партийно-политической системе Германии // Под ред. В. Б. Белова, Е. П. Тимошенко. М. : ИЕ РАН, 2015. 136 с. (Доклады Института Европы, № 314). EDN [ULCEVB](https://www.edn.ru/ULCEVB).
7. Погорельская С. В. Германские левые — между национальным избирателем и европейской парадигмой // Выборы в Европарламент — 2019: национальные ответы на дилеммы европейской интеграции. М. : ИМЭМО РАН, 2019. С. 75–78.
8. Тимошенко Е. П. Вызовы для партийно-политической системы: будущее народных партий // Германия. 2019 / Под ред. В. Б. Белова. М. : ИЕ РАН, 2020. С. 27–44. EDN [MQQBKT](https://www.edn.ru/MQQBKT).
9. Басов Ф. А. Трансформация партийной системы Германии // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 2. С. 29–36. DOI [10.20542/0131-2227-2021-65-2-29-36](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-2-29-36). EDN [ZIXLFS](https://www.edn.ru/ZIXLFS).
10. Nohlen D., Stöver P. Elections in Europe: A data handbook. Baden-Baden : Nomos, 2010. 2070 p.
11. Reynolds D. One World Divisible: A Global History since 1945. London : Penguin, 2010. 861 p.
12. Manow P. Electoral rules and legislative turnover: Evidence from Germany's mixed electoral system // West European Politics. 2007. Vol. 30, № 1. P. 195–207. DOI [10.1080/01402380601019852](https://doi.org/10.1080/01402380601019852).
13. Гуселетов Б. П. Общеευропейские партии в XXI веке: становление, развитие, перспективы. М. : ИЕ РАН, 2022. 196 с. (Доклады Института Европы, № 388). DOI [10.15211/report22022_388](https://doi.org/10.15211/report22022_388). EDN [JMTRKQ](https://www.edn.ru/JMTRKQ).
14. Deloy C. Le Parti social-démocrate (SPD) arrive en tête des élections, mais la prochaine coalition gouvernementale pourrait être difficile à former // Robert Schuman foundation. 27.09.2021. URL: <https://www.robert-schuman.eu/fr/observatoire/1894-le-parti-social-democrate-spd-arrive-en-tete-des-elections-mais-la-prochaine-coalition-gouvernementale-pourrait-etre-difficile-a-former> (accessed: 06.05.2025).
15. Германия. 2021 / В. Б. Белов, М. В. Грачева, А. К. Иванова [и др.]. М. : ИЕ РАН, 2022. 212 с. (Доклады Института Европы, № 393). DOI [10.15211/report72022_393](https://doi.org/10.15211/report72022_393). EDN [RFPGPX](https://www.edn.ru/RFPGPX).
16. Lontay O. Germany's Energy Crisis: Europe's Leading Economy is Falling Behind // Harvard International Review. 30.05.2024. URL: <https://hir.harvard.edu/germanys-energy-crisis-europes-leading-economy-is-falling-behind/> (accessed: 06.05.2025).
17. Большаков С. Н., Большакова Ю. М., Минченков Е. Н. Роль и воздействие лоббизма на общество (в восприятии жителей ФРГ) // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 4. С. 110–126. DOI [10.19181/nko.2023.29.4.9](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.9). EDN [WPTVLM](https://www.edn.ru/WPTVLM).

18. Joannin P. Une poussée à droite mais la coalition majoritaire sortante devrait être reconduite // Robert Schuman Foundation. 10.06.2024. URL: <https://www.robert-schuman.eu/questions-d-europe/752-une-poussee-a-droite-mais-la-coalition-majoritaire-sortante-devrait-etre-reconduite> (accessed: 06.05.2025).
19. Белов В. Б. Выборы в Саксонии и Тюрингии — проверка устойчивости партийно-политической системы Германии // Аналитические записки Института Европы РАН. 2024. № 3(39). С. 27–34. DOI [10.15211/analytics31920242734](https://doi.org/10.15211/analytics31920242734). EDN [ULQQPO](https://edn.ru/ULQQPO).
20. Белов В. Б. Итоги голосования в Бранденбурге и перспективы общегерманских выборов в бундестаг // Аналитические записки Института Европы РАН. 2024. № 3(39). С. 52–59. DOI [10.15211/analytics32220245259](https://doi.org/10.15211/analytics32220245259). EDN [KTXMZD](https://edn.ru/KTXMZD).
21. Белов В. Б. Российский вектор внешней политики правительства Фридриха Мерца // Аналитические записки Института Европы РАН. 2025. № 2(42). С. 37–44. DOI [10.15211/analytics21520253744](https://doi.org/10.15211/analytics21520253744). EDN [HAPYOW](https://edn.ru/HAPYOW).

Поступила: 06.05.2025. Доработана: 12.06.2025. Принята: 20.06.2025.

Сведения об авторе:

Гуселетов Борис Павлович, доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт Европы РАН; главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

bguseletov@mail.ru

Author ID РИНЦ: 899947; ORCID: 0000-0001-6256-5013

B. P. Guseletov^{1,2}

¹ Institute of Europe RAS. Moscow, Russia

² Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia

RESULTS OF THE 2025 SNAP PARLIAMENTARY ELECTIONS IN GERMANY: WINNERS AND LOSERS

Abstract. This article examines the outcomes of the snap parliamentary elections held in Germany on February 23, 2025, — seven months ahead of schedule — following the collapse of the governing coalition composed of the Social Democratic Party (SPD), Alliance 90/The Greens, and the Free Democratic Party (FDP). The study aims to identify the causes behind the erosion of public trust in the ruling coalition, the ongoing transformation of Germany's party-political system, and the electoral gains achieved by opposition forces. Drawing on quantitative and qualitative analyses of election results, party manifestos, and secondary sociological data, the paper highlights key shifts in German politics: the dramatic decline of the SPD, the FDP's failure to re-enter the Bundestag, the rising influence of the Alternative for Germany (AfD), and the strengthened position of The Left (Die Linke). Particular attention is paid to the formation of a new government led by Friedrich Merz (CDU/CSU) and its anticipated policies in the spheres of the economy, migration, and foreign affairs, including its stance on the Russia–Ukraine conflict. The article concludes that Germany has entered a period of profound political and economic turbulence, which is likely to intensify polarization across the party spectrum.

Keywords: Germany, Bundestag, parliamentary elections, political parties, coalition government, migration policy, Russian–Ukrainian conflict

For citation: Guseletov B. P. Results of the 2025 snap parliamentary elections in Germany: winners and losers. *Science. Culture. Society*. 2025;31(4):105–118. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.7>

References

1. Orlov B. S. SPD: The ideological struggle around software installations, 1945-1975. Moscow: Nauka, 1980. (In Russ.).
2. Kleuters J. Reunification in West German Party Politics from Westbindung to Ostpolitik. UK: Palgrave Macmillan; 2012. DOI [10.1057/9781137283689](https://doi.org/10.1057/9781137283689).

3. Lees C. Party Politics in Germany. UK: Palgrave Macmillan; 2005. DOI [10.1057/9780230511477](https://doi.org/10.1057/9780230511477).
4. Turner E. Political Parties and Public Policy in the German Länder. UK : Palgrave Macmillan; 2011. DOI [10.1057/9780230307940](https://doi.org/10.1057/9780230307940).
5. Belov V. B. Party and political processes in Germany prior to extraordinary Bundestag elections. In: Gusev K. N. (ed.). European analytics 2024: col. of arts. Moscow: IE RAS; 2024. P. 72–93. (In Russ.). DOI [10.15211/978-5-98163-226-6.08](https://doi.org/10.15211/978-5-98163-226-6.08).
6. Belov V. B., Timoshenkova E. P. (eds). The role of small parties in party-political system of Germany. Moscow: IE RAS; 2015. Reports of the Institute of Europe, № 314. (In Russ.).
7. Pogorelskaya S. V. The German Left — between the national voter and the European paradigm. In: European Parliament Elections 2019: National Responses to the Dilemmas of European Integration. Moscow: IMEMO RAS; 2015. P. 75–78. (In Russ.).
8. Timoshenkova E. P. Challenge for the party and political system: the future of the people's parties. In: Belov V. B. (ed.). Germany. 2019. Moscow: IE RAS; 2020. P. 27–44. (In Russ.).
9. Basov F. Party System Transformation in Germany. *World Economy and International Relations*. 2021;65(2):29–36. (In Russ.). DOI [10.20542/0131-2227-2021-65-2-29-36](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-2-29-36).
10. Nohlen D., Stöver P. Elections in Europe: A data handbook. Baden-Baden: Nomos; 2010.
11. Reynolds D. One World Divisible: A Global History since 1945. London: Penguin; 2010.
12. Manow P. Electoral rules and legislative turnover: Evidence from Germany's mixed electoral system. *West European Politics*. 2007;30(1):195–207. DOI [10.1080/01402380601019852](https://doi.org/10.1080/01402380601019852).
13. Guseletov B. P. Trans European political parties in xxi century: formation, development and prospects. Moscow: IE RAS; 2022. Reports of the Institute of Europe, № 388. (In Russ.). DOI [10.15211/report22022_388](https://doi.org/10.15211/report22022_388).
14. Deloy C. Le Parti social-démocrate (SPD) arrive en tête des élections, mais la prochaine coalition gouvernementale pourrait être difficile à former // Robert Schuman foundation. 27.09.2021. URL: <https://www.robert-schuman.eu/fr/observatoire/1894-le-parti-social-democrate-spd-arrive-en-tete-des-elections-mais-la-prochaine-coalition-gouvernementale-pourrait-etre-difficile-a-former> (accessed: 06.05.2025).
15. Belov V. B., Gracheva M. V., Ivanova A. K. [et al.]. Germany. 2021. Moscow: IE RAS; 2022. Reports of the Institute of Europe, № 393. (In Russ.). DOI [10.15211/report72022_393](https://doi.org/10.15211/report72022_393).
16. Lontay O. Germany's Energy Crisis: Europe's Leading Economy is Falling Behind // Harvard International Review. 30.05.2024. URL: <https://hir.harvard.edu/germanys-energy-crisis-europes-leading-economy-is-falling-behind/> (accessed: 06.05.2025).
17. Bolshakov S. N., Bolshakova Y. M., Minchenkov E. N. The role and impact of lobbying on society (as perceived by the people of the FRG). *Science. Culture. Society*. 2023;29(4):110–126. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2023.29.4.9](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.9).
18. Joannin P. Une poussée à droite mais la coalition majoritaire sortante devrait être reconduite // Robert Schuman Foundation. 10.06.2024. URL: <https://www.robert-schuman.eu/questions-d-europe/752-une-poussee-a-droite-mais-la-coalition-majoritaire-sortante-devrait-etre-reconduite> (accessed: 06.05.2025).
19. Belov V. B. Elections in Saxony and Thuringia: a test of stability of Germany's party-political system. *Analytical paper IE RAS*. 2024;(3):27–34. (In Russ.). DOI [10.15211/analytics31920242734](https://doi.org/10.15211/analytics31920242734).
20. Belov V. B. Results of Brandenburg state election and prospects for the upcoming federal election. *Analytical paper IE RAS*. 2024;(3):52–59. (In Russ.). DOI [10.15211/analytics32220245259](https://doi.org/10.15211/analytics32220245259).
21. Belov V. B. The Russian Vector in the Foreign Policy of Friedrich Merz's Government *Analytical paper IE RAS*. 2025;(2):37–44. (In Russ.). DOI [10.15211/analytics21520253744](https://doi.org/10.15211/analytics21520253744).

Received: 06.05.2025. Corrected: 12.06.2025. Accepted: 20.06.2025.

Author information:

Boris P. Guseletov, Doctor of Political Sciences, Main Researcher, Institute of Europe RAS; Main Researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

bguseletov@mail.ru

ORCID: [0000-0001-6256-5013](https://orcid.org/0000-0001-6256-5013)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.4.8](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.8)
EDN [LUZKLG](https://edn.luzklg.ru)
УДК 325.14(430)

А. О. Ткачев¹

¹ МГИМО МИД России. Москва, Россия

СИРИЙСКИЕ БЕЖЕНЦЫ В ГЕРМАНИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОЙ СИТУАЦИИ

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ трансформации миграционной политики Германии в отношении сирийских беженцев в период 2015–2025 гг. На основе данных Федерального ведомства по делам миграции и беженцев ФРГ, Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, Евростата, а также материалов аналитических центров и официальных документов рассматриваются ключевые этапы эволюции миграционной стратегии ФРГ от политики сдерживания к режиму «открытых дверей» и последующему возврату к рестриктивным мерам. Особое внимание уделено внутренним (демографический кризис, нехватка рабочей силы, антииммигрантские настроения и др.) и внешним (позиция ЕС, эскалация сирийского конфликта, падение режима Б. Асада) факторам, определившим эти сдвиги. Исследование выявляет сохранение двойственной позиции Берлина: необходимость частичного возвращения беженцев сочетается с потребностью в сохранении квалифицированной рабочей силы для поддержания экономической стабильности. Полученные выводы имеют значение не только для понимания динамики миграционной политики в западноевропейских странах, но и для стран, сталкивающихся с аналогичными вызовами, включая Россию, где опыт ФРГ может служить аналитическим ориентиром при разработке сбалансированной и устойчивой миграционной стратегии.

Ключевые слова: сирийские беженцы, миграционный кризис, Германия, интеграционная политика, внутренняя политика, миграционная стратегия

Для цитирования: Ткачев А. О. Сирийские беженцы в Германии: политический анализ современной ситуации // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 4. С. 119–132. DOI [10.19181/nko.2025.31.4.8](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.8). EDN [LUZKLG](https://edn.luzklg.ru).

Введение. Кризис 2015–2016 годов стал крупнейшим миграционным вызовом для Европейского союза со времён Второй мировой войны, коренным образом изменив подходы государств-членов ЕС к регулированию миграционных потоков. Особое место в этом историческом процессе заняла Федеративная Республика Германия, которая, вслед за политикой «открытых дверей», приняла на себя основное бремя по приёму сирийских беженцев. Стремясь соблюсти гуманитарные обязательства и одновременно решить проблему дефицита рабочей силы, немецкое руководство столкнулось с целым комплексом социальных, политических и экономических вызовов.

Эскалация конфликта в Сирии и массовое бегство населения привели к изменению миграционной стратегии ФРГ, традиционно ориентированной на сдерживание потока мигрантов. Внутренние демографические проблемы Германии — старение населения, низкий уровень рождаемости — дополнили внешние вызовы, вынуждая корректировать подходы к интеграционной политике. При этом усиление антииммигрантских настроений в немецком обществе и рост популярности правопопулистских партий поставили под сомнение устойчивость проводимой политики. Падение режима Башара Асада в Сирии в 2024 году вновь

актуализировало вопрос о возвращении беженцев, ставя перед Берлином задачу балансировать между гуманитарными обязательствами и внутренней социальной стабильностью.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ трансформации миграционной политики Германии в отношении сирийских беженцев в период 2015–2025 гг. с учётом влияния как внутренних факторов (демографическая ситуация, общественное мнение, политический ландшафт), так и внешних (развитие сирийского кризиса, позиция ЕС). Исследование представляет интерес не только для понимания эволюции миграционной политики в западноевропейских странах, но и для российской научной и политической дискуссии. В условиях, когда Россия также сталкивается с вызовами, связанными с управлением миграционными потоками и интеграцией иностранных граждан, опыт Германии может служить важным аналитическим ориентиром. Настоящая работа, не претендуя на межстрановой анализ, предлагает эмпирическую базу для осмысления практик, применимых к контексту стран с иной правовой и социокультурной средой.

Теоретической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных специалистов, посвящённые миграционным процессам и политике интеграции. Так, Д. Дреуски и Ж. Герхардс [1, р. 101–142] рассматривают эволюцию политики Германии от гуманитарного открытого курса к более рестриктивному подходу. Г. И. Гаджимурадова и Н. Вкучевич [2] анализируют конфликт между гуманистическими ценностями и национальной безопасностью в рамках миграционной политики ЕС. Вопросы политической реакции общества на миграционный кризис затрагиваются в работах А. П. Соколова и А. Д. Давыдова [3]. Особое внимание социально-экономическим последствиям миграции уделяют М. Ю. Кучеров [4] и Т. С. Кондратьева [5]. Влияние миграции на внутривнутриполитическую ситуацию в Германии рассматривают Д. Р. Муллина и Д. В. Шмелёв [6]. Среди публикаций последних лет большое внимание вопросу корреляции между количественными изменениями миграционных волн из арабских стран в ЕС и политическим фактором уделяется в работе М. М. Агафошина [7]. В коллективной монографии Института Африки РАН анализируются подходы региональных правительств ЕС к решению сирийской миграционной проблемы [8].

Важной частью теоретической базы стали также публикации ведущих российских исследовательских институтов. Комплексный обзор институциональной и правовой базы миграционной политики ЕС представлен в труде Л. С. Биссон «Регулирование легальной миграции в Европейском союзе» (2020) [9], где исследуются как внутренние механизмы, так и внешнее измерение взаимодействия Евросоюза с третьими странами в миграционной сфере. Эволюция позиции ЕС по сирийскому вопросу, а также место Германии в евроинтеграционных и трансатлантических процессах рассматриваются в коллективной монографии ИМЭМО РАН «Германия в евроинтеграционных и трансатлантических процессах» (2021) под редакцией В. И. Васильева и А. М. Кокеева [10]. Анализ угроз, связанных с неконтролируемой миграцией, и формирование восприятия мигрантов как невоенной угрозы для безопасности Европейского союза представлены в работе «Невоенные угрозы безопасности ЕС» (2023) под редакцией Н. К. Арбатовой, А. М. Кокеева и Е. Г. Черкасовой [11].

Особую значимость в контексте данного исследования представляют публикации, раскрывающие взгляды немецких партий на миграционную повестку.

Так, в статье В. Б. Белова [12] анализируются политические процессы в Германии накануне выборов, в том числе расстановка сил между консерваторами и социал-демократами по вопросу миграции. Исследование Н. А. Каталкиной и Н. В. Богдановой [13] позволяет проследить основные положения предвыборной программы ХДС/ХСС 2021 года в части миграционной политики. Официальный коалиционный договор «Ответственность за Германию» от 2025 года¹ даёт представление о компромиссах между партиями в миграционной сфере в рамках нового правительства. Наконец, аналитический обзор В. Б. Белова в «Европейской аналитике» [14] демонстрирует ключевые расхождения в подходах к интеграции, репатриации и безопасности между ХДС/ХСС и СДПГ, что позволяет глубже понять идейные разногласия внутри коалиции.

Материалы и методы. Методологическая основа исследования включает совокупность качественных и количественных методов анализа. В качестве основных использованы: структурно-функциональный подход для оценки эволюции миграционной политики Германии, анализ официальных документов (отчёты Федерального ведомства по делам миграции и беженцев ФРГ, данные Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, статистика Евростата), программные документы немецких парламентских партий, а также сравнительный анализ позиций политических акторов и общественного мнения.

Особое внимание уделено эмпирическому изучению динамики числа сирийских беженцев, уровне их трудовой интеграции, а также влиянии миграции на внутреннюю политическую ситуацию в Германии. При этом учитывается специфика источников: официальная статистика, научные публикации, экспертные аналитические доклады, материалы немецких и международных СМИ.

Данный комплекс методов позволяет всесторонне оценить влияние сирийского миграционного кризиса на политику Германии в 2015–2025 гг., выявить ключевые тенденции и противоречия, а также спрогнозировать дальнейшее развитие ситуации.

Миграционная политика Германии до 2015 года. Вопрос массовых миграционных потоков в Германии не стоял на повестке до конца 1980-х — начала 1990-х гг. Несмотря на закреплённость права на убежище в немецкой конституции, количество беженцев в Германии было ничтожно мало: по большей части, убежище у немецкого правительства запрашивали диссиденты из восточноевропейских стран социалистического блока [1, р. 101–142].

Тем не менее, рост нестабильности на Западных Балканах и рост численности беженцев заставил правительство ужесточить регулирующие данную область нормы. В 1990-х гг. блок ХДС/ХСС (Христианско-демократический союз и Христианско-социальный союз в Баварии) проводил политику по ограничению возможностей воспользоваться правом на убежище. Беженцы, прибывшие в Германию через третьи страны, которые считались «безопасными», не имели права получения убежища на территории немецкого государства, а беженцам из относительно «безопасных» государств требовалось доказать необходимость

¹ Verantwortung für Deutschland. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. Legislaturperiode. URL: https://www.csu.de/common/csu/Koalitionsvertrag_2025_Verantwortung_fuer_Deutschland.pdf (accessed: 25.04.2025).

получения убежища. Принятие Дублинского регламента, до сих пор регулирующего порядок рассмотрения заявлений о предоставлении убежища, в ещё большей степени усложнило процедуру получения убежища на территории ФРГ [1, p. 101–142].

Серьёзные послабления были приняты во время правления коалиции Социал-демократической партии (СДПГ) и «Союза 90 / Зелёные», стремившихся создать механизмы интеграции беженцев в немецкое общество путём организации курсов по изучению немецкого языка, истории и культуры Германии, а также реализации интеграционных проектов на местном уровне. Правительство А. Меркель, пришедшее к власти в 2005 г., продолжило проиммиграционную политику, рассматривая мигрантов как фактор поддержания конкурентоспособности немецкой экономики на мировом рынке.

Миграционный кризис 2015–2016 гг. и политика «открытых дверей». В 2010 г. политическая нестабильность в Тунисе запустила цепную реакцию по всему Ближнему Востоку, став причиной событий, вошедших в историографию под названием «арабская весна». Сирия также не стала исключением: в 2011 г. подавление протестов в арабской республике привело к началу гражданской войны между правительством Б. Асада и оппозиционными группировками, в результате которой в Турцию и Европу начали массово бежать сирийские граждане. Ситуацию в Сирии усугубила активизация многочисленных террористических группировок, в первую очередь, «Исламского государства»^{*}.

В результате эскалации сирийского кризиса все большее количество людей бежало из страны в поисках убежища преимущественно в Европе. В 2015 г., когда стало ясно, что Греция и Италия, являющиеся государствами т. н. «первой линии»², не справляются с резко возросшим потоком беженцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки, Германия приняла решение о запуске политики открытых дверей, в рамках которой собиралась принять большое количество беженцев. Так, Федеральное ведомство по делам миграции и беженцев ФРГ (BAMF) приняло решение о временной приостановке действия Дублинского регламента в отношении сирийских беженцев: миграционная служба ФРГ начала рассматривать заявки беженцев о предоставлении убежища даже если они нарушают положения Дублинских соглашений³. Затем отдельно был принят закон, ускоривший процедуру рассмотрения ходатайств об убежище⁴.

Такой поворот политики по отношению к мигрантам, предпринятый консервативным правительством ХДС/ХСС, казался немыслимым, однако его все равно можно объяснить несколькими причинами. В первую очередь, это стало возможным благодаря приверженности немецкого руководства гуманитарным соображениям. Берлин выразил солидарность с людьми, бегущими от ужасов гражданской войны, и подчеркнул наличие у них права на убежище и необ-

^{*} В России признано террористической организацией и запрещено.

² Прим. авт.: Речь идёт о государствах, которые являются внешними границами ЕС.

³ Country responsible for asylum application (Dublin Regulation) // European Commission. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/policies/migration-and-asylum/asylum-eu/country-responsible-asylum-application-dublin-regulation_en (accessed: 14.01.2025).

⁴ Войников В. В. Интеграция иммигрантов — дело рук самих иммигрантов // РСМД. 17.06.2016. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/integratsiya-immigrantov-delo-ruk-samikh-immigrantov/> (дата обращения: 15.12.2024).

ходимость соблюдать нормы международного права, регулирующие положение беженцев. Данное решение сразу отразилось на международной репутации Германии: многие оценили это решение как акт проявления гуманности, а журнал Time в 2015 г. объявил Ангелу Меркель «Человеком года»⁵.

Кроме того, как подчеркнули научные сотрудники Института международных исследований МГИМО А. П. Соколов и А. Д. Давыдов, нужно отметить, что в немецком обществе в преддверии кризиса 2015-2016 гг. сформировался консенсус о необходимости предоставления помощи. Представители крупнейших политических сил, общественности, СМИ, промышленных ассоциаций выступили в поддержку проводимого правительством активного курса в сфере миграции [10, с. 47].

Нельзя упускать из виду и социально-экономический аспект. Население Германии находится на этапе активного демографического старения населения. На данный момент медианный возраст в немецком обществе составляет 44,9 лет, что на 48,25% больше среднемирового показателя — 30,3⁶. При этом немецкому правительству не удастся решить проблему исключительно за счёт местного населения. Если для поддержания устойчивого роста населения государство должно достигнуть суммарного коэффициента рождаемости в 2,1 ребёнка на женщину, то в Германии демографическая ситуация чрезвычайно проблематична: в 2023 г. уровень рождаемости опустился даже ниже определённой ООН «сверхнизкой» планки в 1,4 ребёнка, достигнув 1,35 ребёнка на женщину⁷. Сохранение подобной тенденции, по прогнозу Еврокомиссии, приведёт к тому, что к 2050 г. около трети населения Германии будет старше 65 лет, что будет сопровождаться катастрофическим дефицитом трудовых ресурсов на рынке труда [4, с. 59]. Такое положение дел в долгосрочной перспективе ставит экономическое развитие страны под угрозу. Как итог, привлечение и ассимиляция беженцев из Сирии и других стран Ближнего Востока и Северной Африки является одной из стратегий ответа на данный вызов.

Параллельно с введением политики открытых дверей Германия в рамках европейского интеграционного объединения стала продвигать идею справедливой ответственности, призывая других членов ЕС принять у себя часть беженцев. Данная идея получила оформление в виде квотной системы, по которой общая нагрузка по приёму беженцев распределялась между государствами-членами ЕС на основе установленных критериев, включая численность населения, уровень безработицы и ВВП страны⁸. Тем не менее, данная система встретила сопротивление со стороны других членов интеграционного объединения, в первую очередь, со стороны Польши, Чехии, Словакии и Венгрии.

На фоне нежелания восточноевропейских государств принять у себя десятки тысяч мигрантов, прибывших в Италию и Грецию, Берлин, ставший одним из главных центров притяжения для сирийских мигрантов, принял решение воспользоваться 25-й статьёй Шенгенского кодекса о границах, регулирующего

⁵ Надикто О. Time назвал человеком года Ангелу Меркель // РБК. 09.12.2015. URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/12/2015/566824759a7947a49cdf3acc> (accessed: 15.12.2024).

⁶ Germany's Median Age // World Economics. URL: <https://www.worldeconomics.com/Demographics/Median-Age/Germany.aspx> (accessed: 16.12.2024).

⁷ Германия пополнила клуб стран ЕС со «сверхнизкой» рождаемостью // ИноСМИ. 25.12.2024. URL: <https://inosmi.ru/20241225/rozhdmost-271311160.html> (дата обращения: 16.12.2024).

⁸ Глава МВД: Германия примет по квотам ЕС около 30 тысяч беженцев // РИА Новости. 22.09.2015. URL: <https://ria.ru/20150922/1274476768.html> (дата обращения: 22.12.2024).

единые стандарты охраны внешних границ и скоординированные механизмы взаимодействия государств в вопросах миграции и безопасности⁹, и ввёл внутренний пограничный контроль на границе с соседними государствами, сославшись на угрозу национальной безопасности из-за массового притока беженцев в страну. При этом некоторые эксперты считают, что данный шаг, помимо ограничения потока нелегально прибывавших беженцев, также имел тактическую составляющую [8, с. 158–163]: возможно, что Германия, пользуясь своим положением ведущей экономики Европы, решила надавить на других членов Союза с целью принятия квотной системы¹⁰.

В результате политики «открытых дверей», Германия приняла на себя основное бремя в рамках миграционного кризиса: в 2015 г. количество беженцев, в первый раз подавших заявление на предоставление убежища в Германии, составило 441 тыс. человек¹¹, а в 2016 г. этот показатель вырос до 669,5 тыс.¹²

Динамика числа беженцев и просителей убежища в Германии. Германия занимает одно из ведущих мест среди европейских стран по приёму беженцев и лиц, ходатайствующих о предоставлении убежища. С 2015 года, на фоне политических и вооружённых конфликтов на Ближнем Востоке, в Афганистане, Турции и других регионах, количество заявителей на убежище в Германии существенно менялось.

Ниже приводится анализ динамики обращений за убежищем по национальному признаку в период 2015–2024 гг. на основе данных немецкого Федерального ведомства по делам миграции и беженцев, Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (UNHCR) и Всемирного банка.

Период 2015–2016 годов ознаменовался беспрецедентным наплывом беженцев в Германию. В 2015 году в целом было подано около 442 тыс. заявлений о предоставлении убежища¹³, а в 2016 году их число достигло 722 тыс. — рекордного значения¹⁴. Наибольшее число заявлений в этот период поступило от граждан Сирии (~159 000 в 2015 г., ~266 000 в 2016 г.), Афганистана (~31 000 в 2015 г., ~127 000 в 2016 г.), Ирака (~30 000 в 2015 г., ~96 000 в 2016 г.)¹⁵.

После 2016 года количество заявителей начало снижаться, чему способствовали усиление пограничного контроля и соглашение ЕС с Турцией о приёме беженцев. Так, в 2017 году было подано всего около 198 000 заявлений, в 2018 г. — 186 000 и в 2019 г. — 166 000, согласно отчётам BAMF за 2024 год¹⁶.

⁹ Regulation (EU) 2016/399 of the European Parliament and of the Council of 9 March 2016 on a Union Code on the rules governing the movement of persons across borders (Schengen Borders Code) (codification) // Official Journal of the European Union. 2016. L. 77. P. 10–11. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/399/oj/eng> (accessed: 16.12.2024).

¹⁰ Germany imposes border controls // The Economist. 14.09.2015. URL: <https://www.economist.com/europe/2015/09/14/germany-imposes-border-controls> (accessed: 08.12.2024).

¹¹ Number of Refugees to Europe Surges to Record 1.3 Million in 2015 // PEW Research Center. 02.08.2016. URL: <http://pewrsr.ch/2asMQLh> (accessed: 08.12.2024).

¹² Statistical Yearbook 2016 // UNHCR. URL: <https://www.unhcr.org/us/media/unhcr-statistical-yearbook-2016-16th-edition> (accessed: 20.02.2025).

¹³ Koch A., Biehler N., Knapp N., Kipp D. Integrating refugees: Lessons from Germany since 2015–16 // The World Bank. 2023. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/d3bf052f21b05b8b5f87f38b921dfd7e-0050062023/original/WDR-German-case-study-FINAL.pdf> (accessed: 24.02.2025).

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Refugee Data Finder...

¹⁶ Das Bundesamt in Zahlen 2024 // Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. 2024. URL: <https://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Statistik/BundesamtinZahlen/bundesamt-in-zahlen-2024.html?view=renderPdfViewer&nn=282772> (accessed: 23.02.2025).

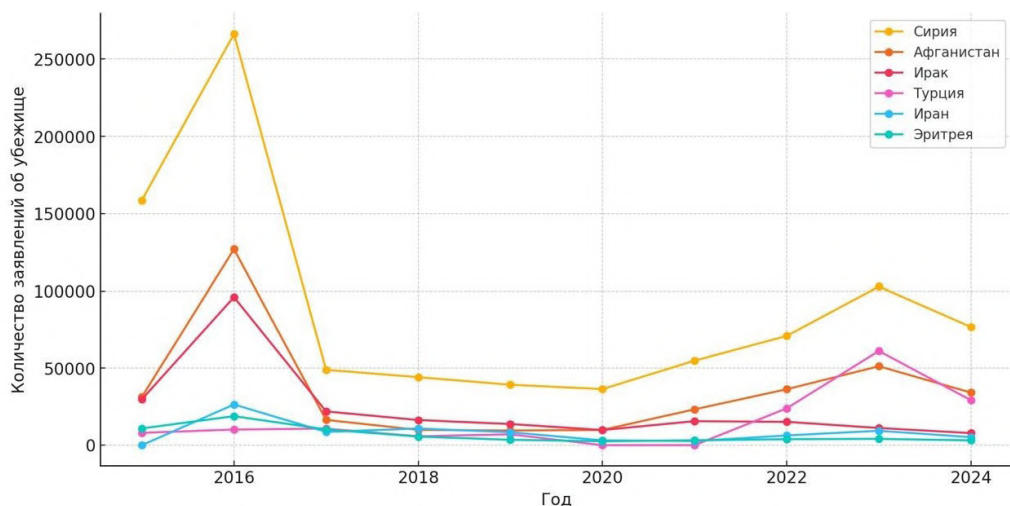

Рисунок 1. Динамика заявлений об убежище в Германии по национальностям (2015–2024 гг.)¹⁷

В течение этого периода Сирия ежегодно оставалась главной страной исхода беженцев (хотя количество заявлений от сирийцев снизилось до ~39 000 к 2019 году)¹⁸. Ирак и Афганистан оставались основными странами происхождения, хотя с гораздо меньшим количеством заявителей, чем в 2015–16 годах. Например, число афганских заявлений снизилось до ~9–16 тысяч в год в 2017–2019 годах¹⁹. Число заявителей из стран Западных Балкан резко сократилось после 2016 года из-за того, что Германия обозначила эти страны как «безопасные»²⁰, в результате чего в последующие годы было очень мало албанцев и косоваров, ищущих убежища. Африканские страны, такие как Эритрея и Нигерия, в этот период подавали по несколько тысяч заявлений в год²¹.

В 2020 г., на фоне пандемии COVID-19, наблюдался дополнительный спад — около 122 000 заявлений. Однако начиная с 2021–2024 гг. произошло заметное увеличение числа ходатайств о предоставлении убежища. Общее количество заявлений выросло до 148 000 в 2021 году и 217 774 в 2022 году, а затем подскочило до 329 120 в 2023 году (самый высокий показатель с 2016 года)²².

Гражданская война в Сирии и гуманитарная ситуация по-прежнему заставляют многих сирийцев искать убежище [7, с. 72–74] — сирийцы подали 70 976 заявлений в 2022 году и 102 930 в 2023 году. После захвата власти талибами в 2021 году число заявок от афганцев также возросло (36 358 в 2022 году; 51 275 в 2023 году)²³. Примечательно, что в 2022–2023 годах на фоне внутренних беспорядков в Турции основной группой стали граждане Турции —

¹⁷ Refugee Data Finder // UNHCR. 2024. URL: <https://www.unhcr.org/refugee-statistics/download/?v2url=d-c36b6> (accessed: 24.02.2025).

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

²² Fachinger T., Hoffmeyer-Zlotnik P., Stiller M. Germany Country report 2023 // European Council on Refugees and Exiles. 2023. URL: <https://asylumineurope.org/reports/country/germany/overview-main-changes-previous-report-update> (accessed: 24.02.2025).

²³ Refugee Data Finder...

в 2023 году Германия получила более 61 000 турецких заявлений на предоставление убежища (по сравнению с 23 900 в 2022 году)²⁴. В 2024 году количество поданных заявлений о предоставлении убежища выровнялось; по предварительным данным, всего было подано около 229 000 заявлений. Самой многочисленной группой в 2024 году оставались сирийцы (75–79 тыс.), за ними следовали афганцы (34 тыс.) и турки (30–31 тыс.). В 2021–2024 годах меньшее, но значительное число людей продолжало прибывать из Ирака, Ирана, Сомали и других стран²⁵.

Влияние сирийской миграции на внутриполитическую ситуацию в Германии. Поток сирийских беженцев, чья культура сильно отличается от немецкой и европейской, привёл к усилению межнациональных и межконфессиональных противоречий [10, с. 127]. Более того, резкий рост численности беженцев сопровождался увеличением количества преступлений, в том числе и уголовного характера. Попадание в страну радикальных мусульман, экстремистская и террористическая угроза со стороны части приехавших в Германию сирийцев обусловили рост антииммигрантских настроений в Германии, в особенности в восточной части страны и в Баварии, где осело большинство беженцев [5, с. 232]. Также стоит отметить и радикализацию самих немцев [6, с. 128]: в 2015 г. регулярно фиксировались случаи нападений и поджогов лагерей беженцев [5, с. 232]. Даже само правительство Германии в начале 2016 г., на фоне новостей о домогательствах и нападениях на женщин со стороны беженцев в новогоднюю ночь в Кельне, признало проблемы и необходимость ужесточения законодательства, регулирующего вопросы миграции²⁶.

Такое положение дел отразилось и на политических предпочтениях немецкого населения: заметную роль на внутриполитической арене Германии стала играть правопопулистская партия «Альтернатива для Германии», выступающая за ужесточение мер в отношении беженцев и мигрантов и усиление контроля за пересечением границ [6, с. 127]. Если в докризисный 2013 г. эта партия не смогла преодолеть порог, чтобы получить места в парламенте, то в 2017 г. ей уже удалось занять 94 места, став третьей по численности фракцией в Бундестаге²⁷. Более того, в декабре 2024 г. нерешённость основных проблем немецкого общества, в том числе и миграционного вопроса, привела к тому, что председатель «Альтернативы для Германии» Алис Вайдель стала самым популярным кандидатом на пост канцлера Германии, по результатам социологических опросов²⁸. По итогам выборов 2025 года партия получила рекордные 151 место в парламенте²⁹.

Политика интеграции мигрантов. Недовольство со стороны местного населения поставило перед правительством вопрос о необходимости принятия мер по снижению социального напряжения внутри страны [11]. Не менее остро

²⁴ Koch A., Biehler N., Knapp N., Kipp D. Integrating refugees: Lessons from Germany since 2015–16...

²⁵ Das Bundesamt in Zahlen 2024...

²⁶ Эксперт: Ангела Меркель фактически признала провал политики открытых дверей // Russia Today. 14.01.2016. URL: <https://russian.rt.com/article/141846> (дата обращения: 25.12.2024).

²⁷ Выборы в ФРГ: победа блока Меркель и успех «Альтернативы для Германии» // РИА Новости. 25.09.2017. URL: <https://ria.ru/20170925/1505460250.html> (дата обращения: 25.12.2024).

²⁸ Федорцев В. В ФРГ выяснили, кого считать самым популярным кандидатом в канцлеры // Российская газета. 23.12.2024. URL: <https://rg.ru/2024/12/23/shans-dlia-alis.html> (дата обращения: 25.12.2024).

²⁹ На парламентских выборах победил блок ХДС/ХСС // Deutschland.de. 24.02.2025. URL: <https://www.deutschland.de/ru/topic/politik/parlamentskie-vybory-2025-rezultaty-vyborov-germaniya-vybory-pravitelstvo> (дата обращения: 25.02.2025).

стояла и проблема финансирования социальной поддержки сирийских беженцев. Одним из путей решения двух обозначенных проблем стала политика центрального правительства, направленная на ускорение интеграции сирийских беженцев в немецкое общество [9]. В 2016 г. впервые в истории Германии был принят закон об интеграции, главной целью которого, по заявлению канцлера А. Меркель, было облегчение беженцам доступа к немецкому рынку труда³⁰. Он предусматривал меры в четырёх ключевых направлениях:

Во-первых, закон об иммиграции расширил возможности для трудоустройства беженцев, приостановив на три года приоритет граждан государств-ЕС над беженцами при найме на работу³¹.

Во-вторых, закон расширил доступ беженцев к образованию. Было уделено внимание языковой интеграции, в том числе и на дошкольном уровне, в рамках которой правительство Германии реализует федеральную программу «Язык в детских садах. Ключ, открывающий мир» [4, с. 61]. Что касается взрослых беженцев, то посещение интеграционных курсов стало обязательным: пропуск занятий по изучению немецкого языка, законов и культуры Германии сопровождался уменьшением объёма предоставляемой немецким правительством помощи. Помимо этого, беженцы получили возможность пройти профессиональную переподготовку, а также получить вид на жительство сроком на полгода после её завершения для поиска работы³².

В-третьих, были введены новые правила на получение бессрочного вида на жительство, которые теперь предполагали знание немецкого языка на хорошем уровне, а также наличие достаточного количества финансовых средств для проживания на территории Германии³³.

В-четвертых, региональные власти получили право самим решать, где размещать беженцев, и ограничивать их расселение в определённых местах для предотвращения появления на территории Германии «гетто»³⁴.

Помимо этого, государство активно работает с бизнесом над созданием дополнительных возможностей для трудоустройства беженцев. Так, Объединение торгово-промышленных палат Германии и Министерство экономики занимаются созданием сети из нескольких тысяч предприятий мелкого и среднего бизнеса, которые оказали бы помощь беженцам в процессе их интеграции в немецкий рынок труда [4, с. 61].

Привела ли эта политика к каким-либо ощутимым результатам? Несмотря на то, что затраты на содержание и помощь сирийским беженцам все ещё превышают налоговые и социальные платежи, получаемые бюджетом от их трудовой деятельности, Берлину все же удалось добиться определённого прогресса. Среди прибывших в Германию сирийских беженцев растёт доля трудоустроенных, и, как заявляют немецкие СМИ, чем дольше сирийский беженец живёт на территории ФРГ, тем выше его шансы найти работу³⁵, что закрывает одну из наиболее насущных потребностей немецкой экономики в рабочей силе.

³⁰ Oltermann Ph. Germany unveils integration law for refugees // The Guardian. 14.04.2016. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/apr/14/germany-unveils-integration-law-for-refugees-migrants> (accessed: 25.12.2024).

³¹ Ibid.

³² Войников В. В. Интеграция иммигрантов — дело рук самих иммигрантов // РСМД. 17.06.2016. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/integratsiya-immigrantov-delo-ruk-samikh-immigrantov/> (дата обращения: 15.12.2024).

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Мартин Н. Сирийцы поедут домой, хотя в ЕС нужны рабочие руки? // DW. 18.12.2024. URL: <https://www.dw.com/ru/sirijcy-poedut-domoj-hota-v-es-nuzny-rabocie-ruki/a-71081181> (дата обращения: 25.12.2024).

Вместе с тем качество рабочей силы также не осталось незатронутым. Сейчас среди трудоустроенных сирийцев около половины занята в тех сферах, где для ведения трудовой деятельности необходима квалификация. Это свидетельствует о желании сирийских беженцев получать новые профессиональные навыки и развивать свои компетенции [4, с. 60].

Политическая артикуляция миграционного вопроса в партийной системе Германии в период после выборов 2025 года. После внеочередных выборов в Бундестаг в марте 2025 года в Германии сформировалась коалиция между консервативным блоком ХДС/ХСС и Социал-демократической партией Германии (СДПГ), что стало результатом усиления электорального запроса на стабильность и контроль в условиях нарастающей внешнеполитической турбулентности и продолжающихся миграционных вызовов. Согласно данным официального коалиционного соглашения под названием «Ответственность за Германию», миграционная политика оказалась в числе приоритетных направлений: в ней отчётливо прослеживается попытка сбалансировать требования правопорядка и социальной интеграции с конституционным правом на убежище³⁶.

Особенность новой коалиции заключается в системном противостоянии двух ценностных подходов. ХДС/ХСС настаивали на усилении контроля за внешними границами, расширении механизмов депортации и ускоренной процедуре отказа в предоставлении убежища для мигрантов из так называемых «безопасных стран происхождения». При этом СДПГ, сохранившая за собой Министерство финансов и курирующая ряд социальных программ, акцентировала внимание на гуманитарной составляющей и интеграционных мерах — таких как доступ к языковому образованию и рынку труда для уже пребывающих в стране просителей убежища. Эти расхождения нашли отражение в компромиссных формулировках договора: например, положения о расширении центров первичной фильтрации мигрантов сопровождаются обязательствами по соблюдению прав человека и ускоренной социальной адаптации беженцев³⁷.

Политические предпосылки к подобному раскладу формировались задолго до выборов 2025 года. Как отмечает В. Б. Белов, миграционный вопрос являлся одним из ключевых мобилизующих факторов предвыборной кампании в Германии и использовался как в риторике правых популистов, так и в платформенной конкуренции между системными партиями [14, 72–93]. Исследование политико-правовых основ миграционной программы ХДС/ХСС 2021 года, проведённое Н. А. Каталкиной и Н. В. Богдановой, демонстрирует жёсткую позицию блока, которая с тех пор сохранила преемственность — ориентация на защиту национальной идентичности, фильтрацию по «интеграционному потенциалу» и отказ от мультикультурализма как базовой парадигмы [13]. Эти установки во многом определили характер внутрипартийных переговоров и линию поведения ХДС/ХСС при вступлении в переговоры о коалиции. Наблюдается преемственность в программных установках. В частности именно в апрельских «коалиционных тезисах» ХДС/ХСС и СДПГ впервые были обнародованы направления, ставшие основой нового договора: ужесточение подходов к нелегальной миграции, расширение системы миграционных соглашений с третьими странами и развитие депортационной инфраструктуры при сохранении интеграционных квот [12].

³⁶ Verantwortung für Deutschland. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. Legislaturperiode. URL: https://www.csu.de/common/csu/Koalitionsvertrag_2025_Verantwortung_fuer_Deutschland.pdf (accessed: 25.04.2025).

³⁷ Ibid.

Таким образом, коалиция 2025 года представляет собой компромиссный проект, в котором миграционная повестка стала точкой соприкосновения двух во многом расходящихся политических сил. Анализ официальных документов и экспертных оценок позволяет сделать вывод о том, что Германия, оставаясь приверженной гуманистическим принципам, всё более стремится к институциональной оптимизации и ограничению миграционного притока за счёт гибридных инструментов — правовых, дипломатических и административных.

События в Сирии и политическая ситуация внутри страны. Недавние события в Сирии, в ходе которых президент Б. Асад был свергнут³⁸, а к власти пришли исламисты, актуализировал обсуждение судьбы сирийских беженцев в Европе и, в частности, в Германии. Окончание гражданской войны в Сирии и смена власти создали перспективы для возвращения миллионов сирийских беженцев из Европы к себе на родину. Практически сразу после новостей о смене власти в Дамаске Берлин вместе с партнёрами по ЕС объявил о временной приостановке рассмотрения заявлений на предоставление убежища³⁹.

Теперь Берлин занимает неоднозначную позицию по отношению к сирийским беженцам. С одной стороны, большая часть беженцев продолжает обременять немецкий бюджет. Официальный уровень безработицы среди сирийских беженцев в Германии составляет 37%, это более чем в 6 раз выше среднего показателя по стране — 5,9%⁴⁰. Рост популярности «Альтернативы для Германии» и выход её лидера в качестве фаворита на пост канцлера свидетельствуют о том, что несмотря на усилия Берлина по снижению социальной напряжённости внутри государства относительно вопросов миграции, властям так и не удалось переломить ход развития общественных настроений. Стремление не допустить к власти правых популистов может подтолкнуть немецкое правительство к принятию решения о частичной депортации сирийских беженцев на родину, однако пока неизвестно, будут ли такие мероприятия носить массовый или частный характер.

С другой стороны, как уже было показано выше, все большее количество сирийцев успешно трудоустраиваются и интегрируются в немецкое общество. Глава МВД Германии Нэнси Фезер прямо заявила, что часть сирийцев хорошо интегрирована и трудоустроена, в связи с чем эти люди могут продолжить работать на территории Германии⁴¹.

Более того, Германии так и не удалось решить свою демографическую проблему, в связи с чем немецкая экономика продолжит нуждаться в иностранной рабочей силе, потребность в которой на данном этапе смогут закрывать сирийские беженцы. Здесь же стоит отметить, что в некоторых рабочих отраслях сирийцы занимают заметное положение. Так, например, председатель немецкого общества поддержки больниц Геральд Грасс высказал опасение, что активное возвращение сирийцев на родину может оказать значимое негативное воздействие на институты здравоохранения в Германии⁴².

³⁸ Прим. авт.: Падение режима Асада произошло 8 декабря 2024 года.

³⁹ Сирийцы в Германии: заморожено 347 000 заявлений на убежище // Московский комсомолец. 09.12.2024. URL: <https://www.mknews.de/social/2024/12/09/siryicy-v-germanii-zamorozheno-347-000-zayavleniya-ubezhishhe.html> (дата обращения: 25.12.2024).

⁴⁰ Мартин Н. Сирийцы поедут домой, хотя в ЕС нужны рабочие руки?...

⁴¹ Глава МВД: Германия примет по квотам ЕС около 30 тысяч беженцев // РИА Новости. 22.09.2015. URL: <https://ria.ru/20150922/1274476768.html> (дата обращения: 22.12.2024).

⁴² В Германии испугались массового оттока сирийцев из страны // РИА Новости. 09.12.2024. URL: <https://ria.ru/20241209/germaniya-1988249079.html> (дата обращения: 22.12.2024).

Заключение. Анализ трансформации миграционной политики Германии в отношении сирийских беженцев в период 2015–2025 гг. позволяет сделать ряд важных выводов. Германия столкнулась с проблемами радикализации как среди мигрантов, так и среди местного населения, что усугубляло внутренние политические конфликты и подрывало общественное доверие к миграционной политике. Опыт показал, что открытая и массовая политика приёма беженцев без достаточной подготовки и системной интеграционной поддержки привела к усилению социального напряжения и росту межэтнических конфликтов. Кроме того, Германия оказалась не готова к долгосрочным экономическим последствиям массового притока мигрантов, связанным с затратами на их социальное обеспечение и интеграцию. Несмотря на постепенный рост трудоустройства и интеграции части сирийских беженцев, значительная их доля продолжает обременять бюджет, усиливая электоральный запрос на ограничение миграции и способствуя росту популярности правопопулистских сил.

Таким образом, уроки немецкой миграционной политики демонстрируют необходимость комплексного подхода, включающего системные меры по интеграции, профилактике социальных конфликтов и созданию условий для долгосрочного экономического участия мигрантов в жизни страны.

Этот опыт, несмотря на его специфический европейский контекст, представляет ценность и для других государств, сталкивающихся с миграционными вызовами. Опыт работы с мигрантами в России обладает иным характером и наполнением, связанными с особенностями национальной политики и социальной структурой, однако он может быть значительно усовершенствован за счёт учёта ошибок, допущенных Германией в её миграционной практике. В российской же практике, несмотря на менее масштабный приём мигрантов, важно избегать просчётов, связанных с недостаточной адаптацией и интеграцией мигрантов, поскольку именно они создают условия для роста социальной нестабильности.

Для России это сигнал о необходимости разработки более эффективных механизмов профилактики конфликтов и радикализации, а также создания условий для успешной социальной адаптации мигрантов. Важно, чтобы российская миграционная политика опиралась не только на контрольно-ограничительные меры, но и на целенаправленную поддержку образовательных, культурных и социальных программ, способных не только снизить риски конфликтов, но и способствовать взаимопониманию между мигрантами и местным населением. При этом российский опыт, ориентированный на более взвешенное и прагматичное управление миграцией, может быть дополнен разработкой комплексных программ поддержки квалифицированных мигрантов, что будет способствовать укреплению экономики и смягчению демографических проблем. Такой подход позволит избежать негативных экономических последствий, с которыми столкнулась Германия, и одновременно повысит эффективность использования миграционного ресурса.

Библиографический список

1. *Drewski D., Gerhards G.* A humanitarian role model: Germany's initial open-door policy and restrictive turn toward Syrian refugees // *Framing Refugees: How the Admission of Refugees is Debated in Six Countries across the World*. Oxford : Oxford University Press, 2024. P. 101–142. DOI [10.1093/oso/9780198904724.003.0005](https://doi.org/10.1093/oso/9780198904724.003.0005).
2. *Гаджимурадова Г. И., Вукчевич Н.* Миграционная политика ЕС: политика гуманизма vs угроза национальной безопасности // *Наука. Культура. Общество*. 2023. Т. 29, № 4. С. 54–64. DOI [10.19181/nko.2023.29.4.5](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.5). EDN [PVJTOR](https://www.edn.ru/PVJTOR).

3. Соколов А. П., Давыдов А. Д. Проблемы миграционной политики Германии: от сдержанности к открытости // Международная аналитика. 2023. Т. 14, № 3. С. 41–57. DOI [10.46272/2587-8476-2023-14-3-41-57](https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-3-41-57). EDN [JUMCHQ](#).
4. Кучеров М. Ю. Миграционный кризис в Германии: нагрузка или инвестиции в будущее? // Власть. 2020. Т. 28, № 4. С. 58–64. DOI [10.31171/vlast.v28i4.7429](https://doi.org/10.31171/vlast.v28i4.7429). EDN [OUFSAC](#).
5. Кондратьева Т. С. Миграционный кризис в Европе: Причины и последствия // Проблемы европейской безопасности : Сб. науч. трудов. М. : ИНИОН РАН, 2016. С. 216–229. EDN [XEVULF](#).
6. Муллина Д. Р., Шмелев Д. В. Позиция Германии в миграционном кризисе 2015 года // Казанский вестник молодых учёных. 2021. Т. 5, № 2. С. 123–129. EDN [PRYYMY](#).
7. Агафшин М. М. От «Благодатного полумесяца» к «Опасному острову»: арабская миграция в страны Европы. М. : Институт Африки РАН, 2023. 222 с. EDN [GUAEER](#).
8. Трансграничные перемещения населения: ограничения и перспективы международного регулирования в условиях миграционного кризиса / М. М. Агафшин, Н. Д. Андреев, Я. А. Глухов [и др.]. М. : Институт Африки РАН, 2024. 252 с. EDN [EGBCNH](#).
9. Биссон Л. С. Регулирование легальной миграции в Европейском союзе. М. : ИЕ РАН, 2020. 150 с. (Доклады Института Европы, № 371). DOI [10.15211/report42020_371](https://doi.org/10.15211/report42020_371). EDN [LRLART](#).
10. Германия в евроинтеграционных и трансатлантических процессах / В. И. Васильев, М. В. Хорольская, А. М. Кокеев [и др.]. М. : ИМЭМО РАН, 2021. 127 с. DOI [10.20542/978-5-9535-0589-5](https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0589-5). EDN [SNDMPV](#).
11. Невоенные угрозы безопасности ЕС / Н. К. Арбатова, Ф. А. Басов, В. И. Васильев [и др.]. М. : Весь мир, 2023. 658 с. EDN [CGFNZH](#).
12. Белов В. Б. Апрельские коалиционные тезисы ХДС/ХСС и СДПГ // Аналитические записки Института Европы РАН. 2025. № 12. С. 12–18. DOI [10.15211/analytics212202501218](https://doi.org/10.15211/analytics212202501218). EDN [VJEJUM](#).
13. Каталкина Н. А., Богданова Н. В. Миграционная политика ХДС/ХСС в предвыборной программе 2021 года // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество : ежегодник. Вып. 5. Часть 1. М. ИНИОН РАН, 2022. С. 1107–1110. EDN [WNXQHZ](#).
14. Белов В. Б. Партийно-политические процессы в Германии перед внеочередными выборами в бундестаг // Европейская аналитика 2024 : Сб. материалов // Под общ. ред. К. Н. Гусева. М. : ИЕ РАН, 2024. С. 72–93. DOI [10.15211/978-5-98163-226-6.08](https://doi.org/10.15211/978-5-98163-226-6.08).

Поступила: 27.04.2025. Доработана: 30.07.2025. Принята: 06.08.2025.

Сведения об авторе:

Ткачев Артём Олегович, соискатель кафедры демографической и миграционной политики, МГИМО МИД России. Москва, Россия.

a.o.tkachyov@yandex.ru

Author ID РИНЦ: [1293655](https://elibrary.ru/1293655); ORCID: [0009-0001-8183-9750](https://orcid.org/0009-0001-8183-9750)

A. O. Tkachev¹

¹ MGIMO University. Moscow, Russia

SYRIAN REFUGEES IN GERMANY: POLITICAL ANALYSIS OF THE CURRENT SITUATION

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of the transformation of Germany's migration policy toward Syrian refugees between 2015 and 2025. Drawing on data from the German Federal Office for Migration and Refugees (BAMF), the United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR), Eurostat, as well as materials from analytical centers and official documents, the study examines key phases in the evolution of Germany's migration strategy — from a policy of containment to the “open doors” approach and the subsequent return to restrictive measures. Particular attention is paid to the internal factors (including demographic crisis, labor shortages, and anti-immigrant sentiment) and external factors (such as the EU's stance, the escalation of the Syrian conflict, and the fall of the Bashar al-Assad regime) that shaped these policy shifts. The research reveals

the enduring duality of Berlin's position: the need for partial refugee repatriation coexists with the necessity of retaining qualified migrant labor to sustain economic stability. The findings are relevant not only for understanding the dynamics of migration policy in Western European countries but also for nations facing similar challenges, including Russia, where the German experience may serve as an analytical reference point in developing a balanced and resilient migration strategy.

Keywords: Syrian refugees, migration crisis, Germany, integration policy, domestic politics, migration strategy

For citation: Tkachev A. O. Syrian refugees in Germany: political analysis of the current situation. *Science. Culture. Society*. 2025;31(4):119–132. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.8>

References

1. Drewski D., Gerhards G. A humanitarian role model: Germany's initial open-door policy and restrictive turn toward Syrian refugees. In: *Framing Refugees: How the Admission of Refugees is Debated in Six Countries across the World*. Oxford: Oxford University Press; 2024. P. 101–142. DOI [10.1093/oso/9780198904724.003.0005](https://doi.org/10.1093/oso/9780198904724.003.0005).
2. Gadzhimuradova G. I., Vukcevic N. EU migration policy: policy of humanism vs threat to national security. *Science. Culture. Society*. 2023;29(4):54–64. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2023.29.4.5](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.5).
3. Sokolov A. P., Davydov A. D. Germany's Migration Policy Challenges: From Restraint to Openness. *Journal of International Analytics*. 2023;14(3):41–57. (In Russ.). DOI [10.46272/2587-8476-2023-14-3-41-57](https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-3-41-57).
4. Kuchеров M. Y. Germany's Migration Crisis: Load or Investment in the Future?. *Vlast' (The Authority)*. 2020;28(4):58–64. (In Russ.). DOI [10.31171/vlast.v28i4.7429](https://doi.org/10.31171/vlast.v28i4.7429).
5. Kondratieva T. S. Migration crisis in Europe: causes and consequences. In: *Problems of European security: Coll. of scientific papers*. Moscow: INION RAS; 2016. P. 216–229. (In Russ.).
6. Mullina D. R., Shmelev D. V. The German position in the migration crisis of 2015. *Kazanskii vestnik molodykh uchenykh*. 2021;5(2):123–129. (In Russ.).
7. Agafoshin M. M. From “the Fertile Crescent” to “the Dangerous Island”: Arab Migration into European Countries. Moscow: Institute for African Studies RAS; 2023. (In Russ.).
8. Agafoshin M. M., Andreev N. D., Glukhov Ya. A. [et al.] Cross-Border Population Movements: Restrictions and Prospects of International Regulation in the Context of the Migration Crisis. Moscow: Institute for African Studies RAS, 2024. (In Russ.).
9. Bisson L. S. Legal migration governance in the European Union. Moscow: IE RAS; 2020. Reports of the Institute of Europe, № 371. (In Russ.). DOI [10.15211/report42020_371](https://doi.org/10.15211/report42020_371).
10. Vasiliev V. I., Khorolskaya M. V., Kokeev A. M. [et al.]. Germany in the Integration and Transatlantic Processes. Moscow: IMEMO RAS; 2021. (In Russ.). DOI [10.20542/978-5-9535-0589-5](https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0589-5).
11. Arbatova N. K., Basov F. A., Vasiliev V. I. [et al.] Non-military Threats to the EU Security. Moscow: Ves' Mir; 2023. (In Russ.).
12. Belov V. B. April Coalition Theses of CDU/CSU and SPD. *Analytical paper IE RAS*. 2025;(12):12–18. (In Russ.). DOI [10.15211/analytics212202501218](https://doi.org/10.15211/analytics212202501218).
13. Katalikina N. A., Bogdanova N. V. Migration policy of the CDU/CSU in the 2021 election program. In: *Greater Eurasia: Development, Security, cooperation: yearbook*. Issue 5. Part 1. Moscow: INION RAS; 2022. P. 1107–1110. (In Russ.).
14. Belov V. B. Party and political processes in Germany prior to extraordinary Bundestag elections. In: Gusev K. N. (ed.). *European analytics 2024: col. of arts*. Moscow: IE RAS; 2024. P. 72–93. (In Russ.). DOI [10.15211/978-5-98163-226-6.08](https://doi.org/10.15211/978-5-98163-226-6.08).

Received: 27.04.2025. Corrected: 30.07.2025. Accepted: 06.08.2025.

Author information:

Artem O. Tkachev, applicant of the department of demographic and migration policy, MGIMO University. Moscow, Russia.

a.o.tkachyov@yandex.ru

ORCID: 0009-0001-8183-9750

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.4.9](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.9)
EDN [KYEQUE](#)
УДК 325.2

A. Kh. Rakhmonov¹

¹ Institute of Social Demography of FCTAS RAS. Moscow, Russia

MIGRATION PROCESSES BETWEEN RUSSIA AND THE ASIA-PACIFIC COUNTRIES: THE SANCTIONS CONTEXT AND IMPLICATIONS FOR THE SITUATION OF RUSSIANS

Abstract. This article explores the most recent wave of emigration from Russia to key countries in the Asia-Pacific region, namely the United States, Canada, the Republic of Korea, and Japan. It focuses on the consequences of the Ukrainian crisis and Western-imposed sanctions, assessing their impact on migration trends and the socio-economic status of Russian emigrants. Based on statistical data and sociological surveys, the study demonstrates a general increase in emigration from Russia to the selected destinations, with the exception of Japan, where numbers have declined. The article also highlights how the Special Military Operation and media narratives initially led to a deterioration in public attitudes toward Russian-speaking communities, though by mid-2023, this negative sentiment had largely subsided. The analysis underscores that economic and social factors remain the primary drivers of emigration, despite external restrictions. Moreover, the article details the challenges faced by highly skilled Russian professionals abroad, particularly concerning labor market integration, often hindered by institutional and cultural barriers. These findings contribute to a deeper understanding of ongoing emigration dynamics and offer relevant insights for decision-makers shaping migration policy and strategies for supporting Russian citizens abroad. The study enhances knowledge on how geopolitical shifts influence regional migration in the Asia-Pacific.

Keywords: migration, Russia, Asia-Pacific countries, Special military operation, economic and political sanctions, emigrants

For citation: Rakhmonov A. Kh. Migration processes between Russia and the Asia-Pacific countries: the sanctions context and implications for the situation of Russians. *Science. Culture. Society.* 2025;31(4):133–147. <https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.9>

Acknowledgements: This work is supported by the Russian Science Foundation, project 22-68-00210, <https://rscf.ru/en/project/22-68-00210/>

Introduction. After February 24, 2022, Western nations imposed a series of economic and political sanctions against Russia [1, p. 41]. In addition to the European Union and the United States, several Asia-Pacific countries — including Canada, New Zealand, Australia, Japan, the Republic of Korea, and Singapore — joined these sanctions [2, p. 17]. Beyond the direct economic and political measures, restrictions were placed on the export of equipment for oil and gas production, as well as on energy imports from Russia. Export controls also tightened for the Russian nuclear, oil and gas, metallurgical, shipbuilding, and aviation industries, along with the construction sector and various electrical equipment [3].

Meanwhile, Russia has sought to strengthen its cooperation with the Asia-Pacific region, primarily in trade and economic domains, though progress has been uneven. At the plenary session of the Eastern Economic Forum on September 12, 2023, it was

reported that trade turnover between Russia and the Asia-Pacific countries grew by 13.7% in 2022 and by 18.3% during the first half of 2023¹. When factoring in global inflation, however, these rates appear modest and fall short of expectations for a broader shift away from Euro-Atlantic markets toward Asia. Notably, the majority of this trade growth stemmed from expanded commodity exchanges with China, which recorded a 24–32% increase during the first seven months of 2023².

Migration also plays a significant role in Russia's relationship with the Asia-Pacific region, as approximately one million Russian citizens relocate to these countries annually. However, in addition to economic sanctions, the United States and its allies in the region have imposed visa restrictions on Russian citizens. Since the onset of the Special Military Operation (SMO), the status of Russian-speaking communities in the Asia-Pacific has changed dramatically. Governments in some host countries, alongside the Ukrainian diaspora and segments of the local population, have exerted pressure on Russian residents. Moreover, the United States and its allies in the region have restricted Russian information access for these communities, further complicating their situation.

The purpose of research and methods. The primary objective of this article is to examine the situation of the Russian-speaking population in the Asia-Pacific countries during the Special Military Operation in Ukraine, as well as to evaluate the impact of Western socio-political sanctions on the inflow of emigrants from Russia to this region.

The research followed a mixed-methods design that integrates macro-level statistical analysis with micro-level sociological insight. Official migration statistics issued between 2016 and 2023 by agencies such as the OECD, the U.S. Department of State's Bureau of Consular Affairs, the Korean Statistical Information Service, Immigration, Refugees and Citizenship Canada, and Japan Tourism Statistics were compiled into a single longitudinal dataset and subjected to descriptive trend analysis to measure changes in the scale and direction of Russian emigration after February 2022. To deepen interpretation of these numerical patterns, the study re-examined recent nationwide and destination-country surveys of Russian-speaking communities and re-coded fifteen semi-structured expert interviews conducted in 2023 with migrants, community leaders and analysts. The qualitative material was analyzed thematically to trace how sanctions, visa regimes and labor-market structures shape everyday adaptation, while the quantitative results provided a comparative baseline across the United States, Canada, the Republic of Korea and Japan. Triangulating these evidence streams enhanced internal validity and revealed convergent findings: economic motives remained dominant despite tighter external constraints, and perceived discrimination was episodic rather than systemic by mid-2023.

Theoretical framework. The contemporary out-migration from Russia in 2022–2024 can be comprehensively interpreted through an integrated theoretical model that fuses economic-sociological and politico-legal perspectives. The starting point is Everett Lee's classic push–pull framework [4]: international sanctions and domestic macro-economic instability strengthen the “push” factors, while predictable institu-

¹ Putin noted the growth of trade turnover between Russia and the Asia-Pacific countries // PRIME. September 12, 2023. Available at: <https://1prime.ru/20230912/841723019.html> (accessed: 02.04.2025).

² Lexyutina Ya. Russia's interaction with the Asia-Pacific countries has not yet been balanced // NG. October 2, 2023. Available at: https://www.ng.ru/kartblansh/2023-10-02/3_8841_kb.html (accessed: 26.03.2025).

tional environments and broader career opportunities in destination countries amplify the “pull.” The sanctions regime functions not only as an economic constraint but also as a politico-legal shock, echoing Aristide Zolberg’s “political upheaval” model [5]: external pressure is transmitted into internal uncertainty, creating a “migration window” in which departure is seen as a rational risk-reduction strategy.

At the meso level, Stephen Castles and Mark Miller’s concept of a global migration system [6] clarifies flow dynamics: long-established academic and IT diasporas incorporate Russian migrants into professional clusters in the United States, Canada, South Korea, and Germany, lowering entry barriers and accelerating labor legalization. Alejandro Portes’s notion of social capital [7] is pivotal here: with formal financial channels restricted, horizontal network resources — professional communities and online mutual-aid platforms — provide essential information and peer credit.

Post-migration experiences are illuminated by John Berry’s cultural-adaptation framework [8] and Portes and Min Zhou’s segmented-assimilation theory [9]. Highly skilled specialists typically integrate swiftly into labor-market segments that value universal human capital, while often choosing to maintain some cultural distance. Less qualified groups, however, face a higher risk of downward mobility, confirming the idea of multiple adaptation trajectories. Access to housing, healthcare, and social services is well captured by Ager and Strang’s “integration domains” model [10]: sanctions-related payment checks and the difficulty of opening bank accounts can slow institutional integration, heightening the importance of volunteer organizations and diasporas as intermediaries.

Literature on compound shocks [11] shows that the simultaneous impact of sanctions and domestic socio-economic conditions generates a persistent migration impulse that endures even amid tighter visa and financial restrictions. By combining push–pull logic, the political-upheaval framework, a systemic view of transnational networks, and contemporary integration models, we obtain a holistic explanation of both the initial drivers of Russians’ emigration and the distinctive features of their socio-economic adaptation in destination countries during the ongoing crisis.

Discussions. Since the onset of the Ukrainian crisis in 2022, the implementation of far-reaching sanctions against Russia by Western countries and their Asia-Pacific allies has notably reshaped global economic and political landscapes³. In addition to the United States and the European Union — traditionally the leading architects of anti-Russian measures — Canada, New Zealand, Japan, and several Scandinavian nations also moved to impose punitive actions [12, p. 93]. By February 2024, a co-ordinated wave of further restrictions followed, targeting both governmental and private sectors. These measures included closing airspace to Russian aircraft, disconnecting major Russian banks from the SWIFT system, freezing the assets of the Central Bank of Russia, and imposing bans on the export and sale of foreign currency to Russian entities⁴.

An important element of these sanctions has involved limiting cultural and scientific cooperation with Russia. The United States and many Asia-Pacific countries have restricted or entirely prohibited business relations with central Russian television networks, while several research institutions — particularly those linked to strategic industries—have been barred from international collaborations [13, p. 555].

³ The history of US sanctions against Russia because of Ukraine // TASS. February 23, 2024. Available at: <https://tass.ru/info/19188151> (accessed: 31.01.2025).

⁴ Ibid.

Such restrictions have significantly curtailed the flow of information for Russian-speaking populations in the Asia-Pacific region, effectively limiting their access to Russian media and cultural content.

Despite these external pressures, it is noteworthy that the Asia-Pacific region has historically maintained robust migration links with Russia. Prior to the current crisis, approximately one million Russian citizens emigrated to Asia-Pacific countries annually. As OECD data for 2016–2021 indicate, the Republic of Korea attracted 47% of Russian emigrants heading to the region, followed by the United States at approximately 31%, Japan at 10%, and Canada at 7% (Fig. 1). The Republic of Korea's popularity is partly explained by its visa-free regime with Russia, which significantly eases entry for short-term stays and serves as a gateway for longer-term relocation.

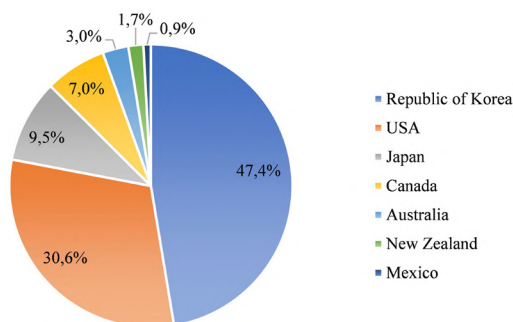

Figure 1. Share of Emigrants from Russia to Asia-Pacific Countries, 2016–2021, %

Source: Compiled by the author based on OECD statistics⁵.

The escalation of sanctions, coupled with the Special Military Operation, has changed the dynamics of these migration flows in multiple ways. First, tighter visa rules and travel restrictions in some Asia-Pacific nations have made it more complicated for certain categories of Russian travelers – particularly high-profile businessmen and government officials – to enter. Second, freezing Russian bank assets and disconnecting many Russian financial institutions from SWIFT have limited emigrants' ability to transfer funds or conduct basic financial transactions in their new host countries. Third, negative sentiment, fueled by media reports, has at times affected the social climate for Russians abroad. While some have experienced pressure from host governments and local populations, many continue to migrate for economic or family-related reasons.

Considering the Asia-Pacific nations that have sanctioned Russia, the United States, Canada, Korea, and Japan represent the primary destinations for Russian emigrants. Consequently, these four countries were chosen for a detailed examination of migration inflows and the status of Russian-speaking populations in the region.

Results. The onset of the conflict between Russia and Ukraine triggered a new wave of emigration from Russia to the Asia-Pacific region. Among the emigrants, a significant proportion consists of young professionals who are now faced with the challenge of adapting to unfamiliar environments and rebuilding their lives under new socio-political and economic conditions.

⁵ OECD statistics: [official page]. April 05, 2025. Available at: <https://stats.oecd.org/> (accessed: 17.01.2025).

USA

The Ukrainian crisis significantly influenced the situation of the Russian-speaking population in the United States, presenting new challenges and societal shifts. At the start of the Special Military Operation, public opinion in the U.S. became polarized. Political affiliations played a key role: Democrats tended to adopt a strongly anti-Russian stance, while many Republicans maintained a more neutral or cautious approach to the conflict [14, p. 44].

In 2022, political tensions even spilled into academia. For instance, U.S. Congressman Eric Swalwell (California Democrat) openly called for the expulsion of Russian students from American universities. Furthermore, anti-Russian narratives were widely disseminated in the Western media, particularly on television, online platforms, and social networks, shaping public perception. According to American citizen Gupta:

“Unfortunately, American youth are very receptive to the information they receive in the media space. Negative things about Russia are being poured on television all day long... many Americans have never even met a Russian, yet they hold strong opinions”⁶.

Despite these media-driven sentiments, the actual inflow of Russian emigrants to the United States has increased. In the first quarter of 2022, approximately 12.4 thousand Russians arrived in the U.S. This number rose to around 22.3 thousand in the first quarter of 2023 — an increase of 1.6 times (see Fig. 2). This trend indicates that geopolitical tensions have not prevented Russians from migrating to the United States.

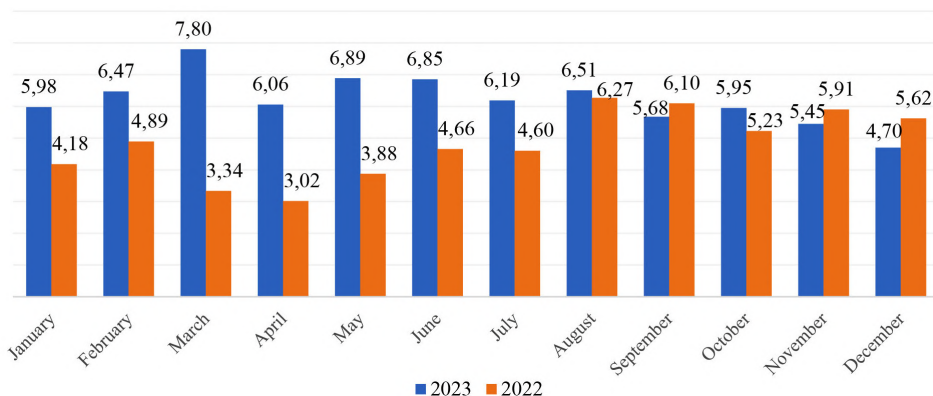

Figure 2. Monthly Inflow of Emigrants from Russia to the United States, 2022–2023, thousand persons

Source: U.S. Department of State, Bureau of Consular Affairs⁷.

Additionally, U.S. visa policy toward Russian citizens has remained relatively stable. U.S. Under Secretary of State for Political Affairs Victoria Nuland confirmed that the State Department has been working with Russian authorities to expand consular staff in Moscow to simplify the visa process for Russian citizens [14, p. 47].

⁶ An American who visited Yekaterinburg revealed the true attitude towards Russians in the United States // [URA.RU](https://ura.news/news/1052684210). September 11, 2023. Available at: <https://ura.news/news/1052684210> (accessed: 02.10.2024).

⁷ U.S. Department of State, Bureau of Consular Affairs: [official page]. March 29, 2025. Available at: <https://travel.state.gov/content/travel/en/legal/visa-law0/visa-statistics.html> (accessed: 19.02.2025).

This policy continuity is reflected in official figures: from March to August 2023, approximately 40.3 thousand visas were issued to Russian nationals, 1.6 times more than during the same period in 2022.

As shown in Figure 3, the total number of Russian emigrants to the U.S. in 2023 reached 74.5 thousand people, compared to 57.7 thousand in 2022 — an increase of 1.3 times. This places the United States first among Asia-Pacific countries in terms of total Russian emigration during this period.

According to the scale of emigrants from Russia among the APR countries, it is the US that ranks first.

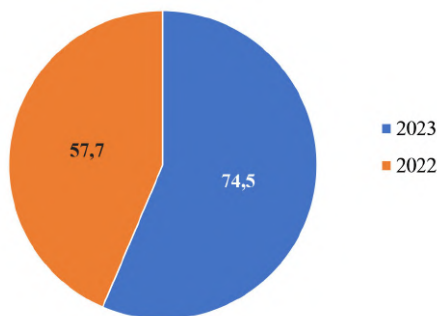

Figure 3. Annual Inflow of Emigrants from Russia to the United States, 2022–2023, thousand persons

Source: U.S. Department of State, Bureau of Consular Affairs⁸.

Interviews with 10 Russian emigrants currently residing in the U.S. further reveal that most reported no significant discrimination in everyday life. Negative attitudes and stereotypes largely remain confined to the media environment, while daily interactions with locals are generally neutral or even welcoming.

In conclusion, despite ongoing geopolitical tensions, the United States remains one of the most significant destinations for Russian emigrants, driven by consistent visa policies, relatively open migration channels, and diverse economic and social opportunities.

Canada

Russian-speaking emigration to Canada has historically occurred in three major waves. The first wave followed World War II, the second consisted primarily of Jewish emigrants in the 1970s and 1980s, and the third wave has continued from the 1990s to the present. The motivations for emigration vary—ranging from ideological and political concerns to economic opportunity and personal safety. In recent years, the Ukrainian crisis has added a new dimension to Russian emigration, influencing both migration flows and public perceptions in Canada [15, p. 1421].

In the initial phase of the Special Military Operation, the Russian community in Canada faced increased scrutiny and cultural pressure. Some Russian writers, composers, and artists experienced professional and social challenges. However, Canada has not imposed a complete cultural embargo. Russian-language newspapers and books remain available, and Russian bookstores — such as Troika — continue to

⁸ Ibid.

operate successfully. Russian cultural productions, including *The Nutcracker* and *Eugene Onegin*, have been performed by institutions like the National Ballet of Canada, and continue to enjoy public support⁹.

Public sentiment toward Russia has gradually shifted since 2022. While the early stages of the SMO were marked by strong anti-Russian narratives, by 2023 the tone of public discourse had softened. Several factors contributed to this change: declining media focus on the conflict, growing awareness of corruption in Ukraine, and general skepticism toward oversimplified media portrayals. As Russian-Canadian writer Mikhail Kerbel observed, *“If you hammer that Russia is the root of all problems... people begin to study the issue more deeply, and an understanding is being developed that not everything is so unambiguous”*¹⁰. Even local press has shown signs of fatigue with one-sided narratives, sometimes offering sarcastic commentary on the tendency to blame Russia for all economic and political woes.

According to the Canadian Journal of Immigration, the total inflow of Russian emigrants to Canada between 2018 and 2022 was approximately 9,500 people (Fig. 4). In 2022, 1,615 Russians arrived in Canada — an 11% decrease compared to 2021. Rosstat data also show that in the first ten months of 2023, only 141 Russian migrants moved to Canada. This significant decline can be attributed to several factors: stricter visa requirements imposed by the Canadian government in response to the Ukrainian crisis, limited diplomatic services, and the absence of direct flights from Russia¹¹.

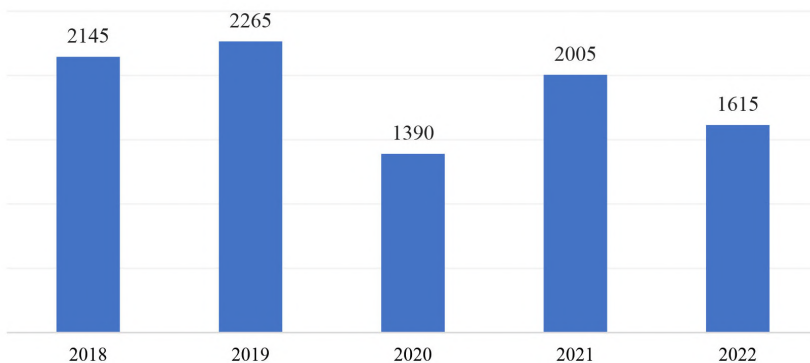

Figure 4. Inflow of Emigrants from Russia to Canada, 2018–2022, persons

Source: Data from the Canadian Journal of Immigration¹².

Interestingly, a portion of the Russian intelligentsia who emigrated to Canada during the SMO have begun to consider returning home. This is partly due to the professional limitations they face abroad and the realization that Canadian life — though stable — is markedly different from the dynamic, socially rich lives they left behind. As Mikhail Kerbel colorfully described it:

⁹ How do they perceive Russia and Russians in Canada now // Moskovsky Komsomolets. January 20, 2024. Available at: <http://www.mk.ru/social/2024/01/20/kak-v-kanade-seychas-vosprinimayut-rossiyu-i-russkikh.html> (accessed: 26.03.2025).

¹⁰ Ibid.

¹¹ Rules of entry to Canada for Russians // Visa Guru. May 06, 2024. Available at: <https://visa-guru.ru/blog/kana-da/pravila-vezda-v-kanadu-dlya-rossiyan> (accessed: 09.02.2025).

¹² Canadian Journal of Immigration: [official page]. March 16, 2025. Available at: <https://canadaimmigrants.com/russian-immigrants-canada/> (accessed: 13.09.2024).

“In the morning, I got up, washed my face, got in the car and went to work. On the way, I stopped at a café and, without leaving the car, bought my coffee and sandwich. I worked for eight hours, got into the car and drove home. On the way I bought a couple of cans of beer, a burger and fries. I ate at home in front of the TV, watched a movie, and went to bed. That’s the romance”¹³.

According to many recent emigrants, life in Canada, while secure, can feel monotonous compared to the cultural vibrancy they were accustomed to in Russia.

In summary, although Canada remains an important destination for Russian emigrants, especially professionals and cultural figures, recent developments—both geopolitical and societal—have slowed migration and raised questions about long-term integration. The combination of stricter immigration policies, reduced media attention to the crisis, and lifestyle adjustments has led to a nuanced and evolving experience for the Russian community in Canada.

Republic of Korea

Following the escalation of the Ukrainian crisis, the Republic of Korea joined international sanctions against Russia, including a ban on the export of strategic materials [16, p. 39]. Despite these political measures, migration ties between Russia and South Korea remain active and significant. Over the years, various categories of Russian citizens — ranging from labor migrants and students to researchers and professionals — have chosen the Republic of Korea as a destination.

Historically, Korean society has maintained a cautious, and at times unwelcoming, stance toward foreigners. This is rooted not in hostility, but in Korea’s historically closed society and limited long-term interaction with foreign populations. According to a Russian migrant from the Far East named Vadim:

“The society here is too closed, disloyal to foreigners. Just because of your white skin, you will never become your own, even if you learn Korean at the level of native speakers”¹⁴.

Such attitudes manifest in various spheres — career advancement, social inclusion, and everyday interactions.

From 1991 through the mid-2010s, the Korean public’s perception of Russians remained largely neutral with a slight negative undertone. However, as Russia’s economic development progressed in the 2010s, this perception began to shift. As TV presenter and translator Ilya Belyakov noted, the arrival of more diverse Russian migrants—students, engineers, academics, and professionals — has helped reshape the image of Russians in Korea, leading to a more balanced view¹⁵.

After the start of the Special Military Operation, data from the Korean Statistical Information Service show that the number of Russian emigrants arriving in the Republic of Korea in February 2022 was 1,142 persons — 1.5 times fewer than in July 2022, when the figure reached 1,660 (Fig. 5).

¹³ How do they perceive Russia and Russians in Canada now...

¹⁴ Aronova M. In 2023, a record number of Russians, mostly fleeing mobilization, sought asylum in South Korea. The stories of Vitaly, Samir and Vadim // CurrentTime. April 7, 2024. Available at: <https://www.currenttime.tv/a/ubezhische-v-yuzhnoy-koree-prosilo-rekordnoe-chislo-rossiyan-v-osnovnom-bezhavshih-ot-mobilizatsii-istorii-vitaliya-samira-i-vadima/32889263.html> (accessed: 10.03.2025).

¹⁵ Ibid.

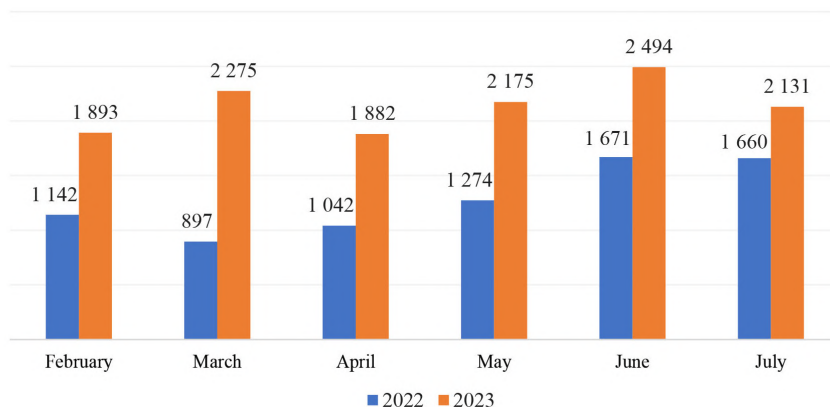

Figure 5. Inflow of Emigrants from Russia to the Republic of Korea, February-July 2022-2023, persons

Source: Korean Statistical Information Service¹⁶.

Following the start of the Special Military Operation, migration from Russia to Korea increased significantly. According to the Korean Statistical Information Service, 1,142 Russians entered Korea in February 2022. By July 2022, that figure had risen to 1,660. In contrast, the February–July 2023 period saw a total of 12,850 Russian migrants, representing a 1.7-fold increase over the same period in 2022 (Fig. 6). Notably, male migration almost doubled in 2023 compared to the previous year — rising from 3,765 to 7,151 — likely due to mobilization in Russia [17], as shown in Figure 6.

One of the key drivers of this migration surge is the visa-free regime between Russia and South Korea, which facilitates short-term stays and encourages long-term relocation among those seeking work, study, or refuge.

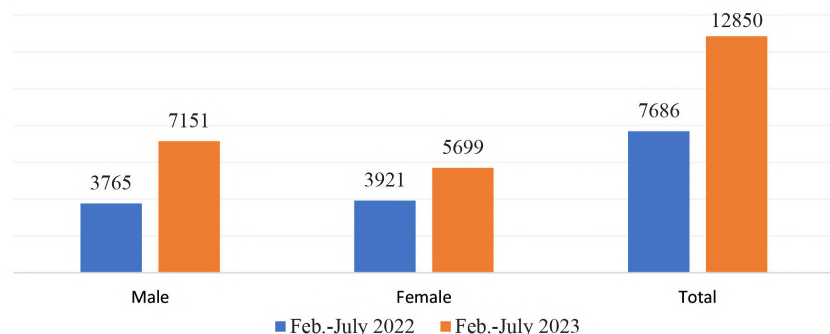

Figure 6. Inflow of Emigrants from Russia to the Republic of Korea by Gender, February-July 2022-2023, persons

Source: Korean Statistical Information Service¹⁷.

¹⁶ Korean Statistical Information Service: [official page]. December 28, 2024. Available at: https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=101&tblId=DT_1B28022&conn_path=I2&language=en (accessed: 05.11.2024).

¹⁷ Ibid.

Despite South Korea's alignment with international sanctions, there has been no significant societal backlash against ordinary Russian citizens. While some Koreans expressed concern at the beginning of the conflict, public interest quickly waned. As Russian migrant Vitaly from Vladivostok noted in October 2023:

*"Koreans are busy with their problems now... They don't follow politics much. They're at work for 12 hours, and on weekends they'd rather go to the park than watch the news"*¹⁸.

Samir Akhmedov echoed this sentiment, stating:

*"The situation in Ukraine is of as much interest to locals as the average Russian is interested in the war in the Central African Republic"*¹⁹.

Nonetheless, life in Korea remains challenging for many Russian professionals. Even those with local education and fluency in Korean often face obstacles when seeking employment in their field. Opportunities for foreigners tend to be concentrated in lower-skilled sectors such as construction or factory work. These limitations discourage long-term settlement and influence many Russian specialists to consider Korea a temporary stop rather than a permanent home.

In summary, despite political tensions and cultural barriers, the Republic of Korea continues to serve as a major destination for Russian emigrants. The rise in migration—particularly among men—reflects both geopolitical push factors and structural pull factors such as visa-free access. Yet integration challenges and limited job opportunities in specialized fields remain key concerns for Russian migrants in the country.

Japan

Japan has largely aligned itself with the European Union and the United States in imposing sanctions against Russia [18]. Alongside the Republic of Korea, Japan is one of Russia's key economic partners in Asia, and its sanctions have had a notable impact [19, p. 89].

These sanctions have also influenced migration trends. As shown in Figure 7, migration from Russia to Japan has experienced two significant declines. The first drop occurred in 2020 as a result of the COVID-19 pandemic, which reduced the number of Russian migrants from 97.7 thousand in 2019 to just 2.9 thousand in 2021. The second and more recent decline is associated with the geopolitical fallout from the Ukrainian crisis. In 2022, the number of Russian migrants slightly rebounded to 11.1 thousand, but in 2023, it decreased again to just 3.3 thousand — a drop of more than threefold compared to the previous year.

This decline is primarily attributed to new visa restrictions imposed by the Japanese government²⁰. Entry for Russian citizens has been significantly tightened: visas are now generally granted only for those traveling as part of organized tourist groups managed by Japanese travel agencies. Individual visa issuance has become more difficult. Nevertheless, the Japanese Embassy in Moscow has stated that there are currently no plans to either tighten or ease these restrictions. Visas continue to be issued under existing regulations²¹.

¹⁸ Aronova M. In 2023, a record number of Russians, mostly fleeing mobilization, sought asylum in South Korea. The stories of Vitaly, Samir and Vadim...

¹⁹ Ibid.

²⁰ Tokyo freezes the issuance of visas to Russians, the assets of Russian financial institutions, restricts exports // TASS. February 25, 2022. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/13851285> (accessed: 29.01.2025).

²¹ Proshina E. Japan has no plans to tighten entry requirements for Russians // Rambler. December 28, 2023. Available at: <https://news.rambler.ru/world/52026847-u-yaponii-net-planov-po-uzhestocheniyu-trebovaniy-k-vezdu-dlya-rossiyan/> (accessed: 17.03.2025).

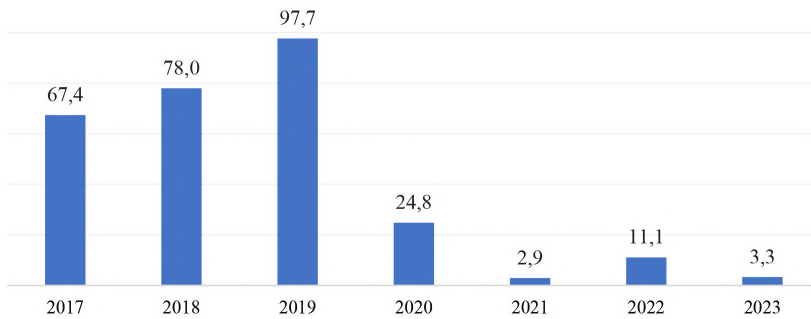

Figure 7. Inflow of Emigrants from Russia to Japan, 2017–2023, thousand persons

Source: Japan Tourism Statistics²².

Japan has also focused its sanctions on individuals and institutions associated with the Russian military-industrial sector. At a press conference following a National Security Council meeting, Prime Minister Fumio Kishida announced measures such as freezing visas and financial assets, and restricting the export of goods to Russian organizations linked to the defense sector [20, p. 86].

In summary, Japan's firm position in support of international sanctions has led to a sharp decline in migration from Russia, compounded by stricter visa policies and reduced travel opportunities. As a result, Japan — once a more prominent destination for Russian travelers and migrants — has become significantly less accessible in the current geopolitical climate.

Conclusion. The analysis of emigration trends from Russia to Asia-Pacific countries (the United States, Canada, the Republic of Korea, and Japan) in the context of the Ukrainian crisis and international sanctions reveals a complex but resilient pattern of migration. Historically, Russian emigration to the Asia-Pacific has deep roots, with notable waves occurring as early as the 1920s–1930s. In the modern era, this trend has only intensified, especially in response to recent geopolitical developments.

The study shows that, despite the imposition of wide-ranging sanctions and visa restrictions by Western countries and their Asia-Pacific allies, the overall volume of Russian emigration to the region has not declined — on the contrary, it has increased in several countries. The most significant growth was observed in the United States and the Republic of Korea, where migration flows rose sharply in 2023, likely due to the effects of partial mobilization in Russia and the attractiveness of relatively accessible migration channels, such as Korea's visa-free regime.

Japan stands out as the only country among the four studied where migration from Russia has substantially decreased — by more than threefold in 2023 compared to 2022 — primarily due to new entry restrictions and tightened visa policies.

Importantly, the study also reveals that negative public attitudes toward Russians in host countries, which initially intensified under the influence of Western media, have largely subsided by mid-2023. While negative narratives persisted in the media space, everyday experiences of Russian-speaking communities in the United States, Canada, Korea, and Japan were mostly free from direct discrimination or systemic

²² Japan Tourism Statistics: [official page]. February 01, 2025. Available at: <https://statistics.jnto.go.jp/en/graph/> (accessed: 16.13.2025).

hostility. In many cases, local populations have shown indifference rather than animosity, focusing more on domestic issues than on international conflicts.

In conclusion, the migration dynamics observed in 2022–2023 demonstrate that, despite political tensions and sanctions, the Asia-Pacific region remains a key destination for Russian emigrants. Economic motives, professional aspirations, and socio-political factors continue to drive emigration. At the same time, challenges related to labor market integration and cultural adaptation persist, especially for highly qualified specialists. These findings underline the importance of a balanced migration policy, both in Russia and in receiving countries, and call for deeper attention to the social and economic inclusion of Russian-speaking migrants in the Asia-Pacific.

References

1. Dolgov S. I., Kirillov V. N., Savinov Y. A., Taranovskaya E. V. Russia's Potential to Confront Sanctions in International Trade. *Russian Foreign Economic Journal*. 2022;(4):36–54. (In Russ.). DOI [10.24412/2072-8042-2022-4-36-54](https://doi.org/10.24412/2072-8042-2022-4-36-54).
2. Abasheva E. A., Lykov E. N. Dynamics of Western European States' Implementation of Anti-Russian Policy in the Ukrainian State (Based on Russian News Agencies and Mass Media Publications). *Society: Politics, Economics, Law*. 2022;(11):12–20. (In Russ.). DOI [10.24158/pep.2022.11.1](https://doi.org/10.24158/pep.2022.11.1).
3. Filippova I. A., Karimov T. A., Tomilo P. N. Foreign sanctions against the economy of the Russian Federation in 2022. *Bulletin of the Ulyanovsk State Technical University*. 2022;(4):60–62. (In Russ.).
4. Lee E. S. A theory of migration. *Demography*. 1966;3(1):47–57. DOI [10.2307/2060063](https://doi.org/10.2307/2060063).
5. Zolberg A. R. The next waves: migration theory for a changing world. *International Migration Review*. 1989;23:403–430.
6. Castles S., Miller M. J. The age of migration: international population movements in the modern world. 4th ed. New York: Guilford Press; 2009.
7. Portes A. Economic sociology and the sociology of immigration: a conceptual overview. In: Portes A. (ed.) The economic sociology of immigration. New York: Russell Sage Foundation; 1995. P. 1–41.
8. Berry J. W. Immigration, acculturation, and adaptation. *Applied Psychology*. 1997;46(1):5–34. DOI [10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x](https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x).
9. Portes A., Zhou M. The new second generation: segmented assimilation and its variants. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1993;530(1):74–96. DOI [10.1177/000271629353000106](https://doi.org/10.1177/000271629353000106).
10. Ager A., Strang A. Understanding integration: a conceptual framework. *Journal of Refugee Studies*. 2008;21(2):166–191. DOI [10.1093/jrs/fen016](https://doi.org/10.1093/jrs/fen016).
11. Entwisle B., Williams N. E., Verdery A. M. [et al.] Climate shocks and migration: an agent-based modeling approach. *Population & Environment*. 2016;38(1):47–71. DOI [10.1007/s11111-016-0254-y](https://doi.org/10.1007/s11111-016-0254-y).
12. Vasiliev A. A., Serebriakov A. A. US and Canadian Sanctions Against the Russian Federation in the Field of International Scientific Cooperation: Political and Legal Analysis. *Science Management: Theory and Practice*. 2023;5(3):84–97. (In Russ.). DOI [10.19181/smtp.2023.5.3.7](https://doi.org/10.19181/smtp.2023.5.3.7).
13. Morozova D. L. Culture in the context of sanctions: economic and legal aspects. *Economics and Management*. 2022;28(6):549–562. (In Russ.). DOI [10.35854/1998-1627-2022-6-549-562](https://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-6-549-562).
14. Khramova M. N., Rakhmonov A. Kh., Zorin D. P. Emigration and the Russian-speaking Communities in the United States: the Consequences of the Pandemic and Geopolitical Tensions in 2022. *Scientific Review. Series 2: Human Sciences*. 2022. № 5-6. C. 36–50. (In Russ.). DOI [10.26653/2076-4685-2022-5-6-03](https://doi.org/10.26653/2076-4685-2022-5-6-03).
15. Ryazantsev S. V., Pismennaya E. E., Rakhmonov A. Kh. Youth Migration from Tajikistan to OECD Member Countries: History and Present-Day Trends. *Oriental Studies*. 2023;16(6):1418–1443. (In Russ.). DOI [10.22162/2619-0990-2023-70-6-1418-1443](https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-70-6-1418-1443).
16. Sharafetdinova A. I. The reaction of the Republic of Korea to the special operation of the armed forces of the Russian Federation in Ukraine. *Eastern Analytcs*. 2022;13(2):36–41. (In Russ.). DOI [10.31696/2227-5568-2022-02-036-041](https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-02-036-041).

17. Rakhmonov A. Kh. Forced emigration from Russia 2022: Russian IT-specialists' potential for Central Asian CIS member countries. *Vestnik Universiteta*. 2023;(7):162–170. (In Russ.). DOI [10.26425/1816-4277-2023-7-162-170](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-162-170).
18. Perekhod S. A., Mkhitarian A. V., Selifonkina D. S. International sanctions against Russia (2014–2024): assessment and implications for the financial market. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk*. 2024;(4):116–138. (In Russ.). DOI [10.52180/2073-6487_2024_4_116_138](https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_4_116_138).
19. Chizhevskaya M. P. The Sanctions of Japan and the EU Against Russian Energy Sector During the 2022 Crisis. *World Economy and International Relations*. 2024;68(1):85–94. (In Russ.). DOI [10.20542/0131-2227-2024-68-1-85-94](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-1-85-94).
20. Kozhevnikov V. V. Is it possible to improve Russian-Japanese relations? *Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS*. 2022;38:82–90. (In Russ.). DOI [10.24412/2658-5960-2022-38-82-90](https://doi.org/10.24412/2658-5960-2022-38-82-90).

Received: 11.04.2025. Corrected: 29.05.2025. Accepted: 09.06.2025.

Author information:

Abubakr Kh. Rakhmonov, Candidate of Economics, Senior researcher, Institute of Social Demography of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

abubak.93@mail.ru

ORCID: [0000-0001-9924-5857](https://orcid.org/0000-0001-9924-5857)

А. Х. Рахмонов¹

¹ Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ МЕЖДУ РОССИЕЙ И СТРАНАМИ АТР: САНКЦИОННЫЙ КОНТЕКСТ И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ПОЛОЖЕНИЯ РОССИЯН

Аннотация. Статья посвящена новому этапу эмиграции из России в ключевые страны Азиатско-Тихоокеанского региона — США, Канаду, Республику Корея и Японию. В центре внимания — последствия украинского кризиса и западных санкций, а также их влияние на миграционные потоки и социально-экономический статус российских эмигрантов. На основе статистических данных и социологических опросов показан общий рост эмиграции из России в указанные страны, за исключением Японии, где зафиксировано снижение числа выехавших. Отдельное внимание уделено изменению общественного отношения к русскоязычным общинам в первые месяцы после начала специальной военной операции, что было обусловлено антироссийской риторикой зарубежных СМИ. Однако к середине 2023 года уровень негативного восприятия заметно снизился, а случаи дискриминации стали носить единичный характер. Несмотря на внешние ограничения, основные причины эмиграции продолжают носить экономический и социальный характер. Кроме того, статья раскрывает трудности, с которыми сталкиваются высококвалифицированные специалисты из России при интеграции в зарубежные рынки труда, включая институциональные и культурные барьеры. Представленные результаты способствуют более глубокому пониманию текущих миграционных процессов и могут быть полезны для формирования миграционной политики и программ поддержки российских соотечественников за рубежом.

Ключевые слова: миграция, Россия, страны АТР, специальная военная операция, экономическо-политические санкции, эмигранты

Для цитирования: Рахмонов А. Х. Миграционные процессы между Россией и странами АТР: санкционный контекст и последствия для положения россиян. Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 4. С. 133–147. DOI [10.19181/nko.2025.31.4.9](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.9). EDN [KYEGUE](https://www.edn.ru/KYEGUE).

Благодарность: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-68-00210, <https://rscf.ru/project/22-68-00210/>

Библиографический список

1. Возможности противодействия санкциям в международной торговле // С. И. Долгов, Ю. А. Савинов, В. Н. Кириллов, Е. В. Тарановская // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 4. С. 36–54. DOI [10.24412/2072-8042-2022-4-36-54](https://doi.org/10.24412/2072-8042-2022-4-36-54). EDN [NVTVTS](#).
2. *Абашева Е. А., Лыков Э. Н.* Динамика реализации антироссийской политики западноевропейскими государствами на территории украинского государства (на материалах российских информационных агентств и СМИ) // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 11(112). С. 12–20. DOI [10.24158/pep.2022.11.1](https://doi.org/10.24158/pep.2022.11.1). EDN [WEQAVD](#).
3. *Филиппова И. А., Каримов Т. А., Томило П. Н.* Иностранные санкции против экономики Российской Федерации в 2022 году // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2022. № 4(100). С. 60–62. EDN [HBQYCT](#).
4. *Lee E. S.* A theory of migration // Demography. 1966. Vol. 3, No. 1. P. 47–57. DOI [10.2307/2060063](https://doi.org/10.2307/2060063).
5. *Zolberg A. R.* The next waves: migration theory for a changing world // International Migration Review. 1989. No. 23. P. 403–430. EDN [HIENYX](#).
6. *Castles S., Miller M. J.* The age of migration: international population movements in the modern world. 4th ed. New York : Guilford Press, 2009. 372 p.
7. *Portes A.* Economic sociology and the sociology of immigration: a conceptual overview // The economic sociology of immigration. New York : Russell Sage Foundation, 1995. P. 1–41.
8. *Berry J. W.* Immigration, acculturation, and adaptation // Applied Psychology. 1997. Vol. 46, No. 1. P. 5–34. DOI [10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x](https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x).
9. *Portes A., Zhou M.* The new second generation: segmented assimilation and its variants // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1993. Vol. 530(1). P. 74–96. DOI [10.1177/000271629353000106](https://doi.org/10.1177/000271629353000106). EDN [JLDVNR](#).
10. *Ager A., Strang A.* Understanding integration: a conceptual framework // Journal of Refugee Studies. 2008. Vol. 21, No. 2. P. 166–191. DOI [10.1093/jrs/fen016](https://doi.org/10.1093/jrs/fen016).
11. Climate shocks and migration: an agent-based modeling approach / B. Entwisle, N. E. Williams, A. M. Verdery [et al.] // Population & Environment. 2016. Vol. 38, No. 1. P. 47–71. DOI [10.1007/s11111-016-0254-y](https://doi.org/10.1007/s11111-016-0254-y). EDN [TAPCMU](#).
12. *Васильев А. А., Серебряков А. А.* Санкции США и Канады против Российской Федерации в сфере международного научного сотрудничества: политико-правовой анализ // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5, № 3. С. 84–97. DOI [10.19181/smtp.2023.5.3.7](https://doi.org/10.19181/smtp.2023.5.3.7). EDN [ZHGSSI](#).
13. *Морозова Д. Л.* Культура в условиях санкций: экономические и правовые аспекты // Экономика и управление. 2022. Т. 28, № 6. С. 549–562. DOI [10.35854/1998-1627-2022-6-549-562](https://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-6-549-562). EDN [KRODVP](#).
14. *Храмова М. Н., Рахмонов А. Х., Зорин Д. П.* Эмиграция и русскоговорящие сообщества в США: последствия пандемии и геополитической напряженности в 2022 году // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2022. № 5-6. С. 36–50. DOI [10.26653/2076-4685-2022-5-6-03](https://doi.org/10.26653/2076-4685-2022-5-6-03). EDN [EFRFCY](#).
15. *Рязанцев С. В., Письменная Е. Е., Рахмонов А. Х.* Эмиграция молодежи из Таджикистана в страны Организации экономического сотрудничества и развития: история и современные тренды // Oriental Studies. 2023. Т. 16, № 6. С. 1418–1443. DOI [10.22162/2619-0990-2023-70-6-1418-1443](https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-70-6-1418-1443). EDN [BJKBKN](#).
16. *Шарафетдинова А. И.* Реакция Республики Корея на спецоперацию Вооруженных сил РФ на Украине // Восточная аналитика. 2022. Т. 13, № 2. С. 36–41. DOI [10.31696/2227-5568-2022-02-036-041](https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-02-036-041). EDN [EYRHBG](#).
17. *Рахмонов А. Х.* Вынужденная эмиграция из России 2022: потенциал российских IT-специалистов для центральноазиатских стран-участниц СНГ // Вестник университета. 2023. № 7. С. 162–170. DOI [10.26425/1816-4277-2023-7-162-170](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-162-170). EDN [NDXEZA](#).
18. *Переход С. А., Мхитарян А. В., Селифонкина Д. С.* Международные санкции против России (2014–2024 гг.): оценка и последствия для финансового рынка // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 4. С. 116–138. DOI [10.52180/2073-6487_2024_4_116_138](https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_4_116_138). EDN [RWIZLA](#).

19. *Чижевская М. П.* Санкции Японии и ЕС против российского энергетического сектора в условиях кризиса 2022 г // *Мировая экономика и международные отношения.* 2024. Т. 68, № 1. С. 85–94. DOI [10.20542/0131-2227-2024-68-1-85-94](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-1-85-94). EDN [IYNBMU](https://www.edn.ru/iybmu).
20. *Кожевников В. В.* Возможно ли улучшение российско-японских отношений? // *Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН.* 2022. Т. 38. С. 82–90. DOI [10.24412/2658-5960-2022-38-82-90](https://doi.org/10.24412/2658-5960-2022-38-82-90). EDN [QRQQVE](https://www.edn.ru/qrqvve).

Поступила: 11.04.2025. Доработана: 29.05.2025. Принята: 09.06.2025.

Сведения об авторе:

Рахмонов Абубакр Хасанович, кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.

abubak.93@mail.ru

Author ID РИНЦ: [1079276](https://elibrary.ru/1079276); ORCID: [0000-0001-9924-5857](https://orcid.org/0000-0001-9924-5857)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.4.10](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.10)
EDN [GTBARY](#)
УДК 316.74:2-67

П. Е. Царьков¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

СОЦИАЛЬНО-ДЕСТРУКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ХАРИЗМАТИЧЕСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Статья посвящена анализу социально-деструктивного потенциала харизматических религиозных движений в контексте их трансграничного распространения с Украины на территорию Российской Федерации. Автор рассматривает исторические и политические условия, способствовавшие экспоненциальному росту нетрадиционных религиозных групп на востоке Украины с начала 1990-х годов, и приводит статистические данные, свидетельствующие о целенаправленной политике ослабления русскоязычной идентичности в Донецкой и Луганской областях. На основе теории ризомы Ж. Делёза и Ф. Гваттари описывается специфика структуры и механизмов проникновения харизматических религиозных групп, включая их склонность к политическому лоббированию, участию в общественно-политических кризисах и деструктивным практикам. Особое внимание уделяется рискам, связанным с присоединением новых территорий к России, в том числе возможности использования харизматических групп в качестве инструмента «мягкой силы». Целью статьи является привлечение внимания научного сообщества к проблеме распространения иностранных религиозных групп и необходимости системного мониторинга нетрадиционной религиозности как фактора, потенциально угрожающего устойчивости гражданского общества и государственному суверенитету.

Ключевые слова: харизматические религиозные движения, нетрадиционная религиозность, религиозная инвазия, миграция религиозных групп, социально-деструктивный потенциал, религиозный экстремизм, мягкая сила, религиозная безопасность

Для цитирования: Царьков П. Е. Социально-деструктивный потенциал харизматических религиозных движений: постановка проблемы // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 4. С. 148–161. DOI [10.19181/nko.2025.31.4.10](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.10). EDN [GTBARY](#).

Введение. Религиовед Н. Ю. Беликова подчёркивала, что начиная с 1990-х годов на территории Новороссии — Донецкой и Луганской областей, в период их вхождения в состав государственного образования Республика Украина, были созданы благоприятные условия для распространения харизматических религиозных групп [1, с. 286]. В 2004 г. украинский исследователь В. Петрик подчёркивал риски, связанные с ускоренным формированием нетрадиционных религиозных групп в названных территориях, в частности: «выход из-под контроля культа воинственности» — усиление антирусских настроений и агрессивности населения [2]. В 2016 году на территории Украины функционировало 2 600 общин харизматов¹.

В связи с вхождением этих территорий в состав Российской Федерации вероятно проникновение харизматических религиозных групп на территорию России, что может быть сопряжено с определёнными социальными рисками, в частности с распространением антигосударственной идеологии и деструктивного социального поведения.

¹ Данные Министерства культуры Украины. Дата обращения: 23 февраля 2013. По данным на 25 апреля 2025 г., доступ к информации с территории РФ заблокирован.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного анализа социально-деструктивного потенциала харизматических религиозных движений в условиях трансграничной миграции религиозных практик и организационных форм. Цель статьи — постановка проблемы, связанной с рисками трансграничной миграции харизматических религиозных групп, и привлечение внимания научного сообщества к необходимости мониторинга данного феномена. В рамках достижения цели решаются следующие задачи: проанализировать исторические и политические условия формирования харизматических сообществ на востоке Украины; выявить механизмы их распространения и социальной адаптации; оценить потенциальные угрозы, связанные с их проникновением на территорию Российской Федерации.

Методология исследования, применённая автором, базируется на теории ризомы, предложенной Жилем Делёзом и Феликсом Гваттари, которая представляет собой метафору для описания нелинейных, гибких и многоуровневых систем, отличных от традиционных иерархических структур [3, с. 5–7]. Данная теоретическая модель применена для описания и анализа социальной структуры харизматических религиозных сообществ, а также траекторий и принципов их распространения. Вторичный анализ статистических данных, полученных в результате Всеукраинских переписей населения, позволил определить тренды роста нетрадиционных религиозных организаций харизматического типа на территорию Донецкой и Херсонской областей, а также верифицировать гипотезы о преднамеренном создании украинской властью благоприятных условий для данных групп на территориях, где преобладает русскоязычное население.

Теоретико-исторический контекст и деструктивный потенциал харизматии. Харизматия² возникла в штате Мэриленд около 1898 года под влиянием идей метафизической «Секты Фаермонт авеню», основанной мулатом Самуэлем Х. Моррисом, взявшим позже псевдоним Отец Иегова, и расширенной Джорджем Бейкером-младшим, также известным как Отец Дивайн. Эта секта, в свою очередь, возникла как синтез идей движения «Новая мысль», основанного последователем Антона Месмера — Финеасом Куимби в Англии в конце XIX века, а также идей квакерства, аболиционизма и негритянских анимистических культов [4, с. 10–99; 5, с. 9–126].

Вопреки взгляду современных религиоведов, отождествляющих пятидесятничество с харизматией, эти два параллельных религиозных течения являются исторически пересекающимися, но не идентичными. Они возникли независимо друг от друга в разных городах США [6]. Водораздел между пятидесятниками и харизматами лежит в своеобразии вероучения: Бог понимается харизматами в духе пантеизма: он «растворен» в сознании людей, а мысли могут материализовываться. Пятидесятники³ верят, что Святой дух может нисходить на каждого члена общины, как на апостолов — на пятидесятый день после воскресения Иисуса Христа, отсюда происходит название этого религиозного течения. Как харизматы, так и пятидесятники практикуют глоссолалию, однако последние воспринимают её как вспомогательную молитвенную практику. Пятидесятни-

² Харизматическими называют религиозные группы, практикующие глоссолалию — произнесение бессвязных текстов в состоянии религиозного транса. Название этого течения происходит от греческого слова «*χάρισμα*», что означает Божий дар.

³ Пятидесятничество возникло в 1906 году в городе Сан-Франциско в негритянской баптистской общине.

ки, в целом, понимают Бога и Библию так же, как последователи классического баптизма.

В религиоведении принято выделять три волны харизматического движения, называемых «Волны Святого духа»: первая волна — пятидесятничество, появившееся в 1906 году, вторая — харизматия — примерно соответствует окончанию Второй мировой войны и неохаризматия — с 1980-х годов [7]. Харизматы и неохаризматы делают акцент на земном радикальном преобразовании общества, от радикального коммунизма (группа «Храм народов») до радикального капитализма. В этом аспекте неохаризматические группы с их стремлением проникать в политический истеблишмент современных государств с целью лоббирования их интересов в большей степени похожи на радикальные политические партии, чем на религиозные общины. Акцент на земное преобразование общества напрямую связан с синкретически переплетёнными идеологическими истоками рассматриваемых групп.

Идеологии харизматических религиозных сообществ тесно связаны с утопическими проектами переустройства мира, а значит и государственных социальных институтов. Некоторые из рассматриваемых религиозных групп могут классифицироваться как эсхатологические, миллениаристские, либо апокалиптические. Характерной частью их вероучительной доктрины является ожидание радикальных изменений в общественном устройстве, по этой причине они выступают своеобразными «силами притяжения», привлекающими и активизирующими внимание общества в целом и, в особенности, граждан, попадающих под их влияние. Некоторые группы харизматов распространяют идею «небесного Отечества», отказываясь в полной мере считать себя гражданами государства, в котором живут [8, с. 64–68]. Для них характерны, с одной стороны, ретритизм — самоизоляция, с другой — активная проповедь и использование современных технических изобретений для быстрого распространения, но не участие в социальном прогрессе общества [9, с. 299–313].

В новейшей истории известны деструктивные действия харизматических религиозных групп, например осуществлённый в 1978 году суицид проживающих в закрытом посёлке Джонстаун членов американской религиозной группы «Храм народов» в результате которого погибло 913 человек [10, с. 91]. В 2015 году в Нью-Йоркской неохаризматической общине «Слово жизни» за отказ от публичной исповеди был убит молодой член религиозной группы⁴. В Якутском городе Алдан произошло убийство подростка, связанное с религиозной деятельностью неохаризматов⁵. В отделении «Объединённой пятидесятнической церкви Бразилии», также неохаризматической, были арестованы шесть адептов за массовые избиения членов группы⁶. В Бразилии в 2012 году был арестован лидер неопятидесятнической группы Луис Перейра дуз Сантуза, проповедовавший скорый апокалипсис, при этом был найден яд, который, по предположению полиции, мог быть использован для организации массового суицида⁷. В Удмуртии под домашний арест заключён лидер неохаризматиче-

⁴ Громов А. Исповедуйся или умри // Газета.Ru. 15.10.2015. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2015/10/15/7822253.shtml> (дата обращения: 30.04.2025).

⁵ Сафонова Т. Сектанты держали детей на сорокаградусном морозе // Коммерсантъ. 11.03.1999. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/214633> (дата обращения: 30.04.2025).

⁶ Плотников М., Дворкин А. Неопятидесятники убивают: от Бразилии до Якутии // Православная газета. 1999. № 11(103). URL: <https://orthodox-newspaper.ru/numbers/at25038> (дата обращения: 30.04.2025).

⁷ В Бразилии арестовали «пророка», назначившего Конец света на 12 октября // РБК. 13.10.2012. URL: <https://www.rbc.ru/society/13/10/2012/5703fe069a7947fcbd4415f3> (дата обращения: 30.04.2025).

ской группы «Свет миру» Сергей Артемьев за создание религиозной группы, осуществлявшей насильственные действия по отношению к адептам⁸. В США лидер неохаризматической религиозной группы Виктор Мирошниченко признан виновным в 10 случаях педофилии⁹. В 2023 году последователи неохаризматической секты «Международное служение хороших новостей» в Кении организовали массовое самоубийство посредством голодовки, в результате чего погибло 89 человек¹⁰. В 2009 году в Украине было открыто дело о мошенничестве в отношении основателя неохаризматической религиозной группы «Посольство Божие», Сандея Аделаджи — уроженца Нигерии — за организацию финансовой пирамиды и вовлечение в неё адептов.

Тревожная тенденция распространения идеологических доктрин в процессе религиозной инвазии и интервенции — постулируемый в форме внутригрупповой догматики своеобразный религиозный протест рассматриваемых групп против существующих социальных порядков, в том числе государственных законов и сложившихся принципов этики, традиций и социальных институтов. Подобные действия прямо или скрытым образом могут приводить к дестабилизации политических институтов и социальных отношений в стране. Например, такие распространённые на Украине харизматические группы, как «Посольство Божие» и «Церковь полного евангелия»¹¹ декларируют идею правого радикального «духовного капитализма», ориентируя последователей секты на обильную и богатую земную жизнь, при этом идея трансцендентного Бога и сотериология, христианское учение о спасении человека в трансцендентном будущем мире, отодвигаются в сторону. Эта особенность вероучения роднит неопятидесятников с радикальными политическими партиями. В этой связи следует отметить активное участие неопятидесятнических религиозных групп в подготовке государственных переворотов и «цветных революций» на Украине в 2004 и 2014 годах [11, с. 213–216].

Для групп неохаризматов (неопятидесятников) характерны также жестокая эксплуатация рядовых членов религиозных групп и массовое использование экстатических практик, например, «говорение на ангельских языках», что вызывает тяжёлый шок и крайне опасное психическое расстройство у их адептов¹².

Основная целевая аудитория, на которую ориентирована прозелитическая деятельность харизматов — это молодёжь. Для привлечения молодёжи рассматриваемые религиозные группы активно и широко используют современную массовую музыкальную культуру в литургической практике: рок-музыку, скандирование, игру на ударных музыкальных инструментах [12, с. 656–660]. В отличие, например, от «Свидетелей Иеговы»*, чьей основной целевой аудиторией являются женщины раннего пенсионного возраста [13, с. 103].

⁸ Бобров И. Пастора церкви пятидесятников оставили под домашним арестом в Ижевске // Izhlife. 28.03.2024. URL: <https://izhlife.ru/criminality/pastora-tserkvi-pyatidesyatnikov-ostavili-pod-domashnim-arestom-v-izhevске.html> (дата обращения: 30.04.2025).

⁹ Man Convicted Of Child Sex Charges In Sacramento County // CBS News. 16.02.2018. URL: <https://www.cbsnews.com/sacramento/news/sacramento-county-child-sex/> (accessed: 30.04.2025).

¹⁰ Obulutsa G. Kenya hunger cult deaths reach 89, minister prays survivors will 'tell the story' // Reuters. 25.04.2023. URL: <https://www.reuters.com/world/africa/death-toll-kenyan-starvation-cult-has-risen-89-interior-minister-2023-04-25/> (accessed: 30.04.2025).

¹¹ Харизматическая секта, перенесённая в середине 1990х на Украину из Южной Кореи, куда попала из США в конце 1960х годов. Восходит к пятидесятникам.

¹² Заявление Российской ассоциации изучения религий и сект (РАЦИРС) о неопятидесятничестве // ЦРИ. 01.02.2016. URL: <https://iriney.ru/psevdobiblejskie/neopyatidesyatniki/zayavlenie-racirs-o-neopyatidesyatnichestve.html> (дата обращения: 30.04.2025).

* В России признана экстремистской организацией и запрещена

Наиболее успешной, согласно данным исследователей, может быть проповедь харизматов среди евангельских христиан-баптистов и классических пятидесятников, также среди маргинальных групп населения, когнитивные способности которых сужены из-за языкового своеобразия: глухие, общающиеся на жестовом языке, цыганские этногруппы, мигранты, принадлежащие к традиционным христианским общинам — гагаузы, молдоване, армяне [13, с. 102]. Для привлечения новых адептов харизматы активно используют реабилитационные центры для наркозависимых и инвалидов¹³.

Исторически, основная территория, избираемая рассматриваемыми группами для приживания — это небольшие города с населением до 250 тыс. человек, либо окраины мегаполисов, также территории пригородов или городские «гетто» — неблагополучные районы [13, с. 102–103]. Условиями, способствующими успешной адаптации сообщества, являются уже существующие группы религиозного вольнодумства или ересей, либо маргинальные сообщества, слабый контроль со стороны государства за общественно-политической жизнью населения в районе или регионе. Успешной бывает адаптация и распространение рассматриваемых групп, как правило в городах и посёлках городского типа, где высока маятниковая мобильность населения, а также в молодых и новых городах, где состав населения пёстрый в этнокультурном отношении и только начинает формироваться социальная иерархия. Например, такие города как Новомосковск, Волжский, Ангарск, некоторые монопрофильные города, исключая закрытые территории [13, с. 103].

Приведённый выше обзор деструктивных проявлений нетрадиционных религиозных течений, включая их роль в общественно-политических процессах на Украине, делает актуальным анализ их потенциального влияния на устойчивость гражданского общества.

Динамика распространения харизматических групп на Украине и геополитические риски для России. Инвазия религиозных групп часто связана с глобальными геополитическими процессами, такими как расширение границ государств и присоединение новых территорий, перемещение иностранных беженцев по территории государства. На рисунке 1 приведена политическая карта распространения нетрадиционной религиозности на Украине до начала специальной военной операции (СВО).

Наибольшая концентрация библейских неопротестантских групп¹⁴ приходится на территорию Новороссии — вошедшие в состав РФ Донецкую и Луганскую области, что является потенциальной предпосылкой проникновения организационных форм новых религиозных движений на территорию России.

Процесс религиозного ренессанса на территории Украины с 1991 года сопровождался тремя особенностями: киевоцентризмом, распространением неоязыческого национализма и сильнейшим ростом новых религиозных движений, в особенности харизматических, чей статус умышленно не регулировался юридически [1, с. 286]. Особенностью украинского законодательства является полное

¹³ Корева Е. Что скрывается за стенами реабилитационного центра пятидесятников в Решах // Русская народная линия. 10.06.2016. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2016/iyun/2016-06-10/chto-skryvaetsya_za_stenami_reabilitacionnogo_centra_pyatidesyatnikov_v_reshah (дата обращения: 20.04.2025).

¹⁴ Евангельские христиане-баптисты, классические пятидесятники, также не являющаяся неопротестантской экстремистская группа «Свидетели Иеговы» (*в России признана экстремистской организацией и запрещена).

Рисунок 1. Политическая карта распространения неопротестантских религиозных групп на Украине до присоединения к России ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей к России¹⁵

отсутствие юридических процедур, усложняющих регистрацию нетрадиционных религиозных организаций [14, с. 33–34]. Начиная с 1990-х гг. на территории восточной части Украины, были созданы благоприятные условия для распространения и прозелитической деятельности харизматических неопятидесятнических религиозных групп. В этих регионах с середины XIX века активно распространялся неопротестантизм, сначала в виде баптизма, затем, с начала XX века, в виде первой волны пятидесятничества [14, с. 33–34].

Уже в 1995 году на Украине были зарегистрированы двадцать восемь неохаризматических религиозных организаций с зонтичной структурой — «Объединение независимых христианских харизматических церквей Украины», другое название «Церковь полного евангелия». На следующий год на территорию Украины официально проникло более 2500 представителей иностранных религиозных организаций [14, с. 33–34]. Отметим, что процесс инвазии новых религиозных движений и зарождение автохтонных культов на Украине представляет собой постоянный континуум, по этой причине усложнено выявление статистических данных о существующих в данный период религиозных организациях на украинской территории. Многие культовые группы, распространившиеся и на территории России после 1991 года, имели украинский генез и являлись автохтонными для территории Украины, в частности секта «Белое братство»^{*} и культ «Ивановцев — обливанцев».

В таблице 1 приводятся данные, характеризующие прогрессирующий рост некоторых нетрадиционных религиозных общин с 1992 по 2015 год¹⁶.

¹⁵ Основа карты взята с ресурса: <https://www.christendom.press/tag/switzerland/> (дата обращения: 20.04.2025).

^{*} В России признана экстремистской организацией и запрещена.

¹⁶ Составлено на основе данных религиозно-информационной службы Украины. URL: <http://risu.org.ua/ua/index/resources/sociology/33985/> (дата обращения: 30.04.2021).

Таблица 1

Непротестантские религиозные организации на Украине, 1992–1996–2015 гг.

Название	Количество общин		
	1992 год	1996 год	2015 год
Общины управляющей Рады ЕХБ (МСЦ ЕХБ)	44	43	46
СЕХБУ	1127	1516	2700
Всеукраинский союз ХВЕ (пятидесятники)	565	852	1700
Церковь полного евангелия	3	80	600
Церковь адвентистов седьмого дня Украины	276	481	1100
Организация Свидетели Иеговы*	366	538	900

Многие религиозные организации, не указанные в таблице, особенно харизматического толка, возникли на территории Украины после 2000 года, к ним относится «Духовное управление Церквей евангельских христиан Украины», основанное организацией «Посольство Божье», в которое вошли все её дочерние церкви. По состоянию на 2013 год, организация состояла из 142 общин. Она являлась одной из финансировавших «оранжевую революцию» [11, с. 213–216].

Можно предположить, что подобная деятельность умышленно поощрялась киевской властью, чтобы оторвать население от исторической связи с Россией для размытия русской идентичности в регионах, которые в настоящее время присоединились к России, где русский язык является родным для большинства населения.

На рисунке 2 наглядно продемонстрировано, что в Донецкой и Луганской областях русский язык является родным для более, чем 75% населения. При этом доля этнических русских превышает 40% населения. Соответственно, в этих регионах в наибольшей степени должна преобладать русская культурная идентичность и тяготение к российскому государству.

Правоммерно предположить, что миграция из Новороссии может сопровождаться присоединением адептов к уже существующим на территории РФ группам с родственными доктринами, либо формированием новых общин, как неофициально действующих, так и легализующихся посредством регистрации, что менее вероятно. Зафиксированный случай проникновения иностранных проповедников-харизматов на территорию России из Украины служит подтверждением данного предположения. В 2023 году в Москве замечено проникновение украинской неохаризматической секты «Новое поколение»**, двое её религиозных лидеров были осуждены за координацию деятельности «нежелательной организации»¹⁷. А по материалам ряда региональных медиа-источников, харизматы в России и ранее стремились прийти к власти на региональном уровне, тем самым упрочив свои политические позиции¹⁸.

* В России признана экстремистской организацией и запрещена.

** Признана нежелательной на территории РФ.

¹⁷ Стали известны детали уголовного дела сектантов из «Нового поколения» // Известия. 18.07.2023. URL: <https://iz.ru/1546126/2023-07-18/stali-izvestny-detali-ugolovnogo-dela-sektantov-iz-novogo-pokoleniia> (дата обращения: 30.04.2025).

¹⁸ Заявление Российской ассоциации изучения религий и сект (РАЦИРС) о неопятидесятничестве // ЦРИ. 01.02.2016. URL: <https://iriney.ru/psevdobiblejskie/neopyatidesyatniki/zayavlenie-racirs-o-neopyatidesyatnichestve.html> (дата обращения: 30.04.2025).

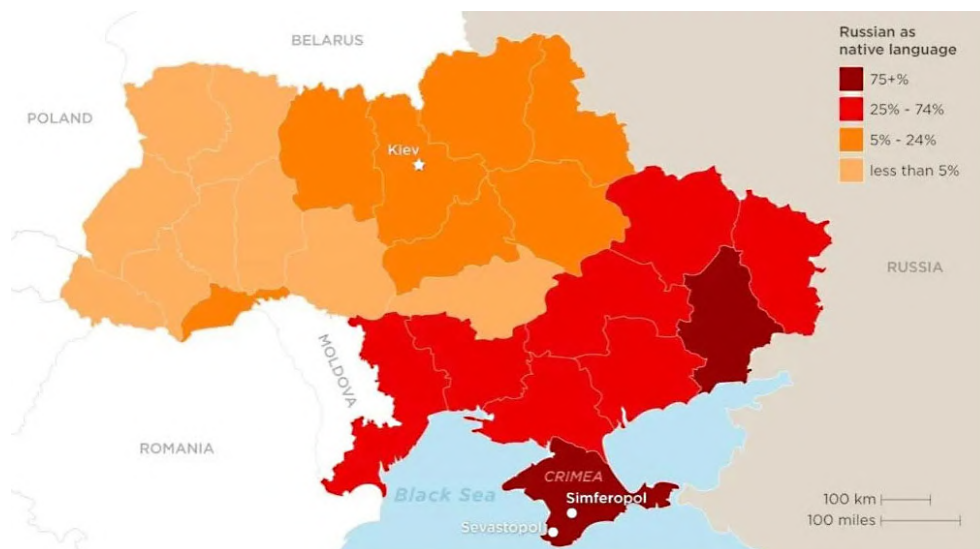

Рисунок 2. Карта распространения русского языка на территории Украины по состоянию до 2014 г.¹⁹

Миграция религиозных групп, в частности, период, когда деятельность её не заметна, так называемый инкубационный период, в среднем составляет 5–6 лет до устойчивого приживания на новой территории [13, с. 100]. По этой причине можно прогнозировать постепенное усиление нетрадиционной религиозности в России в ближайшие годы с вероятным пиком через пять лет. Учитывая, что к протестантским группам на Украине относили и запрещённые в России экстремистские организации, такие как «Свидетели Иеговы»*, то мониторинг нетрадиционной религиозной ситуации на территориях Новороссии представляется особенно актуальным для граждан РФ.

Теоретико-методологические основы анализа инвазии (ризомы + механизмы). Распространение харизматических религиозных сект имеет своеобразную траекторию, обеспечивающую эффективное приживание. В отличие от других нетрадиционных религиозных групп, например Адвентистов седьмого дня или Евангельских христиан–баптистов, а также классических пятидесятников, харизматы имеют в целом ризомическую децентрализованную, неиерархическую, нелинейную и множественную структуру, однако каждая отдельная община организована жёстко иерархически. Для описания своеобразной структуры распространения и устройства харизматических религиозных сообществ более всего релевантна теоретическая модель ризомы, предложенная Жилем Делёзом и Феликсом Гваттари [3, с. 5–7]. В харизматических религиозных сообществах часто нет чёткого центра, а все структурные элементы между общинами связаны между собой множеством нелинейных путей. Далее в рамках теоретического подхода Ж. Делеза подробно рассмотрим способы распространения рассматриваемых организаций, осуществляемые в рамках ризомического движения.

¹⁹ Основа карты взята с ресурса: <https://www.forbes.com/sites/realspin/2014/03/13/the-ethnicities-of-ukraine-are-united/> (дата обращения: 20.04.2025).

* В России признана экстремистской организацией и запрещена.

Перенесение религиозных организаций в полной мере, либо только в виде идеологии за пределы страны основания, то есть материнской территории, на новые территории распространения без начала процесса расширения — это самая ранняя стадия инвазии, она называется *интродукцией*. Инвазия подразумевает успешное приживание группы и начало расширения [13, с. 99].

Причины расширения границ распространения религиозных сообществ и их перемещения на новые территории могут быть разделены на две основные группы, связанные с глобальными геополитическими процессами и с различными формами человеческой миграции.

К первой группе процессов относятся расширение границ государств и присоединение новых территорий, перемещение иностранных беженцев по территории государства, оккупации и интервенции. Второй тип инвазий религиозных групп условно разделяется на преднамеренные и непреднамеренные. Они слабо поддаются контролю со стороны государства. Выделение типов проникновения религиозных сообществ на преднамеренные, то есть контролирующиеся государством, и непреднамеренные является условным и производится в рамках логической идеально-типической модели. Она предусматривает некоторое упрощение и идеализацию сложности исследуемого социального явления (см. рис. 3).

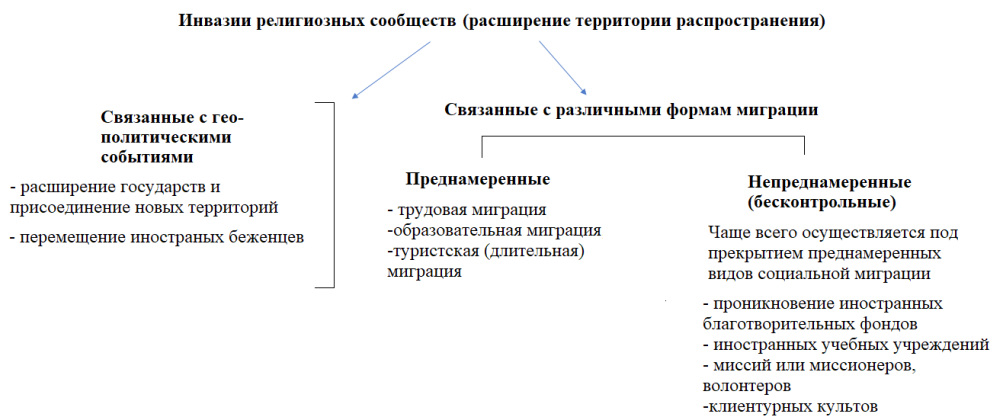

Рисунок 3. Операциональная модель: причины инвазий религиозных сообществ и их типология

К преднамеренным относятся виды миграций, санкционированные и поощряемые принимающим государством, например: трудовая миграция в соответствии с оформленными трудовыми визами и патентами, образовательная миграция, туристские миграции. Бесконтрольные миграции, с одной стороны, могут осуществляться под прикрытием официально разрешённых преднамеренных перемещений. Примером такого скрытого перемещения является теневая трудовая деятельность туристов, прибывающих в страну по учебной визе: работа на рынках, промоутерами печатной рекламной продукции и пр. Проживание при инфраструктуре действующих в стране религиозных сообществ также можно отнести к подобному виду миграции.

С другой стороны, к бесконтрольной миграции следует отнести проникновение миссий и миссионеров, иностранных волонтеров, иностранных учебных учреждений, либо их филиалов, иностранных благотворительных фондов, клиентурных культов или консалтинговых групп, если это осуществляется без го-

сударственного контроля и официального разрешения. Все перечисленные виды инвазий, кроме проникновения миссионеров в случае, если это делается с санкций государства-реципиента, могут применяться в целях мимикрии и обхода контроля со стороны государства, например, религиозные сообщества могут проникать и регистрироваться под видом клиентурных культов. Указанные переносимые с иностранной территории формы организации могут быть частью сложной структуры религиозных сообществ, например, структуры, занимающиеся социальной реабилитацией наркоманов или бывших заключённых.

Особого внимания заслуживает скрытая инвазия религиозных групп, осуществляемая в результате трудовой миграции. В рамках неё осуществляется интродукция организационных форм сообщества, общины, либо, на первом этапе, — интродукция идеологии. Аллегорией для обозначения подобного типа скрытых религиозных инвазий может выступать библейская мифология пророка Ионы²⁰ (схематический пример представлен на рис. 4).

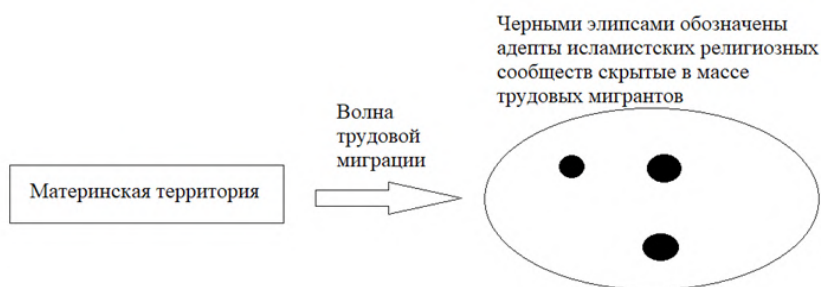

Рисунок 4. Модель скрытой неконтролируемой инвазии религиозных сообществ

Усвоение доктрины и миссионерская работа мигрирующих на новую территорию, например исламистов, направлена главным образом не на коренное население осваиваемой территории, а на мигрантов-соотечественников, исповедующих другие формы идентичной религии, как правило, традиционные. Мониторинг глобальных геополитических процессов в непосредственной близости от границ, анализ процессов миграции внутри страны позволяет прогнозировать потенциальные инвазии религиозных сообществ.

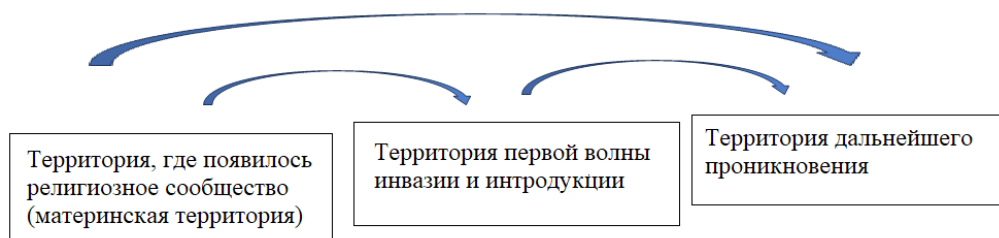

Рисунок 5. Модель многоступенчатого каскада инвазии религиозных сообществ

²⁰ Согласно библейской ветхозаветной легенде, пророк Иона (рубеж IX–VIII веков до н.э.) был проглочен и трое суток находился в желудке Кита во время морского путешествия, после чего был спасён чудесным образом.

По структуре могут быть выделены следующие формы инвазий религиозных групп:

1. Полное проникновение сообщества — перенос с материнской территории либо с территории вторичного распространения на новую.
2. Интродукция организационных форм группы.
3. Инвазия и интродукция идеологии.

Полное проникновение сообщества осуществляется, как правило, вследствие притеснения группы, репрессий, либо неприемлемых условий существования. В этом случае перемещается вся организация в полном составе с лидерами и адептами. Полная инвазия сообщества может подразделяться на перенос всей организации полностью, либо некоторых частей организационной структуры, то есть общин.

Интродукция организационных форм группы осуществляется по типу выстраивания самостоятельных отделений, подчиняющихся и контролирующихся центром организации, либо представителями материнской организации. При этом типе инвазии и распространения осуществляется детальное воспроизводство структуры и доктрины организации, а также принципов управления и функционирования на территории рецепции [15, с. 559]. Как правило, решение об инвазии группы принимается в управленческом органе материнской организации [13, с. 100]. Такой тип инвазии и расширения территории распространения сообщества проходит под прикрытием длительного туризма (дауншифтинга) представителя материнской организации, других видов преднамеренной миграции, либо бесконтрольным способом и может быть классифицирован как бесконтрольный или непреднамеренный.

Инвазия и интродукция идеологии связана с синергией организационных форм. При этом происходит копирование уже существующей идеологии религиозного сообщества, точнее, согласно концепции Йоахима Ваха, элементов религиозной практики — групповой или индивидуальной, форм выражения доктрины (теологии или космологии), ритуальной практики, понимания сакральности и божества [16, с. 27]. Процесс идеологической инвазии может быть инициирован организацией-оригиналом. В данном случае нами описывается процесс «копирования» идеологии или организационных форм, по этой причине мы называем организацию, которая служит прототипом, не материнской, а оригинальной. Термин «материнская организация» более приемлем для описания процесса интродукции организационных форм. Также процесс идеологической инвазии может совершаться без ведома материнской организации. При интродукции идеологии часто организационные формы и внутригрупповые связи могут быть слабыми, формальными. Неохаризматы достаточно часто применяют именно такой метод инвазии. Как уже говорилось, это широкое международное идеологическое религиозное течение, в рамках которого функционирует множество сообществ и отсутствует единая центральная организация. Тем не менее, постоянный информационный обмен и взаимодействие между приверженцами данной идеологии, приводит к созданию новых сообществ подобного типа.

Заключение. Проведённый анализ свидетельствует о том, что начиная с 1990-х гг. на территории восточной части Украины, особенно в Донецкой и Луганской областях, была реализована долгосрочная политика по созданию благоприятных условий для распространения харизматических религиозных групп. Эта деятельность, судя по всему, носила целенаправленный характер и была ориентирована

на ослабление историко-культурных связей русскоязычного населения с Россией посредством формирования альтернативных идентичностей и ценностных систем. Как показывают статистические данные и исторические свидетельства, украинское законодательство сознательно не ограничивало регистрацию подобных организаций, что способствовало их экспоненциальному росту с нескольких десятков общин в начале 1990-х до многих тысяч к 2015 году.

Харизматические и неохаризматические религиозные движения демонстрируют социально-деструктивный потенциал, проявляющийся в практиках психологического насилия, участии в общественно-политических кризисах и трансформации религиозной проповеди в форму политического лоббирования. Их структура, описываемая через модель ризомы, обеспечивает высокую устойчивость к внешнему контролю и способность к скрытому проникновению на новые территории, в частности через миграционные потоки с инкубационным периодом продолжительностью около 5–6 лет, в течение которого их деятельность трудно выявить.

В условиях присоединения ДНР, ЛНР и других регионов к Российской Федерации создаются объективные предпосылки для трансграничной миграции таких групп. Собственно отдельные случаи проникновения украинских харизматических сект на российскую территорию уже были зафиксированы. Учитывая, что среди этих структур могут находиться и экстремистские формирования (включая уже запрещённые в РФ группы), а также их склонность к политической ангажированности, подобные процессы представляют собой не только религиозный, но и геополитический риск.

Таким образом, харизматические религиозные движения могут выступать инструментом «мягкой силы», направленной на дестабилизацию гражданского общества и ослабление государственного суверенитета. В этих условиях необходимо развитие системного мониторинга нетрадиционной религиозности, особенно в новых регионах России, а также совершенствование нормативно-правовых механизмов, позволяющих своевременно выявлять и пресекать деструктивные проявления под религиозным прикрытием. Данная статья вносит вклад в постановку этой проблемы и обосновывает необходимость её дальнейшего междисциплинарного изучения.

Библиографический список / References

1. *Белякова Н. А.* Эволюция отношений власти и христианских деноминаций в Белоруссии, Украине и республиках Прибалтики в последней четверти XX — начале XXI вв.: дис... канд. истор. наук: 07.00.03 / Белякова Надежда Алексеевна. М., 2009. 323 с. EDN [QEILBJ](#).
Belyakova N. A. The evolution of relations between power and Christian denominations in Belarus, Ukraine and the Baltic republics in the last quarter of the 20th — early 21st centuries. Candidate Degree Thesis. Moscow; 2009. (In Russ.).
2. *Петрик В. М.* Пути и механизмы усовершенствования государственно-церковных отношений в Украине (на примере новых религиозных объединений): автореф. дис... канд. гос. управление: 25.00.02 / Петрик Валентин Михайлович. Донецк, 2004. 25 с. EDN [ZLHPWJ](#).
Petrik V. M. Paths and mechanisms for the restoration of the state-church vids in Ukraine (on the application of new religious associations). Abstract of Candidate Degree Thesis. Donetsk, 2004. (In Ukrainian).
3. Deleuze G., Guattari F. *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. Minneapolis: University of Minnesota Press; 1987.
4. Freedom L. M. *The Secret Science Behind Miracles*. Wildside Press, 1954.
5. Watts J. *God, Harlem U.S.A.: The Father Divine Story*. Berkeley: University of California Press; 1992.

6. Shane Cl. Pentecostal Churches in Transition: Analysing the Developing Ecclesiology of the Assemblies of God in Australia. Brill Academic Publishers; 2009. Vol. 3.
7. Bühne W. Spiel mit dem Feuer. Bielefeld: Christliche Literatur-Verbreitung; 1993.
8. Никольская Т. К. Протестантский самиздат 1960-х — 1980-х годов в СССР // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 1(27). С. 64–69. EDN [WCYTBB](#).
Nikolskaya T. K. Protestant samizdat of the 1960s — 1980s years in the USSR. *The Bryansk State University Herald*. 2016;(1):64–69. (In Russ.).
9. Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социология преступности : (Современные буржуазные теории). М. : Прогресс, 1966. С. 299–313.
Merton R. K. Social Structure and Anomie. In: *The sociology of crime and delinquency*. Moscow: Progress; 1966. P. 299–313. (In Russ.).
10. Davis D., Hankins B. (eds.) *New Religious Movements and Religious Liberty in America*. Waco, Tex. : Baylor University Press; 2003.
11. Поклонов В. В. Роль западных сект в «цветных революциях» на примере Украины // Макарьевские чтения : материалы XVII междунар. науч.-практич. конф. (Горно-Алтайск, 23–24 сентября 2022 г.). Горно-Алтайск : БИЦ ГАГУ, 2022. С. 213–216. EDN [TTCYCN](#).
Poklonov V. V. The role of western sects in the “color revolutions” (the case study of Ukraine). In: *Makaryevskie Readings: Proceedings of the XVII International Scientific and Practical Conference*. Gorno-Altaysk: BIC GAGU; 2022. P. 213–216. (In Russ.).
12. Можейко М. А. Ризома // Постмодернизм : Энциклопедия / Сост. и науч. ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. Минск : Интерпрессервис, 2001. С. 656–660.
Mozheiko M. A. Rhizome. In: *Gritsanov A. A., Mozheiko M. A. (eds) Postmodernism. Encyclopedia*. Minsk: Interpressservice; 2001. P. 656–660. (In Russ.).
13. Царьков П. Е. Теоретические подходы к исследованию распространения привнесённых религиозных сообществ в российском социальном пространстве (культурно-политические аспекты) // Евразийское пространство: экономика, право, общество. 2024. № 10. С. 98–104. EDN [GXGGMO](#).
Tsarkov P. E. Theoretical approaches to the study of the spread of imported religious communities in the Russian social space (cultural and political aspects). *Eurasian space: economy, law, society*. 2024;(10):98–104. (In Russ.).
14. Колодний А. Релігійні процеси в Україні: реалії сьогодення // Релігія і Церква в контексті реалій сьогодення. Київ, 1995. Р. 33–34.
Kolodniy A. Religious processes in Ukraine: today's realities. In: *Religion and the Church in the context of today's realities*. Kyiv; 1995. P. 33–34. (In Ukrainian).
15. Мартинович В. А. Нетрадиционная религиозность: возникновение и миграция : Материалы к изучению нетрадиционной религиозности. Т. 1. Минск : Минская духовная академия, 2015. 559 с.
Martynovich V. A. Non-traditional religiosity: emergence and migration: Materials for the study of non-traditional religiosity. Vol. 1. Minsk: Minsk Theological Academy; 2015. (In Russ.).
16. Wach J. *Types of religious experience: Christian and Non-Christian*. Chicago: University of Chicago Press; 1951.

Поступила: 16.05.2025. Доработана: 30.06.2025. Принята: 05.07.2025.

Сведения об авторе:

Царьков Пётр Евгеньевич, кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник, Институт социально-политических исследований
ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

petrcarkov@gmail.com

Author ID РИНЦ: [763954](#); ORCID: [0009-0009-6167-933X](#)

P. E. Tsarkov¹

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia

SOCIALLY DESTRUCTIVE POTENTIAL OF CHARISMATIC RELIGIOUS MOVEMENTS: PROBLEM STATEMENT

Abstract. The article analyses the socio-destructive potential of charismatic religious movements in the context of their transnational spread from Ukraine to the territory of the Russian Federation. The author examines the historical and political conditions that facilitated the exponential growth of non-traditional religious groups in eastern Ukraine since the early 1990s and presents statistical data indicating a deliberate policy aimed at weakening Russian-speaking identity in the Donetsk and Luhansk regions. Drawing on the rhizome theory of Gilles Deleuze and Félix Guattari, the study describes the structural features and mechanisms of penetration employed by charismatic religious groups, including their propensity for political lobbying, involvement in sociopolitical crises, and engagement in destructive practices. Particular attention is paid to the risks associated with the incorporation of new territories into Russia, especially the potential use of charismatic groups as an instrument of “soft power.” The article aims to draw the academic community’s attention to the issue of foreign religious movements and to underscore the necessity of systematic monitoring of non-traditional religiosity as a factor that may threaten the stability of civil society and state sovereignty.

Keywords: charismatic religious movements, non-traditional religiosity, religious invasion, migration of religious groups, socio-destructive potential, religious extremism, soft power, religious security

For citation: Tsarkov P. E. Socially destructive potential of charismatic religious movements: problem statement. *Science. Culture. Society.* 2025;31(4):148–161. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.10>

Received: 16.05.2025. Corrected: 30.06.2025. Accepted: 05.07.2025.

Author information:

Petr E. Tsarkov, Candidate of Sociology, Senior researcher,
Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

petrcarkov@gmail.com

ORCID: 0009-0009-6167-933X

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.4.11](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.11)
EDN [BFOHMB](https://www.edn.ru/BFOHMB)
УДК 316.344.2:796.332

В. А. Горохов¹, К. А. Нарышкин¹

¹ Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС.
Санкт-Петербург, Россия

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РОЛЕЙ КЛУБНОГО ФУТБОЛА В ЕВРОПЕ И РОССИИ В УСЛОВИЯХ НАРАСТАЮЩЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА

Аннотация. В статье анализируется связь между финансовым благополучием, спортивным результатом и зрительским интересом в ведущих национальных европейских клубных турнирах в контексте изменения социальных ролей современного футбола. Ориентируясь на теоретическую дискуссию о неравенстве возможностей в современном клубном футболе, авторы противопоставляют стремление ведущих европейских футбольных клубов к большей рыночной свободе и политику Союза европейских футбольных ассоциаций (УЕФА), направленную на обеспечение равенства возможностей и единых правил регулирования. На основе анализа кейсов ведущих национальных футбольных лиг Англии, Испании, Франции, Германии и России в период с 2014 по 2024 год, авторы проверяют предположение о том, что разрыв в финансовом благополучии клубов может подорвать восприятие футбола как общего блага из-за доминирования отдельных клубов и роста предсказуемости результатов. Используя посещаемость матчей и доходность футбольных лиг как индикаторы зрительского интереса и его коммерческой капитализации на национальном и глобальном уровне, авторы приходят к выводу о том, что футбол сохраняет свою социальную значимость, однако его социальные роли претерпевают трансформацию, связанную с концентрацией интереса вокруг самых титулованных клубов. Подобная концентрация, с одной стороны, усиливает разрыв между доминирующими и остальными клубами, а с другой — поддерживает коммерческую привлекательность турниров за счёт вовлечения не только национальной, но и глобальной аудитории.

Ключевые слова: футбол, неравенство, экономика спорта, социология спорта, зрительский интерес, коммерциализация спорта, социальные роли, национальные футбольные лиги

Для цитирования: Горохов В. А., Нарышкин К. А. Трансформация социальных ролей клубного футбола в Европе и России в условиях нарастающего экономического неравенства // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 4. С. 162–175. DOI [10.19181/nko.2025.31.4.11](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.11). EDN [BFOHMB](https://www.edn.ru/BFOHMB).

Введение. В последнее десятилетие в ведущих европейских футбольных лигах наблюдается тенденция доминирования клубов, располагающих наибольшими финансовыми ресурсами. Данная тенденция позволяет рассматривать лиги в традиции неолиберальной экономики, согласно которой наиболее обеспеченные ресурсами клубы находятся в привилегированном положении. Опасения, что вследствие устойчивого дисбаланса ресурсов между клубами футбольное соревнование теряет своё изначальное социальное и культурное значение и превращается в арену для демонстрации финансовой силы и власти на рынке, находят всё большее отражение как в научной дискуссии [1], так и в риторике высшего руководства Союза Европейских

Футбольных Ассоциаций (УЕФА)¹ — главного регулятора европейского клубного футбола.

Проблема настоящего исследования отражает противоречие между растущей коммерциализацией футбола и его социальными ролями, когда в условиях усиления значения финансовой составляющей возникает риск снижения потенциала футбола как арены для социального взаимодействия. В этой связи важным аспектом является понимание того, как финансовый дисбаланс влияет на восприятие спортивной борьбы болельщиками и общественностью в целом. В условиях доминирования богатейших клубов возникает риск снижения эмоциональной вовлечённости зрителей, размытия спортивных традиций и, как следствие, утрата футболом социальной и культурной значимости.

Основной исследовательский вопрос статьи — как (и почему) меняются социальные роли клубного футбола в условиях доминирования клубов, обладающих большими ресурсами по сравнению с основными конкурентами? В статье также проверяется предположение о том, возможно ли сохранение зрительской привлекательности турниров в ситуации ограниченной конкуренции, участниками которой являются лишь самые обеспеченные клубы.

Работа использует методологию кросс-национального сравнительного исследования, основными методами в котором выступают анализ документов и анализ дескриптивной статистики. Исследование вносит вклад в дискуссию о порте как общем благе, расширяя её за счёт сравнительного анализа европейского и российского контекстов, редко рассматриваемых совместно в рамках единой аналитической рамки.

Спорт высших достижений: между общим благом и частным интересом. Теоретическую дискуссию о трансформации социальной значимости футбола в условиях его стремительной коммерциализации можно представить в виде противоречий в понимании спорта как общего блага и спорта как частного коммерческого интереса. Под «общим благом» мы будем понимать совокупность условий и ценностей, направленных на обеспечение справедливого распределения ресурсов и возможностей участия. Спорт как общее благо способствует развитию как всего футбольного общества, так и его отдельных групп, а также служит основой для формирования социальных норм и общей политики. В этой связи любая дискриминация и наличие цензов, искусственно ограничивающих доступ к соревнованиям, противоречит восприятию футбола как общего блага. Таким образом, понимание футбола как общего блага делает приоритетом не коммерциализацию, а социальную значимость футбола. Под частным интересом в условиях конкурентной рыночной экономики мы будем понимать стремление к рыночной свободе, подразумевающей коммерциализацию спорта как приоритет в экономико-хозяйственной деятельности. Рыночная свобода в футболе подразумевает свободное движение игроков и тренеров между клубами, а также свободное ценообразование на трансферы и контракты, что позволяет клубам самостоятельно определять свои стратегии и заключать сделки без чрезмерного вмешательства государственных или футбольных регуляторов.

¹ Men in Blazers Exclusive: Interview with UEFA President Aleksander Čeferin // [Meninblazers.com](https://meninblazers.com/2023/04/25/exclusive-interview-with-uefa-president-aleksander-%C4%8Deferin/). 25.04.2023. URL: <https://meninblazers.com/2023/04/25/exclusive-interview-with-uefa-president-aleksander-%C4%8Deferin/> (accessed: 10.04.2025).

В социальных науках сложилось конвенциональное мнение о том, что спорт является инструментом для достижения различных политических целей [2] и способен формировать политическую реальность, оказывающую влияние на социальное поведение как общества в целом, так и отдельных социальных групп [3]. В то же время всё большую популярность набирает точка зрения о том, что абсолютизация коммерческой составляющей и превращение спорта в глобальный бизнес-продукт бросает вызов спорту как общественно-политическому институту и социокультурному феномену, что может негативно отразиться на его зрелищности [4]. Спорт при этом продолжает играть ряд важных социальных ролей, связанных со сплочением, социализацией и конструированием идентичностей, а также способствует развитию чувства гордости и патриотизма. В рамках настоящего исследования, под «социальными ролями» футбола мы будем понимать ценность вида спорта как инструмента социальной интеграции – объединения разрозненных сообществ вокруг общих ценностей и интересов, в качестве которых выступают дух спорта и спортивные соревнования. Футбол конструирует социальные и политические идентичности, тем самым способствуя укреплению социальных связей как внутри сообществ (болельщики «своих»), так и между сообществами за счёт создания экосистемы для взаимодействия и развития чувства принадлежности к общему сообществу (любовь к футболу). Соревнования являются ключевым элементом экосистемы, поэтому наличие доступа к соревнованиям и возможности бороться за победу положительно влияет на конструктивистский и объединяющий потенциал футбола.

Анализ социальных ролей спорта в условиях рыночных институтов нашёл отражение в нескольких теоретических подходах. Один из подходов восходит к трудам Пьера Бурдье [5] и позволяет рассматривать клубы как социальные поля, где символический капитал (традиции, бренды и идентичности) трансформируется в экономический капитал, определяющий их позиции на глобальном рынке. Несколько иной подход предлагает теория стейкхолдеров (stakeholder theory) [6], противопоставляющая интересы различных групп влияния (болельщики, медиа, регуляторы и местные сообщества) коммерческим интересам владельцев клубов и инвесторов. Ещё один подход связан с коммодификацией спорта, рассматривающий футбол как товар в системе рыночных отношений [7], что подчёркивает приоритет коммерческой составляющей в индустрии перед традиционно существовавшей социальной и культурной функцией спорта. Представленные теоретические подходы явно или имплицитно отражают глубинные противоречия между растущей коммерциализацией футбола и его социально-политическими ролями, которые лежат в основе проблемы настоящего исследования.

Неравенство и регулирование в Европейском клубном футболе. Растущая коммерциализация клубного футбола в Европе подняла в исследовательской литературе вопрос о неравенстве возможностей. Под «неравенством» мы понимаем значительные различия в доходах, бюджете и ресурсах между клубами, проявляющиеся в разрыве рыночных возможностей между наиболее обеспеченными клубами и остальными участниками соревнования. В исследованиях спорта сложился консенсус, что наиболее обеспеченные клубы стремятся к большей рыночной свободе, увеличению собственной капитализации и капитализации индустрии в целом, а существующие структуры управления (регу-

ляторы) стремятся сохранить существующий статус-кво, направленный на обеспечение повсеместного участия и вовлечение в европейский футбол по единым правилам [8]. Политика футбольных регуляторов рассматривается как мера недопущения несправедливых условий для участников футбольного рынка и сохранения социальных ролей футбола как общего блага.

Противоречия между экономическими и социальными приоритетами клубного футбола в Европе нашли отражение в дискуссии о капитализации. Центральное место в дискуссии отводится идее о закрытом наднациональном супертурнире, в котором принимал бы участие только ограниченный круг самых финансово обеспеченных клубов. Идея общеевропейского клубного супертурнира, впервые возникшая в 1960-х, базируется на экономической целесообразности, которая обусловлена тем, что коммерческий результат от противостояния равных и сильных соперников заведомо выше. Ближе всего к реализации идеи подобного турнира европейский футбол был в 2021 году, когда тринадцать ведущих клубов, представляющих Англию, Испанию и Италию, объявили о проведении Суперлиги Европы (СЕ). Предполагалось, что турнир не будет проходить под эгидой УЕФА, а участие в нём не будет предполагать прохождение отбора через национальные чемпионаты. Таким образом, СЕ предлагала качественно иной подход в управлении футбольным турниром, бросая вызов устоявшемуся порядку регулирования. СЕ ограничивала доступ к участию за счёт введения финансовых и экономических цензов. Преимущества СЕ заключались бы в более сбалансированном распределении талантов и максимальной концентрации футбольных суперзвёзд на поле в каждом матче. Вместе эти два аспекта позволили бы повысить непредсказуемость и интенсивность борьбы за титул, а также зрелищность турнира, что могло бы позволить клубам-членам СЕ рассчитывать на качественное увеличение собственных доходов за счёт реализации билетов, прав на трансляцию и спонсорских прав [9].

Ориентация СЕ на рыночные ценности и коммерческий результат развивает теоретическую дискуссию о неравенстве в футболе с социальной точки зрения. Следует, в первую очередь, отметить, что идеи, подобные СЕ, игнорируют ценности, традиции и идентичности, в течение долгого времени складывавшиеся вокруг футбола. Не случайно проект СЕ вызвал повсеместные протесты рядовых болельщиков, заявлявших, что модель СЕ искажает футбол. Системный анализ мнений болельщиков по данным организации Football Supporters Europe (2024) показал², что 63% опрошенных опасаются потери клубами идентичности вследствие глобализации и коммерциализации, а 71% поддерживают введение ограничения на расходы клубов (salary-cap). Подобные настроения подтверждают исследования протестов болельщиков, в частности движения «No to Modern Football» [10]. Болельщический интерес, базирующийся на эмоциональной привязанности, во многом обуславливается противостоянием с принципиальными соперниками, которое имеет длительную историю и связано со структурой общества и политическими процессами на национальном уровне. Отмечается, что как только корни клубов будут потеряны, футбол сделает последний шаг на пути превращения спорта как общественно значимого феномена в коммерческий товар [11]. Кроме того, искусственное исключение участников из турниров снижает вероятность громких сенсаций, когда заведомо слабый участник

² 2024 in Review // Football Supporters Europe. 20.12.2024. URL: <https://www.fanseurope.org/news/2024-in-review/> (accessed: 10.04.2025).

одерживает победу над главным фаворитом. В исследовательской литературе такой феномен носит название «победы Давида над Голиафом» и считается одним из факторов привлекательности спортивных турниров для зрителей и болельщиков [12].

Одной из важных институциональных реакций УЕФА на стремление ведущих клубов к кардинальному изменению статуса-кво в европейском футболе стало внедрение финансового «фэйр-плей» (ФФП), суть которого заключается в том, что расходы клуба не должны превышать его официальные доходы. Несоблюдение ФФП ведёт к санкциям вплоть до лишения завоёванных трофеев и наград. Ожидалось, что ФФП будет обеспечивать общую финансовую стабильность европейского клубного футбола. Однако, как показывают результаты исследований, ФФП негативно повлиял на конкурентный баланс европейских футбольных лиг, и крайне незначительно поменял прибыльность клубов [13]. В целом, в исследовательской литературе сформировалось крайне критическое отношение к ФФП, ставящее под сомнение его влияние на решение финансовых проблем европейского футбола.

Таким образом, в европейском футболе проблема значительного различия между благосостоянием футбольных клубов отражается как в политике клубов, так и в политике УЕФА как главного регулятора. Безуспешные попытки ведущих клубов существенно поменять правила отбора на международные соревнования, проходящие под эгидой УЕФА, вынуждают клубы проходить отбор через национальные чемпионаты (лиги). Спортивный принцип отбора вынуждает клубы наращивать собственные ресурсы для участия в национальных первенствах, что лишь увеличивает разницу в благосостоянии между ведущими и остальными клубами. Далее рассмотрим, как значительное превосходство отдельных клубов влияет на спортивный результат, зрительский интерес и коммерческую привлекательность.

Доминирующие клубы в ведущих национальных лигах Европы и России (2014–2024). Для сравнительного анализа были отобраны ведущие клубные лиги Европы и России, в которых присутствуют доминирующие клубы (см. табл. 1), значительно опережающие остальных конкурентов в плане спортивного результата в период с 2014 по 2024 год. Нижняя граница хронологических рамок обусловлена тем, что сезон 2013/2014 — это момент полноценного внедрения ФФП в европейском клубном футболе. Верхняя граница — трансформацией регуляторной политики УЕФА: начиная с 2023 года на смену принципам ФФП приходят нормы финансовой устойчивости (Financial Sustainability Regulations). Новая модель предполагает поэтапное снижение максимальной доли затрат на состав до 70% от клубной выручки к сезону 2025/26, что формально направлено на усиление соревновательного баланса, но на практике может закрепить доминирующее положение наиболее обеспеченных ресурсами клубов. Помимо этого верхняя хронологическая рамка обусловлена тем, что начиная с 2025 года преобразуется архитектура международного клубного календаря, в котором появляется Клубный чемпионат мира (Club World Cup) с участием 32 ведущих клубов и призовым фондом порядка миллиарда долларов, что может ещё больше усилить разрыв между ведущими командами и остальными участниками мировой футбольной системы. Этот процесс подтверждает тренд на глобализацию зрительского интереса и перенаправление финансовых потоков в пользу ограниченного круга бенефициаров.

В Таблице 1 столбец «Количество других клубов в топ-3 турнира» демонстрирует количество клубов, помимо доминирующих, которые в рассматриваемый период занимали одно из призовых мест. Как видно из Таблицы 1, схожесть выбранных случаев обусловлена не только наличием доминирующих клубов, но и ограниченной (в случае Ла Лиги — сильно ограниченной) конкуренции.

Таблица 1
Доминирующие клубы в ведущих футбольных лигах России и Европы

Турнир	Доминирующие клубы	Количество титулов (из 11 возможных) 2014-2024	Количество других клубов в топ-3 турнира 2014-2024
Лига 1 (Франция)	Пари Сен-Жермен	9 (82%)	8
Бундеслига (Германия)	Бавария	10 (91%)	8
Ла Лига (Испания)	Барселона Реал Мадрид	9 (82%)	2
Премьер-лига (Англия)	Манчестер Сити	7 (64%)	6
Премьер-лига (Россия)	Зенит	7 (64%)	8

Источник: составлено по данным на официальных сайтах лиг.

Для **испанской Ла Лиги** в Таблице 1 представлены два клуба, что обусловлено спецификой конкуренции в турнире, когда за редким исключением титул и одно из призовых мест достаётся либо Барселоне, либо Реалу Мадрид. Эти клубы обладают самыми значительными финансовыми возможностями, постоянно наращивают собственные ресурсы, что способствует дальнейшему росту конкурентных преимуществ на футбольном рынке и порождает дисбаланс в спортивной экосистеме Ла Лиги. При этом в турнире выступает, например, клуб Атлетик, состав которого формируется по территориальному и национальному принципу. За клуб выступают исключительно баски по национальности и игроки, родившиеся в Стране Басков — регионе, который представляет клуб. Атлетик — единственный клуб, кроме Барселоны или Реала Мадрид, никогда не покидавший Ла Лигу. Несмотря на то, что Атлетик последний раз становился чемпионом в сезоне 1983/1984, по количеству проданных абонементов на сезон 2024/2025 клуб занимает четвёртое место в Ла Лиге (43 649 абонементов при вместимости арены 53 289 зрителей)³. Подобная популярность клуба в условиях отсутствия значительных спортивных успехов апеллирует к спорту как общественно значимому феномену, связанному с особенностями структуры общества и политической жизни.

Важно отметить, что Ла Лига, как и другие ведущие футбольные лиги, заинтересована в финансовом благополучии участников и предъявляет к клубам финансовые требования, несоблюдение которых ведёт к исключению из турнира. Так, например, в 2015 году футбольный клуб Эльче из-за долгов перед налоговыми органами был исключён из соревнования. Годом раньше клуб Эйбар после требований Ла Лиги об увеличении бюджета был вынужден провести краудфандинговую кампанию, в результате которой собственником клуба стали

³ Осипов И. Строго по паспорту: как в футболе выживают клубы с игроками из одного региона // Ведомости. 15.09.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/sport/football/articles/2024/09/13/1062185-strogo-po-pasportu-kak-v-futbole-vizhivayut-klubi-s-igrokami-iz-odnogo-regiona> (дата обращения: 10.04.2025).

более десяти тысяч болельщиков. В целом требования финансовой состоятельности к клубам катализируют гонку бюджетов, что также увеличивает разрыв между доминирующим и остальными клубами.

Во **французской Лиге 1** Пари Сен-Жермен (ПСЖ) всё чаще становится символом успеха французского клубного футбола, хотя даже относительно недавняя история клуба была весьма незавидной. К сезону 2010/2011 ПСЖ подходил в тяжёлом финансовом положении, имея многомиллионный долг. В тот сложный для клуба момент катарская инвестиционная компания Qatar Sports Investments приобрела 70-процентную долю ПСЖ, что позволило ему стать самым богатым клубом лиги, качественно развить клубную инфраструктуру и вести агрессивную трансферную политику на футбольном рынке, массово привлекая под свои знамёна суперзвёзд мирового футбола. По данным агентства Deloitte, ПСЖ занимает третье место по размеру доходов в футбольном мире⁴, входя в десятку самых дорогих по стоимости футбольных клубов в мире.

Наращивание финансового благополучия ПСЖ проходит на фоне больших финансовых проблем у ряда конкурентов. В частности, клуб Лион, неоднократно становившийся призёром Лиги 1 в изучаемый период, был в 2024 году условно дисквалифицирован УЕФА из-за финансовых проблем, а многократный чемпион страны клуб Нант вследствие финансовых сложностей ведёт борьбу за право остаться в турнире. Остальные клубы лиги также значительно уступают ПСЖ в обеспеченности ресурсами. Таким образом, Лига 1 — пример турнира, где наблюдается серьёзный дисбаланс в распределении талантов и концентрации футбольных суперзвёзд на поле.

В **немецкой Бундеслиге** доминирующий клуб также является самым богатым, демонстрируя в последние годы рекордные показатели капитализации и прибыльности⁵. Бавария стала символом успеха клубного немецкого футбола в мире, но тем не менее по-прежнему вызывает неоднозначную реакцию среди немецких болельщиков. По данным ведущего мирового агентства спортивной статистики Statista одинаковый процент немецких болельщиков (по 41%) заявили о своих симпатиях и антипатиях к клубу⁶. Такого высокого уровня антипатии не удостоился ни один другой клуб. Примечательно, что о нейтральном отношении к Баварии заявило меньше всего болельщиков, что говорит об эмоциональной привязанности (симпатии или антипатии) к доминирующему клубу. Подобная привязанность апеллирует, в том числе, к феномену «победы Давида над Голиафом».

В **английской Премьер-лиге (АПЛ)** за первые три десятилетия существования турнира наблюдается всё возрастающий разрыв между ведущими клубами и остальными участниками, приведший к формированию так называемой «большой шестёрки» клубов, которая в рассматриваемый период распределила между собой практически все призовые места в турнире. АПЛ является показательным примером европейского клубного турнира, когда увеличение разры-

⁴ Annual Review of Football Finance 2024 // [Deloitte.com](http://www.deloitte.com/uk/en/services/financial-advisory/analysis/deloitte-football-money-league.html). 25.06.2024 URL: <http://www.deloitte.com/uk/en/services/financial-advisory/analysis/deloitte-football-money-league.html> (accessed: 10.04.2025).

⁵ FC Bayern AG with record turnover of €952 million — €1.017 billion with Basketball and EV // FC Bayern München. URL: <https://fcbayern.com/en/news/2024/12/annual-financial-statement-for-season-2023-24> (accessed: 10.04.2025).

⁶ Gjerrulf R. Study: Dortmund are more popular than Bayern München // [Bulinews.com](https://bulinews.com/news/598/study-dortmund-more-popular-than-bayern-munchen). 17.08.2018. URL: <https://bulinews.com/news/598/study-dortmund-more-popular-than-bayern-munchen> (accessed: 10.04.2025).

ва в финансовом благополучии обусловлено неравномерным распределением средств от продажи прав на телевизионные трансляции и несоразмерными отчислениями от участия в международных турнирах УЕФА. Показательно, что все клубы «большой шестёрки» АПЛ в 2021 вошли в состав СЕ, что составило бы ровно половину от всех изначальных участников турнира.

В **российской Премьер-лиге (РПЛ)** финансовое благосостояние клуба тесно коррелирует с благосостоянием госкорпораций, выступающих спонсорами команд, и количеством средств, выделяемых из региональных бюджетов. Наибольшее вовлечение крупнейших отечественных госкорпораций в прямое или косвенное финансирование клубов помимо Зенита наблюдается у московских клубов. Москва и Санкт-Петербург при этом входят и в число самых продвинутых с точки зрения экономики регионов страны. Показательно, что за исследуемый период победителями РПЛ помимо Зенита становились исключительно клубы из Москвы. Призовые места в турнире в этот же период команды не из Санкт-Петербурга и Москвы занимали лишь пять раз (из тридцати возможных). Четыре из этих пяти призовых мест занимал клуб Краснодар, имеющий уникальную для РПЛ систему финансирования, предполагающую наличие исключительно частного капитала.

Особую остроту вопросы соревновательного баланса и регуляторной ответственности приобрели в России в сезоне 2024/25, когда сразу два клуба — Химки и Черноморец — были исключены из переходных матчей за право участия в РПЛ по итогам лицензирования⁷. Несмотря на занятое Химками 12-е место в таблице, клуб не получил лицензию из-за нарушений финансовых критериев, а затем начал процедуру банкротства. Черноморец, занявший третье место в Первой лиге, также не был допущен к стыкам из-за отсутствия домашнего стадиона, соответствующего регламенту. Эти случаи демонстрируют институциональные слабости национального футбольного управления, при которых формальные критерии не компенсируются системной поддержкой клубов. Более того, гибкость толкования правил лицензирования привела к правовому парадоксу — клуб Пари НН получил право остаться в РПЛ даже в случае поражения в стыках, что поставило под сомнение сам спортивный принцип отбора. Таким образом, кейс РПЛ 2025 года иллюстрирует, как формальное соответствие требованиям может подменять дух регламента, а лицензирование становится инструментом исключения слабых экономически, но не по спортивному результату.

Согласно данным Российского футбольного союза — главного футбольного регулятора в России, бюджеты клубов РПЛ в значительной степени зависят от так называемых «прочих операционных доходов», которые включают безвозмездные финансовые поступления от владельцев или акционеров⁸. По данным УЕФА, клубы РПЛ занимают шестое место в Европе по доходам от спонсоров. При этом доля доходов от спонсоров в РПЛ (59%) значительно выше, чем в ведущих европейских лигах. Например, для клубов Бундеслиги этот показатель составляет 39%, АПЛ — 30%, Ла Лиги — 26%⁹. Высокая доля доходов от

⁷ Паглазов Н. РФС объявил итоги лицензирования и пары стыков. И окончательно всех запутал // Чемпионат. URL: <https://www.championat.com/football/article-6025236-stykovye-matchi-za-vyход-v-rpl-pary-reglament-otsutstvie-licenzii-u-himok-i-chernomorca-ahmat-pari-nn-orenburg-sochi-ural.html> (дата обращения: 25.05.2025).

⁸ Ключевые финансовые показатели клубов РПЛ по итогам 2023 финансового года // Российский футбольный союз. 31.05.2024. URL: <https://www.rfs.ru/news/220511> (дата обращения: 10.04.2025).

⁹ The European Club Finance and Investment Landscape // UEFA. URL: <https://cdn.uefa.com/uefa-benchmarking-ecfil-report.pdf> (accessed: 10.04.2025).

спонсоров в общей структуре доходов клубов РПЛ увеличивает разрыв в благосостоянии клубов вследствие ограниченного репертуара возможностей для привлечения ресурсов в случае неспособности привлечь крупных спонсоров-го-скорпораций, количество которых тоже ограничено. Таким образом, РПЛ является примером ситуации, когда клубный футбол может эволюционировать от общественно значимого феномена на национальном уровне в элитарный товар, доступный ограниченному количеству участников рынка.

Финансовые возможности, спортивный результат и зрительский интерес. На основании данных авторитетного футбольного портала [Transfermarkt.world](https://www.transfermarkt.world)¹⁰ мы проанализировали связь между победой в турнире (спортивный успех) и общей рыночной стоимостью всех игроков (финансовые возможности). В условиях ФФП общая рыночная стоимость игроков в полной мере отражает возможности клуба по привлечению самых сильных и звёздных футболистов — ключевого профильного актива клуба.

Как видно из Таблицы 2, в 40 из 55 случаев (72,7%) победителем рассматриваемых турниров стали команды с наибольшей рыночной стоимостью игроков. Только дважды ими оказались команды, не представленные в Таблице 1 (Челси в АПЛ в сезонах 2014/2015 и 2016/2017). То есть доминирующий в плане спортивного результата клуб, также, как правило, имел и самый дорогой состав. Ещё в десяти случаях (18,2%) в турнирах первенствовали клубы, имевшие вторую по величине рыночную стоимость игроков. Соответственно, лишь в 4 случаях (7,3%) победителем турнира удалось стать команде, чья стоимость уступала первым двум командам. Этими командами стали Лестер в сезоне 2015/2016 (АПЛ, 11 место по стоимости), Локомотив в сезоне 2017/2018 (РПЛ, 6 место), Лилль в сезоне 2020/2021 (Лига 1, 4 место), и Атлетико Мадрид также в сезоне 2020/2021 (Ла Лига, 3 место).

Таблица 2

**Совокупная рыночная стоимость игроков команд — победителей турниров
(сезоны 2013/2014 — 2023/2024)**

Совокупная рыночная стоимость игроков у клуба-победителя	Премьер-Лига (Англия)	Бундеслига	Лига 1	Ла Лига	Премьер-Лига (Россия)
Наибольшая	9	10	9	6	6
Вторая по величине	1	1	1	4	3
Другая	1	0	1	1	1

Источник: составлено по данным [Transfermarkt.world](https://www.transfermarkt.world).

Тесная связь между результатом и финансовыми возможностями клуба повышает предсказуемость победителя турнира, что в теории должно приводить к снижению зрительского интереса к турниру. Для проверки данного предположения была проведена комплексная оценка зрительского интереса. Первым показателем оценки стала посещаемость матчей. Данный показатель важен для клубов с точки зрения получения дохода матч-дей (matchday), то есть дохода

¹⁰ Европейские лиги и кубковые турниры // [Transfermarkt.world](https://www.transfermarkt.world/wettbewerbe/europa). URL: <https://www.transfermarkt.world/wettbewerbe/europa> (accessed: 10.04.2025).

получаемого непосредственно в день матча в месте проведения игры (продажа билетов, клубной и сувенирной продукции, еды и напитков). Очевидно, что большая посещаемость увеличивает доход клуба.

На основе данных [Transfermarkt.world](https://transfermarkt.world) был составлен график (см. рис. 1), демонстрирующий динамику посещаемости в исследуемый период. График показывает, что наличие доминирующего клуба (повышение предсказуемости результата) не сказывается негативно на посещаемости турнира. Все зарубежные лиги демонстрировали незначительные изменения в посещаемости за исключением периода пандемии COVID-19, пришедшейся, в первую очередь, на сезон 2020/2021. РПЛ не смогла вернуться на допандемийный уровень посещаемости. Однако основная причина кроется во введении паспорта болельщика, приведшего к бойкоту части болельщиков, в том числе организованных (ultras).

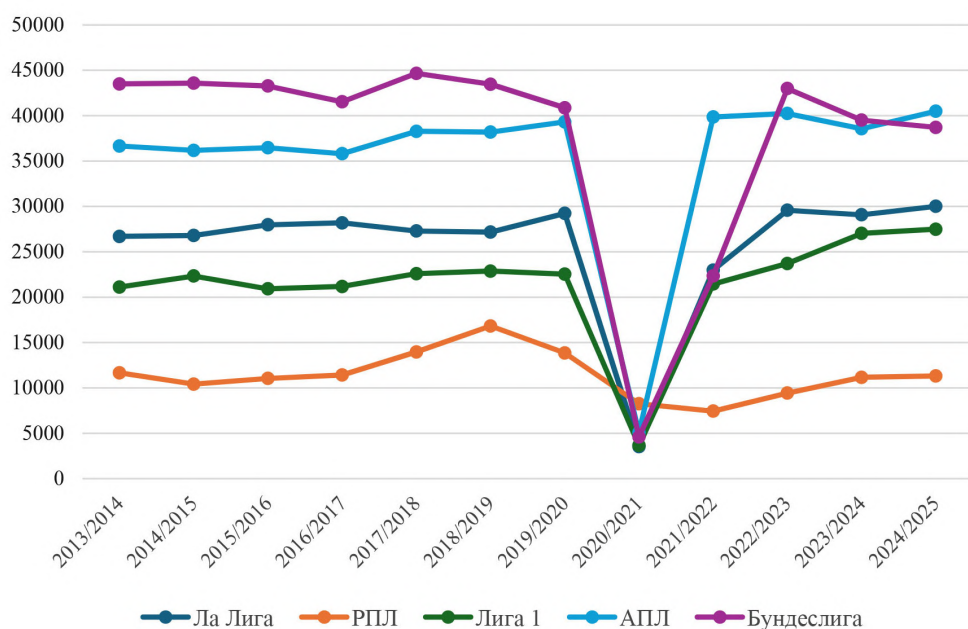

Рисунок 1. Динамика посещаемости турниров 2013/2014 — 2023/2024, количество человек

Источник: составлено по данным [Transfermarkt.world](https://transfermarkt.world).

Вторым показателем зрительского интереса стали доходы лиг, в которых определяющее значение имеют поступления от продажи прав на трансляцию. В отличие от размера аудитории (количества зрителей и/или просмотров) доходы показывают не только сам зрительский интерес, но и его капитализацию. На основе данных Statista был составлен график динамики доходов европейских футбольных лиг (см. рис. 2).

Как видно на Рисунке 2, доходность турниров не претерпела за исследуемый период значимых негативных изменений. Снижение доходов лиг наблюдалось в период ограничений, связанных с COVID-19, но после пандемии доходность вновь стала возрастать. Тем не менее, к сезону 2023/2024 рост замедлился, а в случаях Бундеслиги и Лиги 1 даже остановился. В Бундеслиге доминирование «Баварии»,

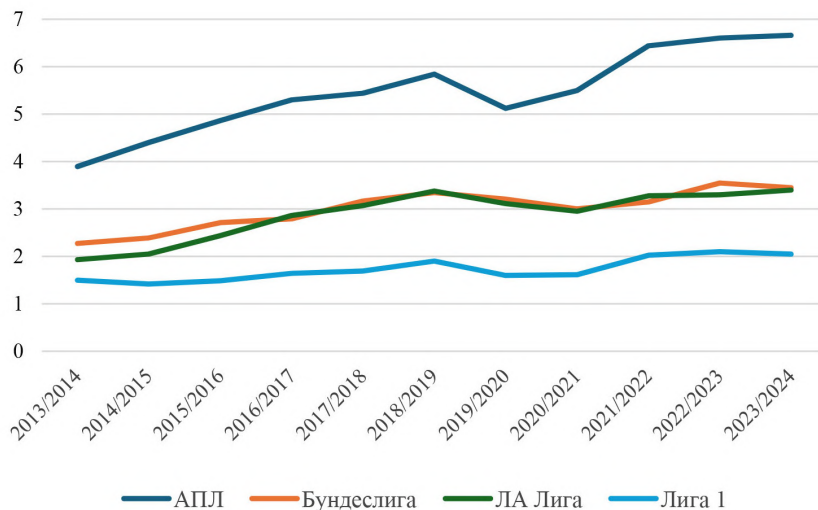

Рисунок 2. Динамика доходов турниров, в млн евро¹¹

которая выиграла десять чемпионатов за одиннадцать лет, частично снизило интригу и предсказуемость турнира, что отразилось в последние годы на снижении телевизионного интереса к матчам без участия «Баварии». Таким образом, лига сталкивается с вызовом сохранения баланса между спортивным доминированием и коммерческой привлекательностью. В Лиге 1 ПСЖ, благодаря агрессивной трансферной и маркетинговой политике, превратился в международный бренд, привлекающий болельщиков по всему миру. Высокая коммерческая и медийная активность клуба в социальных сетях и крупных медиаресурсах привела к значительному росту интереса к матчам с его участием, хотя общая посещаемость матчей Лиги 1 не продемонстрировала существенного роста. Такая ситуация подтверждает, что коммерческая привлекательность отдельных клубов не всегда прямо коррелирует с общей популярностью турнира. Однако вести речь о снижении общей доходности лиг пока явно преждевременно.

Случай РПЛ не встроен в сравнительную перспективу вследствие того, что доходы от продажи прав на трансляцию не определяют структуру доходов лиги. Так, например, согласно отчёту УЕФА за 2024 год, доля доходов от продажи прав на трансляции составила лишь 22,4% от общего дохода клубов¹². При этом права на трансляцию РПЛ в основном востребованы на внутреннем рынке, в то время как значимую часть доходов от продажи прав на трансляцию в европейских лигах составляют продажи за рубеж. Так, например, особенностью испанского футбола является явная концентрация зрительского интереса вокруг «Барселоны» и «Реала Мадрид», которые традиционно демонстрируют максимальную заполняемость арен и собирают наибольшее число зрителей. Популярность данных клубов выходит далеко за пределы Испании, а матчи с их участием, особенно

¹¹ Revenue of the Big Five soccer leagues in Europe from 2013/14 to 2022/23, with a forecast to 2024/25, by league // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/261218/big-five-european-soccer-leagues-revenue/> (accessed: 10.04.2025).

¹² Эрдниева К. Общая выручка клубов Российской премьер-лиги за 2024 год составила €981 млн // Forbes. 07.03.2025. URL: <https://www.forbes.ru/sport/532274-obsaa-vyrucka-klubov-rossijskoj-prem-er-ligi-za-2024-god-sostavila-981-mln> (дата обращения 10.04.2025).

очное противостояние, регулярно входят в число самых просматриваемых спортивных событий года в мировом масштабе. Кроме того, отстранение российских клубов от участия в турнирах УЕФА и санкции против российского спорта в целом делают сравнение с европейскими лигами некорректными. Тем не менее в постпандемийный период РПЛ демонстрирует рост финансового результата. Так, например, согласно налоговому отчёту РПЛ, чистая прибыль лиги за 2024 год составила 47,1 млн рублей, что на 16,3 млн рублей больше, чем было в 2023 году¹³.

Заключение. Проведённый анализ показал, что изменения социальных ролей европейских клубных турниров вызваны гиперкоммерциализацией современного футбола. Таким образом, социальные роли клубного футбола меняются не за счёт исчезновения интегративной функции, а вследствие её переориентации: от локальных, исторически укоренённых сообществ к глобальным, медийно-коммерческим аудиториям. Это происходит в ответ на структурное давление гиперкоммерциализации и концентрации капитала в руках немногих клубов. Трансформация социальных ролей клубного футбола проявляется в том, что, сохраняя свой объединительный потенциал, он всё меньше способствует социальной интеграции на основе традиционных социальных, культурных и политических идентичностей и ценностей, отражающих политические процессы, и структуру общества на субнациональном и национальном уровне. При этом всё больше интеграция сообществ осуществляется на основе футбола как бизнес-продукта, востребованного у глобальной аудитории. Концентрация популярных и звёздных игроков в доминирующих клубах обеспечивает устойчивый интерес к турниру и компенсирует ограниченность соревновательного баланса между всеми участниками турнира. Всё возрастающий разрыв между наиболее обеспеченными ресурсами клубов и остальными участниками турнира не является препятствием для эмоциональной привязанности болельщиков. Изначально неравное распределение ресурсов среди участников турнира не рассматривается как противоречие духу и природе спорта, а традиционные социальные и политические идентичности сосуществуют с глобальными спортивными идентичностями, которые отражают конъюнктуру футбола как глобального рынка.

Таким образом, в ведущих европейских и российской клубных футбольных лигах возможно сохранение и даже увеличение зрительской и коммерческой привлекательности турниров в ситуации ограниченной конкуренции за первенство, участниками которой являются лишь самые обеспеченные ресурсами клубы. Это ведёт к дальнейшей элитизации лиг, сдвигая баланс сил в сторону неравенства, вызванного стремлением к большей рыночной свободе и увеличению капитализации футбола. Дальнейшая элитизация клубного футбола способна в перспективе привести и к более радикальной трансформации социальных ролей футбола, связанных со сплочением болельщиков на наднациональном уровне и доминированием супранациональных футбольных идентичностей.

Библиографический список / References

1. Avila-Cano A., Triguero-Ruiz F. On the control of competitive balance in the major European football leagues. *Managerial & Decision Economics*. 2023;44(2):1254–1263. DOI 10.1002/mde.3745. EDN EVTYNY.

¹³ Зайцева Е. Чистая прибыль РПЛ за 2024 год составила 47,1 млн рублей // Forbes. 29.03.2025. URL: <https://www.forbes.ru/sport/533855-cistaa-pribyl-rpl-za-2024-god-sostavila-47-1-mln-rublej> (дата обращения 10.04.2025).

2. Януков С. Г., Бахтуридзе З. З. Влияние спорта на репутацию государств в современной политической повестке // Управленческое консультирование. 2022. № 7(163). С. 150–162. DOI [10.22394/1726-1139-2022-7-150-162](https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-7-150-162). EDN [GNJBFE](https://www.edn.ru/1726-1139-2022-7-150-162).
Yanukov S. G., Bahturidze Z. Z. The Impact of Sport on the Reputation of States in the Modern Political Agenda. *Administrative Consulting*. 2022;(7):150–162. (In Russ.). DOI [10.22394/1726-1139-2022-7-150-162](https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-7-150-162).
3. Савинов Л. В., Алоян М. С., Шумасов М. А. Политизация спорта как явление и проблема // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5, № 3. С. 107–118. DOI [10.12737/2587-6295-2021-5-3-107-118](https://doi.org/10.12737/2587-6295-2021-5-3-107-118). EDN [TBGHUV](https://www.edn.ru/10.12737/2587-6295-2021-5-3-107-118).
Savinov L. V., Aloyan M. S., Shumasov M. A. Politicization of sports as a phenomenon and problem. *Journal of Political Research*. 2021;5(3):107–118. (In Russ.). DOI [10.12737/2587-6295-2021-5-3-107-118](https://doi.org/10.12737/2587-6295-2021-5-3-107-118).
4. Баранов В. А., Лубышева Л. И. Спорт высших достижений: социологический анализ миссии и потенциала спорта // Теория и практика физической культуры. 2021. № 3. С. 3–5. EDN [TBMZYE](https://www.edn.ru/10.12737/2587-6295-2021-5-3-107-118).
Baranov V. A., Lubyshcheva L. I. Elite sports: mission, resource and progress survey and analysis. *Theory and Practice of Physical Culture*. 2021;(3):3–5. (In Russ.).
5. Бурдые П. Программа для социологии спорта // Начала : сб. М. : Socio-Logos, 1994. С. 257–275. Bourdieu P. Program for a Sociology of Sport. In: Choses dites. Moscow: Socio-Logos; 1994. P. 257–275. (In Russ.).
6. Friedman M. T., Parent M. M., Mason D. S. Building a framework for issues management in sport through stakeholder theory. *European sport management quarterly*. 2004;4(3):170–190. DOI [10.1080/16184740408737475](https://doi.org/10.1080/16184740408737475).
7. Vamplew W. The commodification of sport: exploring the nature of the sports product. In: Porter D., Vamplew W. (eds) Sport and entrepreneurship. Abingdon: Routledge; 2020. P. 37–50. DOI [10.4324/9781003018032-4](https://doi.org/10.4324/9781003018032-4).
8. Macedo A., Ferreira Dias M., Mourão P. R. A literature review on the European Super League of football – tracing the discussion of a utopia? *International Journal of Sport Policy*. 2022;14(3):563–579. DOI [10.1080/19406940.2022.2064895](https://doi.org/10.1080/19406940.2022.2064895). EDN [LTKLOS](https://www.edn.ru/10.1080/19406940.2022.2064895).
9. Brannagan P. M., Scelles N., Valenti M., Inoue Y. [et al.] The 2021 European Super League attempt: motivation, outcome, and the future of football. *International Journal of Sport Policy*. 2022;14(1):169–176. DOI [10.1080/19406940.2021.2013926](https://doi.org/10.1080/19406940.2021.2013926). EDN [UVBMQR](https://www.edn.ru/10.1080/19406940.2021.2013926).
10. Numerato D. Who Says “No to Modern Football?” Italian Supporters, Reflexivity, and Neo-Liberalism. *Journal of Sport and Social Issues*. 2014;39(2):120–138. DOI [10.1177/0193723514530566](https://doi.org/10.1177/0193723514530566).
11. Wagner U., Storm R. K., Cortsen K. Commercialization, Governance Problems, and the Future of European Football – Or Why the European Super League Is Not a Solution to the Challenges Facing Football. *International Journal of Sport Communication*. 2021;14(3):321–333. DOI [10.1123/ijsc.2021-0049](https://doi.org/10.1123/ijsc.2021-0049). EDN [LYRMVO](https://www.edn.ru/10.1123/ijsc.2021-0049).
12. Follert F., Emrich E. Was wäre wenn ...? *List Forum für Wirtschafts- und Finanzpolitik*. 2020;45(3):347–359. DOI [10.1007/s41025-019-00166-z](https://doi.org/10.1007/s41025-019-00166-z). EDN [ALIGRX](https://www.edn.ru/10.1007/s41025-019-00166-z).
13. Ahtiainen S., Jarva H. Has UEFA's financial fair play regulation increased football clubs' profitability? *European Sport Management Quarterly*. 2022;22(4):569–587. DOI [10.1080/16184742.2020.1820062](https://doi.org/10.1080/16184742.2020.1820062). EDN [MRVXVM](https://www.edn.ru/10.1080/16184742.2020.1820062).

Поступила: 16.04.2025. Доработана: 09.07.2025. Принята: 27.07.2025.

Сведения об авторах:

Горохов Виталий Александрович, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительных политических исследований, руководитель магистерской программы «Управление спортивной деятельностью и организация крупных спортивных мероприятий», Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС.

Санкт-Петербург, Россия.

gorokhov-va@ranepa.ru

Author ID РИНЦ: [301792](https://elibrary.ru/301792); ORCID: [0000-0003-1710-4677](https://orcid.org/0000-0003-1710-4677)

Нарышкин Кирилл Александрович, магистрант, Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС. Санкт-Петербург, Россия.

knaryshkin-23@edu.ranepa.ru

Author ID РИНЦ: [1289157](https://elibrary.ru/1289157)

V. A. Gorokhov¹, K. A. Naryshkin¹

¹ North-Western Institute of Management — Branch of RANEPA,
St Petersburg, Russia

TRANSFORMATION OF THE SOCIAL ROLES OF CLUB FOOTBALL IN EUROPE AND RUSSIA AMID GROWING ECONOMIC INEQUALITY

Abstract. The article analyzes the relationship between financial well-being, sporting performance, and spectator interest in the leading national European club competitions in the context of the evolving social roles of contemporary football. Drawing on the theoretical debate on inequality of opportunity in modern club football, the authors contrast the leading European clubs' pursuit of greater market freedom with the Union of European Football Associations' (UEFA) policy aimed at ensuring equal opportunities and unified regulatory standards. Based on a comparative analysis of the top national football leagues in England, Spain, France, Germany, and Russia from 2014 to 2024, the authors test the assumption that disparities in clubs' financial resources may undermine the perception of football as a common good due to the dominance of certain clubs and the growing predictability of sporting outcomes. Using match attendance and league revenues as indicators of spectator interest and its commercial capitalization at national and global levels, the authors conclude that football retains its social significance; however, its social roles undergo transformation, driven by the concentration of attention on the most decorated clubs. This concentration, on the one hand, exacerbates the gap between dominant and other clubs in the league, while on the other hand, it sustains the tournaments' commercial appeal by engaging not only national but also global audiences.

Keywords: football, inequality, sports economics, sociology of sports, spectator interest, commercialization of sport, social roles, national football leagues

For citation: Gorokhov V. A., Naryshkin K. A. Transformation of the social roles of club football in Europe and Russia amid growing economic inequality. *Science. Culture. Society.* 2025;31(4):162–175. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.11>

Received: 16.04.2025. Corrected: 09.07.2025. Accepted: 27.07.2025.

Author information:

Vitalii A. Gorokhov, Candidate of Political Science (PhD equivalent),
Associate Professor at the Faculty of Comparative Political Studies,
Head of the Master Program “Sports Industry and Sports Event Management”,
North-Western Institute of Management — Branch of RANEPA, St Petersburg, Russia.
gorokhov-va@ranepa.ru
ORCID: 0000-0003-1710-4677

Kirill A. Naryshkin, Master's student,
North-Western Institute of Management — Branch of RANEPA, St. Petersburg, Russia.
knaryshkin-23@edu.ranepa.ru

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ГЕОРГИЕВИЧА КАРА-МУРЗЫ (23.01.1939 — 18.10.2025)

Ушёл из жизни главный научный сотрудник Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, доктор химических наук, профессор, выдающийся советский и российский учёный, теоретик науки, социолог, член Союза писателей России, член экспертного совета «Политического журнала» Сергей Георгиевич Кара-Мурза — один из наиболее знающих и опытных специалистов в области системных кризисов, устойчивого развития, научной политики.

© Сергей Пятаков, РИА «Новости»

Выпускник химического факультета МГУ, имеющий опыт научно-исследовательской работы с начала 1960-х годов в Институте химии природных соединений АН СССР, Институте органической химии АН СССР, в должности заместителя директора Института истории естествознания и техники АН СССР, сотрудника Аналитического центра РАН по проблемам социально-экономического и научно-технического развития, Сергей Георгиевич более полувека своей жизни посвятил социологии, журналистике и политологии.

Сергей Георгиевич замечательный учитель, читал лекции в университетах Испании (1988–1996), в 1989–1990 годах работал приглашённым профессором университета Сарагосы, а с середины 2000-х по 2021 год заслужил признание и студенческую любовь как профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова. Как автор многих научных статей, монографий, книг, в том числе не раз переизданных — «Манипуля-

ция сознанием», «Демонтаж народа», «Потерянный разум», «Советская цивилизация», — он вскрывал проблемы кризисного общества, видел лучше других коллег горизонты будущего и всей душой и интеллектом отстаивал интересы и духовные основы российской цивилизации.

Глубоко порядочный, истинный гражданин своей страны, Человек масштабного видения проблем, Сергей Георгиевич в непростое постсоветское время сохранил традиции и культуру научного поиска, академический стиль взаимоотношений. В последние годы, работая главным научным сотрудником ИСПИ ФНИСЦ РАН, Сергей Георгиевич не устал демонстрировать свой блистательный ум, творческую энергию и трудолюбие, всегда высказывал оригинальные идеи и вдохновлял нас для нового научного поиска.

Светлая и добрая память о Сергее Георгиевиче, нашем соратнике и друге, учёном и теоретике науки навсегда останется в наших сердцах.

Коллеги, друзья, товарищи.

Дирекция и учёный совет ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Редакционная коллегия журнала «Наука. Культура. Общество».

EDN [DYXNET](#)

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ АКАДЕМИКА МИХАИЛА КОНСТАНТИНОВИЧА ГОРШКОВА (29.12.1950 — 24.11.2025)

Ушёл из жизни выдающийся учёный, социолог, академик Российской академии наук, член Президиума РАН, доктор философских наук, директор Института социологии РАН, лауреат многих государственных и академических наград. Социологическая наука потеряла талантливого организатора, сумевшего сплотить академическое социологическое сообщество, видного специалиста в области изучения массового сознания, общественного мнения и научной преемственности поколений.

Михаилу Константиновичу Горшкову по праву принадлежит ведущая роль в сохранении российской социологической науки в тяжёлые для страны 1990-е годы. Он сумел отстоять материальные условия труда и финансовую поддержку со стороны государства для большого коллектива представителей общественных наук, трудившихся в области социальной истории России и социологии политических отношений, объединить их творческий потенциал во вновь созданном в 1996 году Российском независимом институте социальных и национальных

проблем. Работу по консолидации творческого содружества российских социологов он продолжил, возглавив в 2005 году Институт социологии Российской академии наук, в последующем – Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН.

Благодаря его организаторскому таланту российские социологи смогли продолжать исследования по многим социально значимым направлениям: динамике социальной структуры и мобильности, социальной стратификации и неравенству, характеру становления среднего класса, трансформации профессиональной занятости, адаптации населения к рыночным условиям, потенциалу устойчивого социально-политического развития, восприятию гражданами единства многонационального народа и общенациональной идентичности, развитию общественных движений и экологического сознания, реформированию системы образования, структуре бюджета времени, проблемам молодёжи, семьи, вопросам межпоколенческой преемственности.

Михаил Константинович Горшков существенно помог созданию объединения социологов стран БРИКС, сотрудничество в рамках которого увенчалось рядом крупных проектов и, в частности, проектом изучения молодёжи в странах БРИКС, их ориентаций и ожиданий от будущего.

Наряду с тем, что Михаил Константинович сплотил российских социологов и реализовал множество важных научных проектов, особое значение имел его вклад в становление социологического образования.

В 1980-е годы, когда возможность приобщения к социологической науке была ограничена несколькими крупными городами и распространение знаний по прикладной социологии не имело официальной поддержки, он смог добиться согласия редакции журнала «Политическое самообразование», издававшегося миллионным тиражом, на публикацию совместно с коллективом социологов десяти методических статей о том, как организовать и проводить социологические исследования. В 1985 году Михаил Константинович Горшков добился и согласия идеологического органа ЦК КПСС об издании на базе опубликованных в журнале «Политическое самообразование» материалов учебника под названием «Как провести социологическое исследование». Впервые в истории страны учебник был издан в 1985 году авторитетным издательством Политиздат тиражом 85 тыс. экземпляров. В то время издание таким тиражом учебника по официально не жалуемой теме казалось фантастическим. Это был тираж, превосходивший совокупный тираж всех изданных до этого в стране учебников по прикладной социологии. Адресован он был широкой аудитории, интересовавшейся тем, как развивается общество. В 1990 году издательство Политиздат вновь переиздало учебник тиражом 50 тыс. экземпляров.

Личный научный интерес Михаила Константиновича Горшкова, начиная с середины 1970-х годов, был направлен на теоретическую разработку проблематики структуры общественного сознания, в качестве индикатора эмпирического анализа которого он выбрал динамику общественного мнения. Такая постановка проблемы привела его к актуализации не просто изучения среза общественного мнения, а к выявлению стадий его становления: от зарождения и формирования, влияния на этот процесс лидеров общественного мнения, до роли общественного мнения в формировании состояния массового сознания и мотивации массового поведения. Эта модель научного познания была им реализована в многочисленных исследованиях общественного мнения молодёжи в советский период, направленных на выявление молодёжной субкультуры,

представлений о жизненной и профессиональной траектории, и переросла в общероссийские исследования массового сознания населения в Российской Федерации.

Результатам своих научных исследований Михаил Константинович обеспечивал широкую огласку, тесно сотрудничая с телевидением, прессой и научными изданиями, ведя многочисленные беседы на общероссийских форумах молодых социологов. Он – автор более 300 публикаций, включая монографии и статьи по проблемам массового сознания, ценностных ориентаций и консолидации российского общества.

Заслуги Михаила Константиновича Горшкова в сохранении и развитии российской социологии в трудный период социально-экономической жизни страны действительно огромны, равно как и его научный вклад в развитие теории и методов социологического изучения состояний массового сознания. Мы осознанно и будем помнить нашу совместную работу.

*Коллеги, друзья, товарищи.
Дирекция и учёный совет ИСПИ ФНИСЦ РАН.
Редакционная коллегия журнала «Наука. Культура. Общество».*

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

сетевой научный журнал

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 81252 от 30 июня 2021 г.

Соучредители:

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Адрес: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Общественная российская академия социальных наук
Адрес: 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 24/7, стр. 1

Главный редактор:

Виктор Константинович Левашов

Ответственный секретарь:

Оксана Валерьевна Гребняк

Журнал «Наука. Культура. Общество» включён в базу РИНЦ, перечень ВАК, Белый список (ЕГПНИ)

ISSN 2713-0681

Материалы журнала размещены в открытом доступе на сайте

<https://www.journal-scs.ru>

Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает
точку зрения редакции. При использовании материалов ссылка на журнал
«Наука. Культура. Общество» обязательна.

2025. Том 31. № 4. Дата выхода в свет: 10.12.2025.

Адрес редакции: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1

Тел.: +7 499 530-27-32. E-mail: nauka.kultura.obshchestvo@yandex.ru